

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СТРАНЫ БОЛЬШОГО
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ РОССИИ

Сборник статей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2020

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

ISBN 978-5-288-06085-4

УДК 327
ББК 66
С83

*Рекомендовано к публикации
Научной комиссией в области политических наук
Санкт-Петербургского государственного университета*

Под редакцией канд. полит. наук А. И. Абалян

С83 Страны Большого Ближнего Востока во внешнеполитической стратегии России: Сборник статей / под ред. А. И. Абалян. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. — 1,96 мБ

В сборник вошли избранные материалы выступлений участников международной научной конференции «Страны Большого Ближнего Востока во внешнеполитической стратегии Российской Федерации» (26–28 марта 2019 года), приуроченной к 10-летию создания факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Особое внимание уделено стратегическим интересам России на Большом Ближнем Востоке: роли России в урегулировании арабо-израильского конфликта, перспективам урегулирования сирийского кризиса, иранском факторе в региональных международных отношениях на Ближнем Востоке, гуманитарным связям России со странами Ближнего Востока.

Во время подготовки сборника к публикации ушел из жизни старейший преподаватель факультета, профессор, доктор философских наук Джамал Зейнутдинович Мутагиров. Авторы посвящают свои работы коллеге, другу и учителю.

Издание предназначено для политологов и всех, кто интересуется мировым политическим процессом.

УДК 327
ББК 66

Подписано к использованию 22.12.2020

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ачкасов В. А.</i> Исламский мир: столкновение с глобализацией?	7
<i>Андреев А. А., Хашеми Б.</i> Проблема эффективности «мягкой силы» России в Иране	18
<i>Балтовский Л. В.</i> Восточный вектор для «Великой России» (геополитические стратегии начала XX века в партийной идеологии конституционных демократов)	33
<i>Белоус В. Г.</i> Актуализация восточного вопроса для российской государственности	44
<i>Будко Д. А.</i> Женщина и политика в турецкой литературе: политологический анализ	57
<i>Волков В. А.</i> Политическая экология как измерение оснований политики на ближнем востоке.....	62
<i>Голубев Д. С.</i> Сравнительная роль России в сирийском, ливийском и йеменском конфликтах: объяснение вариативности вовлеченности через призму пересечения мотивации и возможностей.....	69
<i>Грибанова Г. И.</i> Специфика российско-израильских отношений на современном этапе: диалектика соперничества и сотрудничества	84
<i>Магоматов А. Л.</i> Сравнительный анализ инструментализации ислама во внешней политике на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия.....	98
<i>Рабуш Т. В.</i> Советское военное присутствие в Афганистане в 1980-е годы: динамика стратегических интересов.....	110
<i>Сафонова О. Д.</i> Основные направления сотрудничества России и стран Ближнего Востока в международной гуманитарной сфере	119

<i>Хана Я. Ю., Мокрушина А. А.</i> Опыт перевода и описания арабских рукописей: сочинение «Лямийа» аш-Шанфары в фонде Института восточных рукописей РАН и в собрании Восточного отдела библиотеки им. Горького СПбГУ	138
<i>Царёв И. Н., Матюк С. Б.</i> Довузовское военное образование как сфера гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики	149
<i>Bijan A., Ejazi E., Lakzi M.</i> The Impact of Iran's Foreign Policy on Its Economic Development: A Comparative Study of Khatami, Ahmadinejad, and Rouhani's Administration.....	155
Сведения об авторах.....	176

CONTENTS

<i>Achkasov V. A.</i> Islamic world: the clash with globalization?	7
<i>Andreev A. A., Hashemi B.</i> The problem of the effectiveness of Russia's soft power in Iran	18
<i>Baltovsky L. V.</i> Eastern vector for "Great Russia" (geopolitical strategies of the beginning of the XX century in the party ideology of constitutional democrats).....	33
<i>Belous V. G.</i> Actualization of the eastern question for the Russian statehood.....	44
<i>Budko D. A.</i> Woman and politics in Turkish literature: a political analysis	57
<i>Volkov V. A.</i> Political ecology as a measurement of the foundations of politics in the Middle East.....	62
<i>Golubev D. S.</i> Russia's comparative role in Syrian, Libyan, and Yemeni conflicts: explaining the variations in involvement through the lens of overlap between motivations and opportunities.....	69
<i>Gribanova G. I.</i> The specifics of Russian-Israeli relations at the present stage: the dialectic of confrontation and cooperation	84
<i>Magomadov A. L.</i> Comparative analysis of the instrumentalization of Islam in foreign policy on the example of Iran and Saudi Arabia.....	98
<i>Rabush T. V.</i> Soviet military presence in Afghanistan in the 1980s: dynamics of strategic interest.....	110
<i>Safonova O. D.</i> The main areas of cooperation between Russia and the Middle East in the international humanitarian sphere.....	119

<i>Khana Ya. Yu., Mokrushina A. A.</i> Experience in translating and describing Arabic manuscripts: The composition "Lamiya" by al-Shanfara in the RAS Fund of the Institute of Oriental Manuscripts and in the collection of the Oriental Department of the St. Petersburg State University Gorky library.....	138
<i>Tsarev I. N., Matyuk S. B.</i> Pre-university military education as a sphere of humanitarian cooperation between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic.....	149
<i>Bijan A., Ejazi E., Lakzi M.</i> The Impact of Iran's Foreign Policy on Its Economic Development: A Comparative Study of Khatami, Ahmadinejad, and Rouhani's Administrations.....	155
Information about the authors.....	176

ИСЛАМСКИЙ МИР: СТОЛКНОВЕНИЕ С ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ?

Ачкасов Валерий Алексеевич

*(доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов, которые являются преимущественно реакцией мира ислама на экономическую и политическую глобализацию. Глобализация в формах, навязываемых Западом, воспринимается в исламском мире как угроза дальнейшему существованию, которая преодолевается посредством призыва возвратиться к традиционным формам общности — религиозной и этноплеменной. Как результат — мусульманам предлагается альтернативный вариант «исламской глобализации». Соответственно, многие процессы, развивающиеся на Ближнем Востоке, неизбежно оказывают влияние на российских мусульман. Этим, в частности, объясняется радикализация и политизация некоторых общин, духовные и идейные искания и заблуждения, распространившиеся среди российских мусульман.

Ключевые слова: мир ислама, исламская глобализация, религиозный фундаментализм, сетевой активизм, молодежное мусульманское сообщество.

ISLAMIC WORLD: THE CLASH WITH GLOBALIZATION?

Abstract. The article is devoted to the study of processes that are mainly a reaction of the Islamic world to economic and political globalization. Globalization, in the forms imposed by the West, is perceived in Islamic world as a threat to further existence, which is overcome through a call to return to the traditional forms of community — religious and ethno-tribal ones. As a result, Muslims are offered an alternative version of Islamic globalization. Accordingly, many processes developing in the Middle East inevitably affect Russian Muslims. This, in particular, explains the radicalization and politicization of some communities, the spiritual and ideological searches and misconceptions that have spread among Russian Muslims.

Keywords: world of Islam, Islamic globalization, religious fundamentalism, network activism, youth Muslim community.

Эксперты Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Прима-

кова Российской академии наук в подготовленном ими глобальном прогнозе до 2035 года утверждают: «Многомерный конфликт идентичностей — между носителями разных культурных норм и практик, между автохтонными и инокультурными группами, между центром и регионами — выдвигается на роль ключевого фактора политических и социокультурных трансформаций в современном мире» [1, с. 74]. Поэтому так называемый «исламский вызов» Западу — это не только война террористов Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) с силами коалиции в Ираке и Сирии, теракты во Франции, Испании или России. «Ислам бросил вызов Западу на глубинном уровне, когда радикальные исламские идеологи заявили, что мусульманское общество не будет развиваться по тому пути, который Запад предложил остальному миру как путь процветания и благоденствия» [2, с. 207]. Действительно, современные исламские идеологи и активисты, представляющие группу стран района Индо-Тихоокеанской дуги, добывающих сырьевые ресурсы, не принимают существующий миропорядок, возникший, по их мнению, в результате западной колонизации. Их негодование подпитывает также несправедливый характер экономической глобализации и навязывание западных культурных и политических стандартов, в чем они видят угрозу для ислама и мусульманской культуры. «С точки зрения нынешних исламистов или фундаменталистов, неудачи и недостатки современных исламских стран вызваны тем, что последние переняли чуждые понятия и обычаи. Они отделились от истинного ислама и таким образом утратили свое былое величие» [3, с. 78]. Поэтому они отрицают секулярное национальное государство и требуют вернуться к идее халифата — «исламского идеального государства». Отсюда рост политического влияния исламского фундаментализма, тотальный отказ от западной модели политического развития и появление ИГИЛ (ДАИШ) с его претензиями на строительство халифата, что рассматривается как восстановление исторической справедливости. «Инструментами политического курса... и его проводниками в современном арабском мире и за его региональными пределами выступают не столько глобальные идеологии, как в свое время социализм баасистов, а конфессионально и этнически консолидированные силы, способные обеспечить влияние элит за пределами государственных границ» [4, с. 106].

Однако «причина кроется не в исламе как религии, а в повсеместной утрате иллюзий, особенно среди молодежи, охватившей

население стран, уже вкушающих соблазнительные плоды модернизации, но неспособных обеспечить ими всех граждан» [5, с. 10]. Государства арабского мира переживают сегодня противоречивый процесс запаздывающей неорганичной модернизации, которая оказалась направленной против секуляризации, что, в частности, и породило феномен исламского фундаментализма и терроризма. «Мусульмане ищут такую модель модернизации, которая сохранила бы, а не устраняла религиозность, — утверждает норвежский исследователь П. Н. Воге. — Столкнувшись с Западом, они говорят: „Мы хотим быть современными, но не хотим быть такими как вы!“ Что это значит, никто конкретно не знает, и это нельзя уяснить сразу» [6, с. 42]. Пытаясь объяснить этот феномен, Э. Геллнер писал: «На Западе национализм возникает в результате того, что высокая культура — культура грамотного меньшинства — распространяется до границ всего общества и становится отличительным признаком принадлежности к нему каждого члена. То же самое происходит и в исламе, только здесь это находит выражение скорее в фундаментализме, чем в национализме, хотя порой эти два течения объединяют свои усилия. Для масс высокая форма ислама служила сертификатом, подтверждающим их новый статус, пропуском в число горожан. Она также определяла их в отличие от пришельцев, с которыми пришлось столкнуться в ходе колониальных конфликтов (новые колониальные нации складывались зачастую просто из всех мусульман, проживающих на произвольно выделенной территории, и не имели до этого никакой коллективной идентичности)» [7, с. 32]. В результате была сконструирована форма исламского национализма как своего рода политическая религия, и в большинстве мусульманских стран модернизация оказалась направленной и против секуляризации, и против Запада. Исламский радикализм, или исламизм, как политическое продолжение фундаменталистских течений в мусульманстве возник и вследствие слабости ряда светских авторитарных режимов (главным образом в арабских странах). «Ислам — вот решение!» — этот лозунг созданной в Египте организации «Братья-мусульмане» стал лозунгом мусульманских радикалов от улемов-фундаменталистов, формально стоящих вне политики, до джихадистов, призывающих к священной войне, включая террор против всех врагов ислама... Исламисты убеждены, что Запад — это система жизни, по своей природе отличающаяся от того, что требует ислам, что базовые ценности двух цивилизаций различны [8].

Действительно, в исламских странах есть влиятельные социальные группы, чьи интересы поставлены под угрозу социальной модернизацией. Это прежде всего духовенство, «которое чувствует, что их интересам угрожает модернизация налогообложения, потому что мешает им взимать налоги со своих единоверцев. Модернизация органов правоохранения угрожает, потому что отнимает у них право быть судьями. Это и есть те несогласные в мусульманском мире, которые на Ближнем Востоке в ближайшие годы будут продолжать свою политику несогласия», — утверждает мусульманин, профессор Лейденского университета Асеф Баят [9, с. 192].

С ослаблением светских идеологий (национализма, панарабизма), ранее выступавших выразителями недовольства подчиненных классов, и при отсутствии эффективных каналов легитимной политической активности призыв нового поколения политизированных исламских проповедников и активистов, зачастую спонсируемых властями Саудовской Аравии и черпающих вдохновение в Иранской исламской революции, нашел благодатную почву на рынках, в рабочих и студенческих общежитиях и, прежде всего, в мечетях — главных убежищах от политического давления со стороны светских авторитарных властей стран Большого Ближнего Востока.

Это обстоятельство усугубляется тем, что «...на Ближнем Востоке границы были проведены благодаря дипломатическим соглашениям колониальных держав, временным успехам армий, а не исходя из общности культур или желаний народов. Ни одно из этих государств не было однородным; языки, религии, культуры перемешались как в Сирии, так и в Ливане или Ираке. В Палестине рост численности еврейского меньшинства начал постепенно порождать скрытую гражданскую войну, которую уполномоченные властью не могли ни усмирить, ни пресечь. Арабские государства похожи на прошлые мусульманские государства, созданные с помощью оружия и населенные разными племенами, но они не имеют эквивалента средних классов Европы, состоявших из буржуа, чиновников или интеллигенции, способных взять на себя ответственность за конституционное государство», — писал Р. Арон еще в 1960-е годы [10, с. 124]. Навязанные границы системы ближневосточных государств привели к фрагментации региона на множество конкурирующих, часто искусственных государственных единиц, в основе которых лежали не общность и интересы населения, но исключительно интересы

западных держав. Потенциал национально-государственного строительства на основе существующего культурного единства, унаследованного со времен империй прошлого, правивших от имени мусульманской уммы, был принесен в жертву интересам метрополий Запада, что привело к разрушению традиционных региональных связей при вынужденной перестройке и переориентации экономических и политических отношений по западному образцу. В странах ислама, отмечает И. В. Кудряшова, «производящий идентичности политический дискурс в силу авторитарного характера неорганической модернизации был монополизирован государством и обрел рамку государственного национализма... Формирующаяся в них национальная идентичность фактически совпадала с государственной..., объективно принимала форму лояльности государственной власти... Самым влиятельным оппонентом (государственного национализма — В. А.) стал политический ислам. Слабый уровень развития гражданских структур и представительства консервировал патронажно-клиентелистские связи и партикулярные лояльности» [11, с. 161, 167].

Политические реформы, осуществленные в ряде исламских государств в 1990-е годы: «выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций» — «в подавляющем большинстве случаев имеют целью кооптацию во власть представителей патримониальных структур ради поддержания национальной консолидации „без размежевания“. Однако реально действующими социальными организациями, которые могут обеспечить лояльность индивидов, служить надежными сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, остаются мусульманские общины», — констатирует тот же исследователь [12, с. 163]. Как отмечает Дж. Най-мл., «деспотические режимы на Ближнем Востоке уничтожили свою либеральную оппозицию, и радикальные исламисты остались единственными инакомыслящими. Они питаются ненавистью по отношению к коррумпированным режимам, противостоянием американской политике и широко распространенными страхами перед модернизацией» [13, с. 20].

Поэтому именно конфессиональная солидарность приходит в исламском мире на смену национально-государственной идентичности, заимствованной у бывших стран-метрополий. Глобализация в формах, навязываемых Западом, воспринимается в этом регионе мира как угроза дальнейшему существованию, которая

преодолевается посредством призыва к возвращению к традиционным формам общности — религиозной и этноплеменной. Как результат — мусульманам предлагается альтернативный вариант **исламской глобализации**.

Каковы, по мнению исследователей, общие черты исламской глобализации? В первую очередь это стремление выйти за пределы деления ислама на течения и толки. Идея единой исламской «нации», которая часто подкрепляется терминологически: во многих языках народов, исповедующих ислам, слово «милла» означает как исламскую общину, так и нацию. На этом основании делается вывод о второстепенности, подчиненности этнической принадлежности религиозной, при игнорировании многообразия, мозаичности реального ислама. Идет активный поиск универсального, «идеального» ислама, который бы объединил всю мусульманскую умму.

Отсюда следующая ее черта — фундаментализация. Универсальный ислам, по мнению идеологов исламского глобализма, существует — его лишь надо отделить от позднейших наслоений. Их версия ислама проста — достаточно основываться на Коране и Сунне. Достижениями же исламской мысли, накопленными за 14 веков, они часто предпочитают пренебрегать. Утверждение, что достаточно минимума знаний для самостоятельного толкования сакральных текстов, — весьма серьезный шаг к радикализму.

Третья черта — переход на сетевую форму организации и активизма. Сетевой активизм помогает быстро распространять идеи и продвигаться в самые разные сообщества, Сегодня молодежное мусульманское сообщество становится экстерриториальным. Единомышленники могут создавать реальные сетевые сообщества с помощью виртуальных технологий. Поиски универсального ислама, захватившие значительную часть исламской молодежи, серьезно усложняют задачу адаптации и интеграции мусульман в современное общество [14, с. 496–497].

«Арабский мир, — отмечает С. Амин, — остается пленником концепций деспотического государства: он восхваляет деспота за то, что он „истинный“, а не за то, что „просвещенный“... Политический ислам призывает к подчинению, а не к эмансипации» [14, с. 101, 103]. Тем самым, с одной стороны, укрепляется легитимность традиционных авторитарных режимов нефтедобывающих государств региона Персидского залива, а с другой, обостряется цивилизационный конфликт между исламскими странами и За-

падом. «История способствовала накоплению обид у арабов, формированию представлений о Западе как о коллективном колониальном агенте, который, несмотря на обретение арабами независимости, по-прежнему относится к ним с пренебрежением как к обществам, недостаточно развитым политически и социально и, соответственно, во многом уступающим западным государствам» [4, с. 118]. Пример Ирака, Ирана, Сирии и Ливии наглядно доказывает правоту данного утверждения. При этом агрессивная энергия фундаменталистской мобилизации может быть канализирована в следующих основных направлениях:

- против поддающихся идентификации меньшинств, проживающих среди исламского большинства (христиане Ближнего Востока);
- против соседних государств и этнотерриториальных образований с целью пересмотра границ;
- против соседнего народа/страны, принадлежащих к другой цивилизации/конфессии;
- против персонификации «зла глобализации» — Соединенных Штатов Америки и Запада в целом.

Мировое сообщество вступило на рубеже веков в фазу глобальной активизации исламского мира, что чревато новыми противоречиями и конфликтами. Тем более что с 1960-х годов нарастает миграция в Европу и Америку из стран Ближнего Востока. Эти два процесса накладываются друг на друга, «поскольку значительная и весьма активная часть мигрантов представляет исламский мир. Исламский сектор западноевропейских обществ пополняется как выходцами из исламского мира, так и прозелитами. <...> Налицо процесс исламского натиска на евро-атлантическую цивилизацию» [16, с. 94, 95].

Поэтому было бы заблуждением толковать исламский фундаментализм только как направленную против Запада реакцию традиционного общества на глобализацию. Как пишет К. Калхун: «Современные исламские движения — это продукт экономической, политической и культурной глобализации, а не просто местной реакции. Они не только связывают между собой различные исламские страны, но и частично подпитываются опытом жизни в исламских анклавах на Западе...» Они стремятся стереть этнические и государственные границы и обращаются «...к мусульманам как к индивидам, где бы они ни находились, и как к членам великого со-

общества исламской веры, а не как к членам промежуточных этнических или местных политических общностей. Идеология исламского фундаментализма нелиберальна, но во многих отношениях она универсальна. Она представляет собой международный, даже глобальный способ осмысления локального» [17, с.187]. В авангарде этого движения идет в первую очередь городская мусульманская молодежь, что является серьезным вызовом современному западоцентричному миру и угрозой международной безопасности.

Соответственно, многие процессы, развивающиеся прежде всего на Ближнем Востоке, неизбежно оказывают влияние на российских мусульман. Ближний Восток в значительной мере хранит ключи к пониманию складывающейся сегодня в России ситуации в «мусульманских» регионах страны — радикализации и политизации некоторых общин, духовных и идейных исканий и заблуждений, распространившихся среди российских мусульман. Также важно смотреть на то, что происходит на Ближнем Востоке, через российскую призму — ведь мусульмане нашей страны уже стали неотъемлемой частью глобальной исламской уммы и активно участвуют в ее делах; неслучайно эксперты говорят об утрате собственной этнокультурной идентичности и «арабизации» значительной частью молодежи республик Северного Кавказа и не только¹ [19, с.28]. Именно поэтому важно смотреть на российский ислам в контексте того, что происходит в ближневосточном регионе. Такой взгляд дает возможность лучше понять процессы, происходящие в российской части исламской уммы, сравнивая их с теми тенденциями, которые наблюдаются в арабском мире. Турбулентность на Ближнем Востоке — политическая, идейная, религиозная — напрямую затрагивает российских мусульман. Возникает она по разным причинам, но со второй половины XX в. все большую роль играет религия, конкретно — все более политизирующийся ислам.

¹ По оценкам ряда экспертов (Раисы Сулеймановой, Галины Хизриевой и др.), сегодня «...традиционный ислам в Татарстане вытесняется на периферию. Он стал религией пожилых людей. Конфликт „отцов и детей“ налицо: финансирование из Саудовской Аравии, обучение молодых людей в ОАЕ, Египте или Катаре привело к тому, что одежда, брачное поведение и ментальность части молодых татар-мусульман копирует арабский менталитет. Им происходящее на Ближнем Востоке ближе, чем жизнь в России» [18, с.23].

Действительно, сегодня мусульмане Северного Кавказа также сталкиваются с серьезными вызовами, связанными с открытостью тем веяниям, которые захватывают весь исламский мир. Неслучайно эксперты отмечают, что линии напряженности в регионе отчетливо сместились с этнополитических на конфессиональные (как межконфессиональные, так и внутриконфессиональные) процессы и проблемы [20, с. 159].

Ранее для суфийских сообществ этих республик с высоким уровнем традиционализма был чужд новый вид исламской активности, предлагавшийся свежее испеченными мусульманскими лидерами. Однако в 1990-х годах распространенным способом возрождения ислама, а фактически реисламизации, стали приглашение зарубежных проповедников или отправка молодежи на обучение в заграничные исламские учебные заведения — в подавляющем большинстве в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Поэтому молодежные сетевые структуры все-таки стали неотъемлемой частью мусульманского ландшафта в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Сегодня молодежное мусульманское сообщество стало экстерриториальным. Единомышленники могут создавать реальные сетевые сообщества с помощью виртуальных технологий. В России молодежные джамааты особенно активно пошли по этому пути с середины 2000-х годов. Анализ социальных сетей свидетельствует о том, в какие тонкости исламского верования пытаются проникнуть молодые люди, с азартом обсуждая возможности и преграды применения норм Корана в политике и повседневной жизни. В результате «подспудно идет процесс складывания параллельной нормативной системы, основанной на исламском праве. В итоге формируется некий гибрид правосознания, который в зависимости от извлекаемой выгоды апеллирует то к государственному праву, то к адату, то к шариату, то к криминальным „понятиям“» [21, с. 14]. В свою очередь, «обращение к религиозной риторике позволяет радикалам, переинтерпретируя тексты Корана, объявить неверным любого мусульманина, работающего в российских государственных структурах или просто лояльного российского гражданина. Так, по их логике, мусульманин, соблюдающий российские законы — это многобожец, так как Аллах послал только один закон — шариат, соблюдать другой закон — это признать, что есть еще кто-то или что-то, равное Аллаху» [20, с. 185].

Поиски универсального ислама, захватившие значительную часть исламской молодежи, усложняют задачу адаптации и инте-

грации мусульман в современное общество². Вовлечение в орбиту ислама значительной части молодежи республик Северного Кавказа приводит к тому, что молодое поколение здесь все чаще причисляет себя к всемирной исламской умме и все реже идентифицирует себя с Россией и отправляется сражаться за «истинную веру» в ИГИЛ³ [21]. Поэтому нынешнее российское руководство должно учитывать эти глобальные процессы, в частности, неизбежность дальнейшей радикализации ислама и его экстремистских проявлений. При этом следует помнить, что распад государства может происходить и через постепенную утрату его ключевых функций: верховенства его юрисдикции на всей территории страны, монополии на легитимное насилие, способности осуществлять принятые федеральной властью решения и др.

Источники

1. Мир-2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2017.
2. Абашии С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетей, 2007.
3. Льюис Б. Ислам: что пошло не так? // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1.
4. Звягельская И. Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // ПОЛИС. 2019. № 1.
5. Дарендорф Р. Испытание авторитаризмом // Россия в глобальной политике. Т. 3. № 5 (октябрь 2005 г.).
6. Воге П. Н. Ислам в современном мире // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 1: Мусульмане в Европе: существуют ли пределы интеграции? / ред.-сост.: Т. С. Кондратьева, И. С. Новоженова. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 10–43.
7. Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995.
8. Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток — Orient. 2006. № 1.

² Правда, социолог Заид Абдулагатов отмечает парадоксальную двойственность сознания молодежи Северного Кавказа, больше половины которых, в ходе опросов, заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе культуре. «На вопрос, какие законы выше, шариатские или светские, в большинстве своем отвечают, что шариатские, но сами они по ним не живут!»

³ Национальная российская идентичность в структуре социальной идентичности коренных народов Дагестана занимает последнее место.

9. *Баят А.* Ислам, ислаимизм и диалоги о культуре в Европе // Русские чтения. Вып. 3: сб. м-лов программы Института общественного проектирования «Русские чтения» за январь — июнь 2006 г. М.: Группа Эксперт, 2006.
10. *Арон Р.* Избранное: Измерения исторического сознания. М.: Росспэн, 2004.
11. *Кудряшова И. В.* Мусульманская идентичность и современная политика // Мировой порядок — время перемен: сб. статей / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2019.
12. *Кудряшова И. В.* Нациестроительство на Ближнем Востоке: От мусульманской уммы к нации-государству? // Политическая наука: сб. науч. тр. № 1: Формирование нации и государства в современном мире / ред.-сост. вып. А. И. Миллер. М.: ИНИОН, 2008.
13. *Най-мл. Дж. С.* Упадок американской «мягкой силы» // Вопросы теории международных отношений: региональное и глобальное измерение: сб. науч. статей / сост. Н. В. Ганц, Т. И. Бунина. СПб: Северо-Зап. ин-т РАН-ХиГС.
14. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2018.
15. *Амин А.* Глобализация сопротивления: Борьба в мире. М.: URSS. 2009.
16. *Калхун К.* Национализм. М.: Территория будущего, 2006.
17. Исламу объявлен джихад. Почему исламисты похожи на фашистов // Русский репортер. 2013. № 43. 31 октября — 7 ноября.
18. *Авксентьев В. А.* Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации. Сборник экспертных докладов / отв. ред. М. А. Омаров. М.: Издательский центр РГГУ, 2018.
19. *Абдуллаев А. А.* Внутренняя миграция как фактор регионального политического процесса в республике Дагестан. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Калининград, 2019.
20. *Ярлыкапов А. А.* Ислам и конфликт на Кавказе: направления, течения, религиозно-политические взгляды // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2012.
21. *Арсланбекова З. Б.* Религиозная идентичность дагестанцев: традиционализм и ваххабизм. 2012. URL: <http://www.gmilev-center.az/religioznauya-identichnost-dagestancev> (дата обращения: 22.09.2019).

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В ИРАНЕ

Андреев Артем Алексеевич

(кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет),

Хашеми Бахадор

(магистр, Тегеранский университет, Иран)

Аннотация. Статья посвящена проблеме расширения культурного влияния России в Иране. Термин «мягкая сила», не в классической американской трактовке, а в российском и иранском его понимании соответствует понятию «внешнее культурное влияние». На основании материалов периодической печати и информации из иранских электронных ресурсов авторы показывают, каким образом реализуется внешняя политика России в Иране в сфере культуры, науки и образования в контексте тенденций мировой политики. Основное внимание уделяется факторам, способствующим и препятствующим ее реализации.

Ключевые слова: Россия и Иран, «мягкая сила», Дж. Най, «мягкая война», внешняя политика Ирана, внешняя политика России, культура, наука, образование.

THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF RUSSIA'S SOFT POWER IN IRAN

Abstract. The article is devoted to the problem of expanding Russia's cultural influence in Iran. The term "Soft Power", not in the classical American interpretation, but in the Russian and Iranian understandings corresponds to the concept of "external cultural influence". Based on materials from the periodical press and information from Iranian electronic resources, the authors show how the foreign policy of Russia in Iran in the field of culture, science and education is being implemented in the context of world politics trends. The main attention is paid to factors contributing to and hindering its implementation.

Keywords: Russia and Iran, "soft power", J. Nye, "soft war", Iran's foreign policy, Russian foreign policy, culture, science, education.

Одним из заблуждений, особенно часто встречающихся в публицистике, является отождествление культурного влияния той или иной страны с понятием «мягкой силы», разработанным

в начале 1990-х годов. Есть и обратное заблуждение, что ничего принципиально нового данный термин в себе не несет. Обе ошибки происходят из-за крайне субъективного значения определения *soft* (мягкий), вероятно обусловленного контекстом его появления на свет, за что он уже длительное время подвергается объективной критике. Дело в том, что сама концепция была разработана гарвардским профессором Дж.Наем в 1990 году. Это было уникальное время триумфа США, когда сама геополитическая победа над СССР еще не была закреплена распадом СССР. Реформы в рамках перестройки в Советском Союзе и новоогаревский процесс, вероятно, воспринимались, и не без основания, как значительный успех условного влияния, достигнутого без единого выстрела. Советское руководство само шло на многочисленные уступки, что стало во многом неожиданным не только для американского политического истеблишмента, но и для всего «академическо-политического» комплекса, как называл его Г.Моргентау [1, p.15]. В условиях «парадного шествия» демократических ценностей по странам бывшего Варшавского договора и появилась идея о наличии у США не только военного преимущества, но и особой власти, способной оказывать влияние на другие страны без давления, за счет собственного примера [2, p.166].

Дж. Най считал, что власть не ограничивается банальным обладанием ресурсами, позволяющими достигать поставленных задач или по крайней мере не терять своего преимущественного положения. Располагая большим ресурсным потенциалом, государство не всегда может достичь превосходства. Им приводился пример Вьетнама: отсутствие поддержки на уровне популярной культуры, когда значительная часть ее представителей, как известно, была на стороне противников войны, привело к тому, что США не достигли желаемых результатов. Здесь ни в коем случае нельзя говорить о безусловной победе Вьетнама, Дж. Най пишет скорее о том, что «мягкая сила» далеко не всегда подконтрольна и это, безусловно, одно из удивительных ее свойств. Вьетнам в данном случае подходящий пример, когда одно из проявлений «мягкой силы» США — субкультура пацифизма и антивоенный протест — получают среди западноевропейской молодежи сугубо антиамериканскую направленность [3].

Сам факт того, что в переводе на разные языки концепт получает такое широкое распространение, свидетельствует об успешной «мягкой силе» как минимум американской политической

науки. Определение и его трактовки часто встречаются в работах российских исследователей [4; 5; 6] и иранских авторов [7; 8]. Исследователи двух стран, находящихся в оппозиции к США по множеству проблематик мировой политики, активно пользуются терминами — производными от определения Дж.Най: «мягкая власть», «гибкая власть» или наиболее популярным в Исламской Республике Иран (ИРИ) переводом «мягкая война».

Термины «мягкая сила» и «гибкая власть» в переводе на русский язык верны и по сути тождественны. По причине гораздо большей популярности первой формулировки мы будем обращаться к ней. Как верно было замечено М. М. Лебедевой, главное не точность перевода, а определение значения, что в свою очередь уже определяет развитие длительной полемики [9, с. 213]. Перед тем, как кратко осветить ее развитие, следует рассмотреть определение самого автора концепции. Для Дж.Най, под которым он понимает не привлекательность той или иной страны в культурном отношении, а возможность, которую она предоставляет. «Что такое „мягкая сила“? — пишет он. — Это возможность получить то, что вам нужно, посредством привлекательности, а не принуждением или за оплату» [10, р. 10]. И подобная привлекательность обеспечивается культурой страны, политическими идеалами власти и ее политикой. Не углубляясь далее в примеры, которые он приводит, рассматривая проявления американской политической привлекательности с конца XVIII в., некоторые из которых весьма и весьма спорны, можно констатировать, что речь идет в том числе и о легитимности политического действия в категории справедливости в глазах других [10, р. 128].

Справедливыми с точки зрения элит других стран должны быть и внешнеполитические действия. Сам Дж. Най считал, что военные действия, инициированные США в Ираке, отрицательно повлияли, точнее, как выразился автор, «подорвали» имидж американских властей, но не повлияли на отношение европейцев к народу.

Традиционно одним из основных оппонентов Дж.Най научной общественностью считается его коллега по Гарварду Нил Фергюсон, притом что последний в своей работе был больше сосредоточен над проблемой эффективности внешней политики США. Н. Фергюсон, безусловно, приверженец реалистского подхода, тем не менее полемика с неолибералами наподобие Дж.Най не самоцель для него. «Мягкая сила» не отрицается им как инструмент, лишь фиксируется его несостоятельность без помощи силы

«жесткой», как например, это было в Афганистане, когда при поддержке американских военных в стране прошли демократические выборы [11, р. 21].

Другой автор — Дж. Маттерн — относится скорее к последователям Дж. Ная, нежели к его критикам, как об этом пишет в своей диссертации С. А. Сергеев [12, с. 21]. На самом деле она выступает против однозначного конструктивного понимания «мягкой силы» как «надстройки» к силе жесткой. «Мягкая сила», основанная на привлекательности, несмотря даже на наличие репрезентативной силы, являет собой, по версии Дж. Маттерн, «форму силы, которая черпается из источника идей, а не материальных ресурсов» [13].

Критиком Ная со стороны последователей неolibеральной парадигмы является Д. Найт. По ее версии, термин «мягкая сила», если воспринимать ее как несиловой инструмент достижения цели, должен быть переосмыслен. Более подходящим является «взаимная сила», когда результаты перераспределяются между акторами, при этом не обозначается, в равной мере это взаимовыгодно или нет [14].

В качестве объектов критики концепции «мягкой силы» выступали как ее инструментарий, так и его оценка. Сложность заключается в одновременной «жесткости» и «мягкости», например, инструментов экономического воздействия [9, с. 216]. По аналогии с войной США во Вьетнаме, инструмент «мягкой силы», например, сфера образования, не всегда может регулироваться инициатором его применения. Болонская система, как известно, помимо интеграции системы высшего образования представляет собой инструмент «мягкой силы» Европейского союза и в этом отношении встречает в большей степени скепсис среди российских преподавателей и руководителей передовых высших учебных заведений [15]. В Иране, между тем, ее не критикуют, поскольку она была изначально.

Ирония в том, что постановка на государственном уровне задачи практической реализации политики «мягкой силы» сама по себе служит демонстрацией эффективности «мягкой силы» США. В концепции и стратегии внешней политики США, например, данное словосочетание не употребляется. Оно не встречается в источниках, где представлена так называемая доктрина Буша, при этом там достаточно внимания уделяется преимуществам экономического лидерства США.

Несмотря на документальное отсутствие доктрины Обамы в текстовом ее выражении, можно констатировать, что привлекательности как минимум модели американского политического, экономического и внешнеполитического воздействия в его администрации придавалось большое значение.

Демонстрацией эффективности «мягкой силы» США является факт заимствования этого термина и появление его не только в научных трудах, но и во внешнеполитических концепциях России. В Концепции внешней политики России от 10 января 2000 г. говорится о значении культурного влияния. В Концепции внешней политики России от 12 февраля 2013 г. появляется сам термин «мягкая сила» и ему дается уже юридическое определение как «комплексному инструментарию решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии». В Концепции отмечается, что «мягкая сила» может использоваться деструктивно и противоправно с целью оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе и в рамках финансирования гуманитарных проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом.

Далее же, обосновывая приверженность к универсальным демократическим ценностям, в рамках концепции ставится одна из задач — совершенствовать систему применения «мягкой силы» [16]. Термин используется и в концепции 2016 г. [17].

В ИРИ на государственном уровне данный термин также активно используется. По словам политолога Х. Мансура, главным документальным источником мягкой силы исламской революции является Конституция Исламской Республики Иран. И здесь понятие «мягкая сила» исламской революции принципиально отличается от того, что «пропагандируется в западной культуре либеральной демократии». Преобразования, достигнутые после революции, по словам автора, способствовали «возрождению идентичности мусульманского мира, содействию исламскому пробуждению, обновлению современной исламской цивилизации, изменению баланса сил в регионе, активизации борьбы с западной гегемонией, открытию третьего фронта в международных отношениях» [18].

Критерии и свойства инструментария «мягкой силы» являются отдельной темой исследований. Мы же поставили целью изучить российскую «мягкую силу» как способность распространять свое влияние не посредством активных действий (в таком случае это уже будет сила «жесткая»), а исключительно привлекательностью российской внешней политики, ее внешнеэкономической деятельности, уровня развития культуры, науки и образования. Немалое значение имеют такие факторы, как:

- контекст — в нашем случае это условия «жесткого» американского экономического и политического давления в большей степени на Иран и в меньшей на Российскую Федерацию;
- предыстория развития двусторонних отношений.

Что касается последнего, то до 1979 г. условия для американского влияния были скорее благоприятными, и активные действия по его распространению получили обратный эффект. В среде элиты страны были популярны прозападные настроения, и непосредственное участие американских спецслужб во внутриполитических процессах в Иране (свержение премьера Мосаддыка, например) разрушали образ справедливости американской политической системы в глазах большинства населения. После революции и провозглашения Исламской Республики Иран возможность реализации «мягкой силы» как воздействия без угроз со стороны правительства исчезла. При этом можно констатировать, что память о политике «вестернизации», проводимой шахом, в современном иранском обществе сохраняется.

Таким бэкграундом для успешной реализации политики культурного влияния, как США, Россия, увы, не располагает. Во-первых, опыт двусторонних отношений, начиная с эпохи Каджаров и после заключения Туркманчайского договора, был для Ирана скорее негативным, нежели позитивным. О трагическом для страны российском завоевании иранских территорий часто пишут иранские историки. Во-вторых, советское присутствие на территории Северного Ирана в политике памяти однозначно трактуется как фактическая оккупация.

После распада СССР появились условия для становления отношений на иных условиях с последующим их развитием во всех областях. В это время уменьшился элемент подозрительности и пессимизма в отношениях между двумя странами и взаимопо-

нимание между Ираном и Россией способствовало их сотрудничеству на региональном уровне. Например, обе страны препятствовали прямому и легкому движению Запада в регионы Центральной Азии, Каспийского моря и Кавказа. Глобальный контекст попыток доминирования со стороны США инициировал и региональное сотрудничество с другими акторами со схожими позициями.

По мере расхождения позиций России с западными партнерами получали свое развитие отношения в военно-политической и военно-технической сфере с Ираном. Строительство ядерных энергоблоков, укрепление иранских сил обороны путем поставки ЗРК С-300 [19], соглашение в энергетической области, сотрудничество по прекращению хаоса межгражданского противостояния из-за вмешательства иностранных сил в Сирийской войне и другие события можно считать сближением двух стран.

Уровень полноценных союзнических отношений все же не был достигнут. Каждая из сторон преследовала свои интересы. В том числе и под влиянием США Россия четыре раза голосовала за резолюцию Совета Безопасности ООН по введению санкций против Ирана с 2006 по 2010 г., хотя был известен уровень ядерной программы Ирана, поскольку российские специалисты активно участвовали в реализации иранских ядерных проектов. Также при обработке конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. Россия постепенно отошла от общей с Ираном и Туркменистаном позиции необходимости определения статуса к практике определения срединной линии, выгодной Азербайджану и Казахстану. Несмотря на дискуссию относительно легитимности присоединения Крыма к России в научном сообществе Ирана, на государственном уровне Крым не признается российским [20, с. 177–179].

Продажа Ирану российских ЗРК С-300 сопровождалась длительным согласованием и фактически была реализована только в условиях нарастания российско-американских противоречий. До окончательной передачи этой системы ни один из иранских или российских чиновников не прокомментировал ход процесса. По мнению д-ра Махмуда Шуи, эксперта из Центра стратегических исследований Исламской Республики Иран, «российские официальные лица четко не отвечают на этот вопрос, так как частью стратегии Тегерана и Москвы является доведение дела до некоторой неопределенности». На вопрос, почему поставка системы обороны

С-300 была настолько трудоемкой, эксперт также сказал: «Из-за неясности вопроса невозможно ответить четко и сказать, был ли факт несоблюдения Россией своих обязательств или нет» [21].

Контекст внешнеэкономического сотрудничества двух стран оставляет желать лучшего, несмотря на огромный потенциал для его развития. В структуре экспорта в Россию из Ирана по-прежнему лидируют томаты, томатная паста и фисташки. А в Иран поступает российская древесина. Все эти товары имеют особое место в ежегодном торговом обороте, но в плане товарооборота технологических и промышленных товаров и продуктов обе страны имеют отличные перспективы и возможности ограничить импорт аналогичных товаров из Китая, например, машин и транспортной техники.

Торговый оборот в 2018 г. между Ираном и Россией не превышал 2 млрд долл. [22], что явно недостаточно для укрепления взаимовыгодных экономических связей. Для сравнения, по данным Организации по развитию торговли Ирана, торговый оборот с крупнейшим торговым партнером Ирана — Китайской Народной Республикой — в 2018 г. находился на уровне 19,5 млрд долл. На втором месте — Объединенные Арабские Эмираты с торговым оборотом около 2,5 млрд долл. в 2018 г. [23]. Несмотря на введение санкций и сложности, связанные с колоссальным политическим и экономическим давлением, Европейский Союз по-прежнему остается крупным торговым партнером с товарооборотом в размере 18 млрд евро [24].

Таким образом, контекст двусторонних отношений в различных сферах и бэкграунд не благоприятствуют российской политике «мягкой силы» в ИРИ. Тенденции к совершенствованию сотрудничества, тем не менее, есть. Сохранение значительного экономического и политического давления США на Россию и Иран одновременно будет способствовать формированию положительного образа Российской Федерации. Последующие репутационные потери Соединенных Штатов, связанные с разрушением справедливого мироустройства и гегемонистскими их устремлениями, «улучшают» образ России, и она может оказаться в более выигрышных условиях.

Далее в нашей статье мы рассмотрим последние тенденции и их перспективы в будущем как активной российской культурной внешней политики, так и роста интереса к культуре России в самом Иране, обеспеченного без внешних усилий.

Здесь потенциал для российского культурного влияния огромен. Достижения российских высших учебных заведений в области гуманитарных и технических наук, медицины, статус русского языка в странах СНГ и в мире, богатая литература на русском языке — все это в полной мере способствовало популярности курсов русского языка в Иране. Они создаются, как правило, при университетах, но есть и частные школы иностранных языков, действует иранская ассоциация русского языка и литературы [25] и т. д.

Тегеранский университет можно назвать главным центром профессионального *обучения русскому языку* в ИРИ. Это один из крупнейших и старейших классических университетов страны, который был образован в 1934 году. Факультет иностранных языков и литературы — один из университетских факультетов, где с момента его образования начали принимать студентов для обучения русскому языку. Здесь же в 2017 г. было открыто представительство фонда «Русский мир» [26]. На факультетах права и политологии, литературы и мировых исследований разработаны и действуют курсы лекций и семинарских занятий на русском языке.

С февраля 2004 г. действует кафедра русского языка в Университете имени Фирдоуси, он расположен в г. Мешхеде и является крупнейшим университетом на северо-востоке Ирана. В целях более эффективного обучения студентов и преподавателей кафедра предпринимала значительные усилия по закупке книг, получению доступа к российским образовательным ресурсам и организации стажировки для ее сотрудников в России. Сейчас библиотека кафедры располагает самым большим количеством российских книг [27]. Кафедра также оснащена передовой аудиолaborаторией, что позволяет преподавателям на самом высоком международном уровне проводить тестирование студентов на знание русского языка.

Кафедра русского языка Университета Тарбиат Модаррес в Тегеране была основана в 2000 г. и с 2001 г. впервые в Иране начала обучать магистров. В настоящее время здесь проходят обучение аспиранты, специализирующиеся на российском направлении.

Кафедра русского языка в тегеранском Северном филиале Университета Азада, начала свою работу в 1983 году и выпустила около 1400 студентов разных степеней. Можно перечислить и другие университеты, в которых преподается русский язык, такие как Мазандаранский университет (г. Бабольсер), Гилянский

университет (г. Гилян), Университет «Аль-Захра» (г. Тегеран), Университет Шахида Бехешти (г. Тегеран), Университет Алламе Табатабаи (г. Тегеран) и Университет Гонбад (г. Гомбеде Кавус). По увеличению количества кафедр и бакалаврских и магистерских программ, связанных с русским языком, можно видеть интенсивный рост интереса к русскому языку у иранцев, но это происходит без активных действий со стороны России. Это значит, что в отношении русского языка действует «мягкая сила», без принуждения, в классическом понимании ее Дж. Наем.

Тем не менее сравнивать позиции с английским языком не приходится. Английский по-прежнему является самым популярным для изучения в Иране, но первые попытки обозначить конкуренцию предпринимаются. В апреле 2018 г. в ИРИ был поставлен вопрос о внедрении в школах русского языка как второго иностранного. Такое заявление сделал министр образования и воспитания Ирана Сейед Мохаммад Батхаи на встрече с главой комитета Госдумы по образованию и науке Вячеславом Никоновым [28]. На данный момент сведений о практической реализации данного предложения нет.

Указанных кафедр и центров изучения русского языка не хватает для обучения всех желающих русскому языку. При этом есть рост интереса у иранских студентов к продолжению обучения в России, и с каждым годом все больше и больше студентов приезжает учиться в российских вузах. По словам заместителя министра здравоохранения Ирана профессора Хамида Акбари, большинство иранских студентов-медиков выбирают Россию для обучения за рубежом. Список российских университетов, утвержденный Министерством здравоохранения и медицинского образования, пересматривается на основе мировых рейтингов Шанхая, Киваса и «Таймс» [29].

Вместе с тем, информации о российских вузах мало по сравнению с тем, как себя представляют в Иране европейские университеты. На сегодняшний день десятки частных институтов в Иране занимаются отправкой студентов за рубеж. По данным за 2018 г. около 50 тыс. иранских студентов обучались за рубежом [30]. Из них около 10 тыс. студентов получали медицинское образование [31]. В США учатся и проживают около 13 тыс. иранских студентов. Далее следуют Бахрейн и Саудовская Аравия [32]. В России большинство иранских студентов обучаются медицине, также популярны технические направления [33].

Классическая *русская литература* пользуется большой популярностью в Иране. Путь к иранскому читателю она прошла через Европу. Произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и других, были переведены с французского языка, а не с языка оригинала. В последнее время есть тенденция переводить классиков заново, непосредственно с русского языка на персидский, что дополнительно стимулирует интерес у иранских студентов и остальных желающих изучать русскую литературу. Крупные иранские издательства «Ней», «Нилуфар», «Марказ», «Амир Кабир», «Гермес» и «Махи» печатают российских классиков для широкой аудитории. Самыми популярными российскими писателями являются классики XIX в. — Толстой и Достоевский. Последний входит в пятерку самых популярных и публикуемых писателей в Иране [34].

Несмотря на благоприятную перспективу ирано-российских отношений, по мнению иранских специалистов, России необходимо работать со своим имиджем в Иране. Нужно активнее применять публичную дипломатию и при помощи СМИ на персидском языке доступно и популярно доводить до иранского общества цели российской политики. В последние годы с помощью таких институтов, как фонд «Русский мир», предоставлению научных стипендий и облегчению возможности обучения в России, расширению сетки СМИ (канал *Sputnik*) и др., Россия продемонстрировала эффективные шаги в улучшении образа страны.

Выход США из «ядерной сделки» и последовавшие за ним две волны экономических санкций заметно ограничили возможности для иранских туристов посещать европейские страны. Данное обстоятельство выгодно для России, поскольку, если будут предприняты необходимые шаги, можно увеличить поток иранских туристов в российские города. Таковым шагом может стать отмена визового режима. Ярким примером тому является присутствие около 4 тыс. иранских болельщиков на чемпионате мира по футболу летом 2018 г., что стало возможным благодаря облегченному режиму приобретения виз на чемпионат мира [35]. Приезд иранских болельщиков сопровождался концертами и другими культурными мероприятиями.

Расширение банковских связей [36], отказ двух стран от доллара во взаимных расчетах и использование национальных валют [37], реализация и признание платежных банковских карт [38] смогут позитивно повлиять на увеличение товарооборота между

странами и существенно расширить значительные возможности для иранских и российских туристов в обеих странах.

Подводя итоги, можно выделить следующие принципиальные моменты относительно эффективности «мягкой силы» России в Иране.

1. Сам термин в России и Иране пользуется огромной популярностью на государственном уровне и среди исследователей, но это не говорит об успехе «мягкой силы» третьей стороны — США, поскольку в этих трех странах совершенно отличны подходы к его определению. В классическом варианте, разработанном Дж. Наем, это влияние, которое оказывает сам положительный имидж страны на внутреннюю и внешнюю политику других стран. Категория справедливости является центральной в данном положительном образе, и в связи с этим достаточно трудно пользоваться «мягкой силой» как инструментом влияния.
2. В России и в Иране «мягкая сила» воспринимается в более практическом русле как методика активных внешнеполитических действий в сфере культуры, науки и образования. В Иране также популярна и трактовка «мягкой войны» как серии информационного воздействия на население посредством пропаганды третьей стороной с политическими целями.
3. Эффективность «мягкой силы» России может оцениваться в двух категориях. Во-первых, это контекст, где и историческая память иранцев о северном соседе, и современные тенденции отношений двух стран в экономической сфере, и русская культура. На данный момент он благоприятствует активной политике в сфере культуры. Несмотря на наличие негативных оценок действиям Российской империи и СССР в прошлом, русская культура и искусство пользуются интересом среди иранцев.
4. Действия со стороны России по реализации политики «мягкой силы» в Иране как расширению культурного влияния можно назвать эффективными. Проблема лишь в определении степени ее эффективности, поскольку спрос на русский язык и русскую культуру в ИРИ пока превышает предложение.

Источники

1. *Russell G. Morgenthau in America: The Legacy, Hans J. Morgenthau and the American Experience.* Springer, 2017. P. 143–168.
2. *Nye J. Soft Power.* Foreign Police, 1990, no. 80. P. 153–171.
3. *Nye J. Why Soft Power Matters in Hard Power World.* URL: <https://sites.tufts.edu/fletcherrussia/joseph-nye-why-soft-power-matters-in-hard-power-world/> (дата обращения: 07.10.2019).
4. *Лексютина Я. В., Радиков И. В.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2012. № 2. С. 19–26.
5. *Будаев А. В.* Роль «мягкой силы» во внешней политике России: на примере российско-бразильских отношений: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014. 25 с.
6. *Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ: коллективная монография / под ред. Е. Г. Борисовой.* М.: Флинта: Наука, 2015.
7. *Ghorbi S. M., Heydari M.* Farhand va ghodrate narm; Motalee manabe farhangi ghodraze narm dar ghanone asasi jomhoori eslami Iran / *Faslname Rahborde Ejtemaee Farhangi, Payapey* 26 (Bahar 1397).
8. *Esmaili M.* Olgooye boomi ghodrate narm jomhoori eslami Iran; Modeli baraye ghodrat sazi bazigaran mantagheyi / *Faslname Siasat, Sale* 48, shomare 4 (Zemestan 1396).
9. *Лебедева М. М.* «Мягкая сила»: понятия и подходы // *Вестник МГИМО Университета.* 2017. № 3 (54). С. 212–223.
10. *Nye J. Soft Power: The Means to Success In World Politics.* New York: Public Affairs, 2004.
11. *Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire.* London: Penguin books, 2005.
12. *Сергеев С. А.* Наука как фактор мягкой силы: дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2016.
13. *Mattern, J.* Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. URL: https://www.academia.edu/1141856/Why_Soft_Power_Isnt_So_Soft_Representational_Force_and_the_Sociolinguistic_Construction_of_Attraction_in_World_Politics (дата обращения: 07.10.2019).
14. *Knight J.* The limits of soft power in higher education. 31.01.2014. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129134636725> (дата обращения: 07.10.2019).
15. Ректор МГУ призвал отказаться от Болонской системы образования. Виктор Садовничий предлагает вернуться к пятилетнему обучению в вузах. URL: http://zavtra.ru/events/rektor_mgu_nazval_oshibkoj_perehod_na_bolonskuyu_sistemu_obrazovaniya (дата обращения: 07.10.2019).

16. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 16.11.2019).
17. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 16.11.2019).
18. Горби С. М. Д., Хейдару М. Изучение культурных основ мягкой силы в конституции Исламской Республики Иран. *روشنه ، یبرق داوادمحمدیسیس* یروهمجیسیسا نوناقر د جزن تردق یگنهرق عبانم معلظم؛ جزن تردق و گنهرق — یریدج (۱۳۹۷ راهب) ۲۶ ییایب، یگنهرق یعامتجا در بهار ممانصلص / ناریا یملاسا URL: <http://ensani.ir/fa/article/54327> (дата обращения: 16.11.2019).
19. Россия завершила поставку ракетных комплексов С-300 в Иран. URL: <https://ria.ru/20161013/1479122551.html> (дата обращения: 16.11.2019).
20. Филлин Н. А. Вопрос о воссоединении Крыма с Россией в иранском политическом дискурсе // *Власть*. 2017. № 12. С. 177–179.
21. Взгляд на процесс доставки С-300. *سأ لیوحت دنیارف مج یهاگت* URL: <http://irdiplomacy.ir/fa/news/1958195/> (дата обращения: 27.10.2019).
22. Товарооборот России с Ираном увеличился в 2018 г. URL: <http://www.irna.ir/ru/News/3672277> (дата обращения: 16.11.2019).
23. Внешнеторговый оборот Исламской Республики Иран. Данные за 2018 г. *لکاشورف و دیرخ ۹۷ ت لاوحت* URL: <https://donya-e-eqtasad.com/7> (дата обращения: 27.10.2019).
24. Торговля Исламской Республики Иран с Европой. *یوروی درایلیم ۱۸ تراحت* URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1397/12/10/1958773/> (дата обращения: 27.10.2019).
25. Официальный сайт Иранской ассоциации русского языка и литературы. URL: <http://www.iarll.ir/> (дата обращения: 16.11.2019).
26. Тегеранский Университет. Факультет иностранных языков и литературы. *یجراخ تاییبدا و نابز مدکشناد* URL: [http://fll.ut.ac.ir/-](http://fll.ut.ac.ir/) (дата обращения: 16.11.2019).
27. Изучение русского языка в Иране. *ناریا رد یسور نابز شزوما تیععضو* URL: <http://www.iras.ir/fa/doc/report/3718/> (дата обращения: 27.10.2019).
28. Иран рассматривает внедрение в школах русского языка как второго иностранного. URL: <http://www.irna.ir/ru/News/3627030> (дата обращения: 16.11.2019).
29. Изучение русского языка в Иране. *یکشزپ نابوچشناد لوا دصقم میسور* URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/886263> (дата обращения: 27.10.2019).
30. Какое количество иранских студентов за границей. *رد یناریا نابوچشناد دادعت* URL: <https://www.jambaran.ir/fa/tiny/news-993954> (дата обращения: 16.11.2019).
31. Трансфер студентов-медиков в страну ограничен. *یکشزپ مولء نابوچشناد ل اقتنا* URL: <http://www.irna.ir/fa/News/83053753> (дата обращения: 16.11.2019).

32. Данные о международной миграции иранских студентов. تباينزج راشنته URL: <https://tn.ai/1781359> (дата обращения: 16.11.2019).
33. Многие иранские студенты изучают медицину в России. زا یدایز دادعتہ URL: <http://dolat.ir/detail/311446> (дата обращения: 16.11.2019).
34. Бестселлеры в Иране. دنمادکن اریا رد نآگدنسیونو و اهباتکن یرتشی ورفرپ URL: <https://www.mehrnews.com/news/4512557/> (дата обращения: 14.11.2019).
35. Примерно 3000 иранцев вывезли из страны 12 миллионов евро во время чемпионата мира 2018 г. ۱۲، می‌ناهجم‌اج تاقباسم رد روضد یارب ی‌ناریا ۳۰۰۰ URL: <https://www.ilna.ir> (дата обращения: 16.11.2019).
36. Подключены банковские карты Ирана и России. ناریا ی‌کناب ی‌اهت‌راک چینوسه URL: <https://www.cbi.ir/showitem/16329.aspx> (дата обращения: 16.11.2019).
37. Россия и Иран отказались от доллара во взаиморасчетах. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/02/05/12165949.shtml> (дата обращения: 16.11.2019).
38. Россия и Иран договариваются о взаимном признании платежных карт «Мир». URL: <https://iz.ru/730328/2018-04-09/rossiia-i-iran-dogovarivaiutsia-o-priznanii-natcionalnykh-platezhnykh-kart> (дата обращения: 16.11.2019).

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ДЛЯ «ВЕЛИКОЙ РОССИИ» (ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В ПАРТИЙНОЙ ИДЕОЛОГИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ)

Балтовский Леонид Васильевич

*(доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский
государственный архитектурно-строительный университет)*

Аннотация. Статья посвящена характеристике «восточного» вектора в концептуальной парадигме внешней политики Российской империи, которая была предложена идеологами партии конституционных демократов. По мере того, как интересы государственного целого приобретали в политической доктрине партии приоритетный характер, внешнеполитические вопросы стали доминировать над внутриполитическими. Подробно рассматриваются две геополитические стратегии — основные точки зрения на международную политику России внутри так называемого кадетизма: «великодержавная» (П. Б. Струве) и «европеистская» (П. Н. Миллюков).

Ключевые слова: внешняя политика России начала XX века, партия конституционных демократов, геополитические стратегии, географический вектор, концепция «Великой России», «восточный вопрос», панславизм.

EASTERN VECTOR FOR “GREAT RUSSIA” (GEOPOLITICAL STRATEGIES OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE PARTY IDEOLOGY OF CONSTITUTIONAL DEMOCRATS)

Abstract. The article is devoted to the characterization of the “eastern” vector in the conceptual paradigm of the foreign policy of the Russian state, which was proposed by the ideologists of the party of constitutional democrats. As the interests of the state took priority in the political doctrine of the party, foreign policy issues began to dominate domestic political ones. Two geopolitical strategies are examined in detail — the main points of view on the international politics of Russia within the so-called “Cadetism”: a “Great-power” by P. B. Struve and the “Europeanist” by P. N. Milyukov.

Keywords: foreign policy of Russia at the beginning of the 20th century, constitutional democrats’ party, geopolitical strategies, geographical vector, the concept of “Great Russia”, “eastern question”, pan-Slavism.

В контексте дискуссий о необходимости так называемой государственной идеологии для современной России очень редко упоминаются структуры, для которых идеологическая, концептуальная позиция по вопросам политики, как внутренней, так и внешней, является не просто необходимой, а обязательной. Речь идет о политических партиях, руководители которых должны брать на себя ответственность за будущее развитие страны, а именно публично демонстрировать, помимо личных лидерских качеств, еще и идейную состоятельность.

В этом смысле опыт партии Народной свободы (другое название — конституционные демократы) — одной из самых популярных партий России начала прошлого столетия — может быть крайне полезным для современных отечественных партийных деятелей. Кадеты, интеллектуальную основу которых составляли признанные ученые и публицисты, глубоко проработали концептуальную парадигму внешней политики Российского государства [1]. Важнейшим элементом идеологии конституционных демократов являлось формирование геополитической стратегии, выбор для отечества конкретного географического вектора международного развития.

Теоретики партии являлись авторитетными рупорами общественного мнения. Многие из них занимались профессорско-преподавательской деятельностью, были хорошо знакомы с популярной на тот момент теорией «жизненного пространства», сформулированной ведущими представителями политической науки эпохи Ф. Ратцелем, К. Хаусхофером, Р. Челленом и др. Концептуальная схема, получившая общее название «геополитика», предполагала, что каждая страна строит внешнюю политику, следуя собственным государственным интересам, исходя из ориентации в мировом пространстве.

В период между русскими революциями 1905 и 1917 гг. конституционно-демократическая партия придерживалась взвешенного политического курса относительно международных интересов России. Ее доктрина в целом была ориентирована на реформирование самодержавно-бюрократических основ Российского государства. Речь шла о превращении империи из абсолютной монархии в конституционную. Представители различных группировок внутри так называемого кадетизма часто спорили между собой по самым различным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим вопросам. Однако всех их объединяло главное: неиз-

менным началом идеологии конституционных демократов было охранительное отношение к российской государственности.

Охранитель, как известно, — это «лицо, охраняющее что-нибудь от посягательств, страж, защитник» и одновременно «консерватор, ретроград, реакционер» [2]. Кадетов нельзя назвать политическими консерваторами в обычном значении этого слова. Они были противниками самодержавной бюрократии, которая находила свое идеальное воплощение в государстве как политическом институте. В то же самое время партийные идеологи всячески стремились защищать и охранять от посягательств многовековую отечественную историю и культуру, которые, в свою очередь, отождествлялись с государственностью (отечеством). Подобная идейно-политическая установка касалась не только сферы внутриполитической борьбы. Здесь партию Народной свободы отличала стратегия, направленная на укоренение в политический процесс конституционных принципов, лежащих в основе правовой государственности. Что касается внешнеполитического курса, предлагаемого для конституционной России, то перед ней, как и прежде, стояли задачи продвижения интересов государственности вовне, расширения пространства собственного влияния и вместе с тем защиты интересов государственной целостности.

Несмотря на такое, казалось бы, единодушие (нелишним будет подчеркнуть, что оно относилось именно к стратегическим вопросам), в партии существовали принципиальные разногласия по тактическим вопросам внешней политики. Противоположные точки зрения на международную политику России проявились внутри кадетизма еще задолго до 1914 г. Первая мировая война заставила партийных идеологов резко сфокусироваться на международной проблематике. Две из них олицетворяют наиболее авторитетные идеологи партии Народной свободы — П. Б. Струве и П. Н. Милюков. Речь идет о геополитических подходах, векторах стратегического развития России, один из которых мы условно называем великодержавным, а другой — европеистским (тут уместно провести параллель с центростремительной и центробежной силами). Представим позиции каждого из них — в том ограниченном аспекте, который непосредственно касается «восточного вопроса».

Видный политический мыслитель и публицист П. Б. Струве являлся автором резонансной внешнеполитической концепции, наиболее ярко запечатленной в статье «Великая Россия. Из раз-

мышлений о проблеме русского могущества», которая увидела свет в начале 1908 г. Название статьи повторяло знаменитую формулировку «Великая Россия» П. А. Столыпина, прозвучавшую на заседании Государственной думы в мае 1907 г. Струве предлагал оригинальное толкование нового международного курса; в основе его политической аргументации, в соответствии с модными на тот момент научными тенденциями, был положен географический фактор. Статью без преувеличения можно назвать апологией российской империалистической государственности. Для автора отечество отождествлялось с великодержавным международным целым — именно в таком качестве Россия должна была позиционировать себя по отношению к другим государствам в мировом политическом пространстве. Традиции российской государственности, закрепленные в территориальной величине страны, ее экономической мощи и политической целостности, по мнению автора, давали правительству Российской империи все основания вести себя в отношениях с другими государствами с позиций, именующих империалистическими.

Струве, которого с полным на то основанием считали идеологом кадетской партии, опираясь на четко формулируемые мировоззренческие принципы и используя догматический язык политических предписаний, обосновывал в «Великой России» столь желанную для многих русских «патриотическую» внешнеполитическую стратегию. Публицист обращал внимание на тот факт, что рождение идеологемы, заявленной в заголовке статьи, было естественной реакцией на поражение отечества в русско-японской войне. «Великая Россия» в восприятии автора звучала не формулой консервации старого миропорядка, а «лозунгом новой русской государственности»: опираясь на «историческое прошлое», в том числе и на живые «культурные традиции», она должна была стать в то же самое время «творческой», «в лучшем смысле революционной»; органично соединить творчество и традицию, отбросив крайности «революционаризма» и «реакционаризма» [3, с. 50–51].

Важное значение как для политической науки, так и для политической практики того времени имело решение проблемы соотношения внутренней и внешней политик. Оппоненты кадетов — социал-демократы, будучи приверженцами ортодоксального марксизма, рассматривали внешнюю политику государства как закономерное продолжение его внутренней политики; они решали

внутриполитические проблемы прежде внешнеполитических. Сторонники традиционных либеральных принципов, методологически склоняясь к так называемому плюрализму, предпочитали вообще не делать выбор между внутренними и внешними факторами политического курса России. Представители так называемой «реальной политики» (*Realpolitik*) занимали особую позицию, в соответствии с которой именно международная политика задает внутренней политике жесткие правила и ставит перед ней определенные ограничения. Продемонстрировать способность к преодолению внутренних противоречий и обрести общее согласие социум может только при наличии общегосударственных целей, которые объективируются, прежде всего, именно в сфере международных, межгосударственных отношений. Тезис о примате внешней политики над внутренней был впервые высказан еще в середине XIX века немецким историком Леопольдом фон Ранке. Имя Ранке упоминается в «Великой России», что косвенно свидетельствует о знакомстве Струве с трудами немецкого историка.

Формулируя основы геополитической стратегии для «новой русской государственности», Струве осознанно придерживался позиций примата внешней политики по отношению к политике внутренней. Тему взаимоотношения двух политик публицист развивал в статье «Политика внутренняя и политика внешняя», опубликованной в 1910 г., в февральском номере журнала «Русская мысль» [3, с. 156–164]. Крайностям сторонников «радикальной» и «реакционной» точек зрения он противопоставлял собственные убеждения политического реалиста. Струве характеризовал «радикалов» как людей, мало интересующихся внешней политикой, считая, что внешняя мощь государства кажется им всего лишь досадным осложнением: для них «внешняя мощь государства является фантомом реакции, идеалом эксплуататорских классов» [3, с. 51], поэтому, действуя во имя некой правильной внутренней политики, они отрицают политику внешнюю. «Реакционер», в свою очередь, руководствуется аналогичной схемой — идеалом сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы. К «реакционерству», а затем и к разгрому «в сфере внешнего могущества», которая считается в стране наиболее сильной, старую правительственную систему приводит «банальный консерватизм». С другой стороны, и сама революция терпит поражение именно оттого, что ставит перед собой цели подрыва государственной мощи ради утопических стратегий во внутренней политике.

Обращаясь к проблематике конкретной международной политики российского государства, Струве указывал на критерий геополитики, который, по его мнению, вытекал «из географической „природы вещей“» [3, с. 53]. Следуя принципам научного знания своего времени, он призывал к изменению целей политики — переориентации внешнеполитической стратегии российского государства с дальневосточного направления на ближневосточное. Слабость предыдущего политического курса заключалась, по его убеждению, в том, что Дальний Восток не был доступен «реальному влиянию *русской культуры*» (курсив наш. — Л. Б.). Поскольку война с Японией «велась на огромном расстоянии» от центра, ее исход «решался на далеком от седалища нашей национальной мощи море» [3, с. 53]. Струве считал, что для создания нового геополитического пространства «Великой России» следовало развернуться в сторону Ближнего Востока и в первую очередь черноморского бассейна — для того, чтобы страна охватила своим влиянием все европейские и азиатские страны, которые имеют выход к морю.

Такую геополитическую ориентацию, по мнению идеолога кадетов, обуславливала «живая» политическая традиция, а именно «вековое стремление русского племени и русского государства к Черному морю и омываемым им областям» [3, с. 54]. За культурно-политической традицией стоял и вполне определенный интерес, связанный с «донецким углем»: Струве считал, что этот минерал будет положен в основу экономического благосостояния будущей Великой России. В качестве стержня новой русской внешней политики рассматривалось экономическое господство страны в бассейне Черного моря, из чего естественным образом проистекало требование политического и культурного доминирования России на всем ближневосточном направлении.

Правильная стратегия предопределяла выбор союзников и противников. Идеолог кадетов ориентировал новый геополитический курс России на стратегический «союз» с Францией и «соглашение» с Англией. При этом он уточнял, что доминирование российского государства в области международной политики должно было носить исключительно мирный, культурно-экономический характер. «Правящим кругам» еще только предстояло в полной мере осознать собственные задачи по созданию Великой России — той новой общности, которой предстояло осуществить симбиоз (где должны были «органически срастись») государство и нация.

Внешнеполитическая ориентация П. Н. Милюкова, признанного партийного лидера конституционных демократов, была более прагматичной, в отличие от его коллеги по партии и неизменного идейного оппонента. Милюков выступал в целом с куда более «либеральных» позиций (общий их смысл был кратко представлен выше). Он слыл скорее политическим практиком, нежели теоретиком. Как и многие политические деятели того времени, он был принципиален, однако его взгляды обуславливались определенными схематическими установками. Милюков возглавлял партийную фракцию в Государственной думе, почти ежедневно выступал в печати; в то же время его публицистические работы в партийных изданиях не содержали особо громких откровений или обобщений.

Что же касается непосредственно внешнеполитических аспектов его мировоззрения, то они были вполне типичными для либералов начала прошлого века. России, отвергавшей противников и выбиравшей союзников, в межгосударственном аспекте надлежало сближаться исключительно с так называемыми либеральными политическим режимам. Кроме того, руководству страны следовало всемерно поддерживать славянские народы юго-востока Европы в их борьбе за государственную независимость. После поражения в войне с Японией и внутривосточного «кризиса» (революции) Россия утратила прежнее международное влияние в Европе, которое обеспечивалось за счет авторитета российского самодержавия. Милюков сформулировал своеобразный геополитический закон, согласно которому подобное притягивается к подобному. В рамках этого принципа предлагалось решать вопрос о внешнеполитических притяжениях и отторжениях Российского государства. Относительно восточных «деспотий» Милюков высказывался крайне негативно, приводя в качестве примера различия между Российской и Османской империями. «При современной сложности и взаимной зависимости отношений между всеми частями цивилизованного мира, все части одинаково страдают и терпят ущерб, если одна из них ведет себя слишком непохоже на другие. Если бы это была Турция, державы в общих интересах мира и цивилизации установили бы над нею международный контроль. Но, как ни слаба Россия, она еще не пала до уровня Турции. Остается одно — постараться поднять ее на уровень Европы» [4, с. 510].

Лидер кадетов противопоставлял «союзу во имя узких интересов» «союзу во имя цивилизаций»: «И этот союз не так наивен,

чтобы обмениваться дешевой монетой благородных слов и пожеланий; он не так слаб, чтобы ограничиваться воздействием на общественное мнение. Пока народы сговариваются о будущем, правительства торгуются о настоящем: одни стараются охранить нежные ростки будущего, другие хлопочут сберечь гнилые корни прошедшего» [4, с. 516]. В отличие от Струве, Милюков усматривал государственное «целое» не в собственной преобразенной стране, а в объединенной на основе либеральных ценностей новой Европе. Он отождествлял европейский континент с колыбелью свободы и прогресса, с средоточием общечеловеческой культуры, со всем образованным миром. Трудно охарактеризовать такую внешнеполитическую установку иначе как умозрительную и наивную.

Согласно взглядам Милюкова, Англия и Франция как «передовые страны европейского либерализма» были напрямую заинтересованы в сотрудничестве с «либеральной» Россией, которая должна была идти по пути укрепления собственного конституционного строя. В то же самое время «самодержавная» Россия, которая использовала в своей политике интриги и заговоры, более не внушала европейскому миру уверенности в своей прочности и постоянстве. На европейском континенте «либеральная» Россия еще только начинала путь формирования новой государственности. Основным внешнеполитическим противником лидер партии Народной свободы считал кайзеровскую Германию, в интересах которой было продолжение «смуты и конфликта» в России [4, с. 509]. «Совсем другое дело, — писал он, — империализм германский. Насколько империализм английский основывается на современном взгляде на приемы и способы международного общения народов, опираясь на полную свободу общения и на свободу торговых отношений, настолько же германский империализм основан в самом существе своем на старинных, средневековых началах господства и подчинения» [5, с. 8].

Лидер конституционных демократов видел новую расстановку основных игроков на международной политической сцене. В качестве главного движущего фактора рассматривалась борьба Англии и Германии. Милюков (и здесь его позиция совпадала со взглядами Струве) предлагал России вступить в стратегический союз с Францией и заключить соглашение с Англией по причине сродства их внутривнутриполитических, демократических систем. Иными словами, уже в самом начале XX столетия кадеты провозгласили новую геополитическую стратегию — сближение России

и Европы. Они рассчитывали тем самым усилить международное влияние на внутривнутриполитические события в России с тем, чтобы «русское правительство» целенаправленно двигалось в «конституционном» русле.

Об ослаблении внешнеполитического курса страны накануне Первой мировой войны свидетельствовали не только внутренняя политика, но и неопределенность целей международной политики царского правительства, его постоянные колебания и безответственность. Действуя во имя искоренения недостатков и слабостей самодержавной власти, значительную часть своих публицистических и думских выступлений Милюков сосредоточил на критике деятельности российской правительственной дипломатии. Именно в подобном контексте следует рассматривать его книгу «Балканский кризис и политика А. П. Извольского» (СПб., 1910), посвященную критике деятельности тогдашнего министра иностранных дел России. Ошибочной и неоправданной автору виделась стратегическая поддержка Россией Австро-Венгрии — еще одной самодержавной империи, которая стремилась сохранить на Балканском полуострове status quo в виде собственного господства. России следовало, напротив, переориентировать политику на поддержку населявших полуостров славянских народов, война которых за освобождение рассматривалась им с позиций продвижения русских государственных интересов.

В свое время Милюков критиковал панславизм, называя эту геополитическую стратегию «разложением славянофильства». Однако в новых условиях он «повернулся лицом» в сторону славян и их национально-государственного самоопределения. Прежде всего это касалось балканских славян, которые в тот период активно боролись за собственную политическую автономию. «Милюков не рассматривал войну за освобождение славянских народов Балканского полуострова как войну „креста и полумесяца“, а с позиции русских национальных и государственных интересов» [6, с. 323].

Лидер кадетов распространял внешнеполитические интересы отечественной государственности на установление контроля над стратегически важными геополитическими пространствами: в первую очередь это касалось черноморских проливов Босфора и Дарданелл, а также Константинополя. Поводом к этому ставшему впоследствии знаменитым призыву Милюкова стало требование свободного пропуска через проливы российских военных

судов: впервые оно прозвучало еще в 1911 году. Несколькими годами позднее, в условиях развернувшейся мировой войны, это требование было обосновано в виде новой геополитической стратегии России, нацеленной на окончательное решение «восточного вопроса»: «...для современного государства, призванного жить и развиваться в эпоху, когда пора старого „континентализма“ прошла окончательно, обладание свободным морем есть насущнейшая и органическая потребность. Приобретение проливов есть завершение органического роста государства, а не вступление на путь „империализма“; это конец векового исторического процесса, а не начало чего-либо нового» [7, с. 7]. Вскоре лидер партии кадетов получил от политического коллеги — В. М. Чернова, лидера партии эсеров, ироническое прозвище Милюков-Дарданелльский, ставшее широко известным.

Историческое поражение кадеты потерпели в революционном 1917 году. Многие представители партии, пусть и на относительно короткий промежуток времени, оказались на вершине исполнительной власти (Милюков даже стал министром иностранных дел во Временном правительстве). Казалось бы, здесь они могли использовать свой высокий интеллектуальный потенциал и в полной мере реализовать обширный научный инструментарий. Однако именно в этот драматический период отечественной истории доктринальные установки партии вступили в явное противоречие с практической политикой. Тем не менее опыт формирования политической стратегии для будущей России, опыт обоснования географического вектора продвижения русской государственности в «восточном» направлении не утратил свою значимость и для политики наших дней.

Источники

1. *Балтовский Л. В.* Политическая доктрина партии конституционных демократов. СПб.: СПбГАСУ, 2009. 245 с.
2. Толковый словарь Ушакова: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/917838> (дата обращения: 28.05.2020).
3. *Струве П. Б.* *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. 526 с.
4. *Милюков П.* Год борьбы: Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. 550 с.

5. *Милюков П. Н.* Почему и зачем мы воюем? (Война, ее происхождение, цели и последствия). Петроград: Лештук. паровая скоропечатня «Свобода», 1917. 59 с.
6. *Новиков Д. Е.* П. Н. Милюков о внешней политике России (1906–1914 гг.) // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат: материалы международной научной конференции. М.: Росспэн, 2000. С. 318–333.
7. *Милюков П. Н.* Тактика фракции народной свободы во время войны. Петроград: Тип. г-ва «Екатерингофское печатное дело», 1916. 41 с.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Белоус Владимир Григорьевич

*(доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет)*

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию актуальности так называемого восточного вопроса для современной российской государственности. Методологическая установка автора заключается в пересмотре содержания таких фундаментальных концептов, используемых современной политической наукой, как «государственность», «идеология», «суверенитет». Государственность уподобляется математической функции — зависимости институциональной и идеологической сфер. Идеология трактуется расширительно как способ сосуществования идей в различных исторических эпохах. Суверенитету задается темпоральное значение; речь идет не о цели движения, а о самом процессе — о суверенизации и десоверенизации. В основу работы положена авторская концепция «надгосударственной суверенизации», которая служит толкованием волнообразного продвижения исторической России в южном направлении. Делается вывод о том, что и в XXI в. российское государство остается активным игроком геополитического (надгосударственного) пространства на фоне не вполне внятных идеологических обоснований данной политики.

Ключевые слова: научная ревизия, восточный вопрос, российская государственность, государственная идеология, суверенитет, надгосударственная суверенизация.

ACTUALIZATION OF THE EASTERN QUESTION FOR THE RUSSIAN STATEHOOD

Abstract. The article devoted to the theoretical justification of the relevance of the so-called “eastern question” for modern Russian statehood. The author’s methodological orientation is to revise the content of such fundamental concepts used by modern political science as “statehood”, “ideology”, “sovereignty”. Statehood is likened to a mathematical function — the dependence of the institutional and ideological spheres. Ideology is interpreted broadly as a way of coexistence of ideas in different historical eras. Sovereignty is assigned with a temporal value; it is not about the goal of the movement, but about the process itself — about sovereignization and desovereignization. The work is based on the author’s concept of “supranational sovereignization”, which serves as an interpretation of the wave-like advance of his-

torical Russia in the southern direction. It is concluded that in the 21st century the Russian state remains an active player in the geopolitical (supranational) space with the background of rather vague ideological justifications of this policy.

Keywords: scientific revision, eastern question, Russian statehood, state ideology, sovereignty, supranational sovereignty.

О научной ревизии

Ближневосточная тема для автора — возможность обратиться к более широкой проблематике государствоведения как отрасли современной *политической* науки. Заранее хочу предупредить коллег, историков и востоковедов, чьи труды по *вопросу*, обозначенному в подзаголовке, окажутся без надлежащего внимания, что в эпицентре моего научного интереса стоит не историографическая или этнополитическая конкретика, а скрывающиеся за ним (*вопросом*) концепты, их семантическое и теоретическое наполнение.

Несколько слов о методологии. Автор полагает, что современное отечественное обществознание находится в серьезном кризисе. Причин тому слишком много, и здесь не место детально распространяться о них [1]. Кризис, тем не менее, покажется не таким страшным, если обозначить направление выхода, «подсказанное» термином *ревизионизм*. Идейное течение, ассоциированное с марксизмом, осталось в далеком прошлом — перевернутой страницей в истории мысли [2; 3]. Между тем в начале прошлого столетия, в эпоху своей манифестации, требование «ревизии» сыграло важную роль. Пересмотр идеологических догматов не только служил нормативной установкой для политической практики, но и являлся познавательным ориентиром в обществознании. Если вынести за скобки политико-идеологические разногласия, то эпистемологические интенции догматиков и ревизионистов обнаружат свои отличия друг от друга в том, что первые, как правило, строго держались за вневременные параметры исходного *учения*, тогда как вторые видели в нем развитие и способ приобретения нового опыта, то есть *научение*. Показательно, что Э.Бернштейн, признанный основоположник ревизионизма, отдавал приоритет движению над целью, процессу над результатом [4, с.220]. Сегодня, в эпоху *конца идеологий* (общезначимых политических мировоззрений) и *смерти автора* (авто-

ритета индивидуальной точки зрения) вместе с догматиками исчезли и ревизионисты — как исторические типы. Политическая идея в силу различных причин утратила статус официоза. В современном социуме научное высказывание о политике стало относительным; свелось к минимуму и само значение интеллектуала [5]. Однако различия между учением и научением никуда не исчезли: поменялись источники, но не изменились практики. Обитающее внутри современного отечественного общественно-политического учения воспринимает себя завершенным и совершенным. Будучи типичным порождением постмодернизма, сложенное из аллогенных концептов, основной источник которых — *доксография* как «описание мнений» [6, с. 79–93], как набор *чужих* мнений, такое учение существует вне времени и пространства. Его железобетонная самооценка («учение... всесильно, потому что... верно» [7, с. 43] не разрушаема никакой критикой. Научная догматика не ведаёт кризисов (кроме когнитивных — у оппонентов); ее представители максимально высоко оценивают собственный эпистемологический потенциал. Впрочем, полемика с адептами политического учения лишена смысла. Альтернатива — в научении: научной ревизии как радикальном изменении установки с догматики на пересмотр. Ответы никогда не появляются априори, но всегда апостериори; мнению должно предшествовать сомнение, а ответам — вопросы. Такого рода программа с неизбежностью потребует возвращения к практике *исправления имен* — к уточнению оснований слов, которыми пользуется современное политическое знание.

Об историко-семантическом наполнении «восточного вопроса»

Начинать приходится с системообразующего понятия: регион, традиционно именуемый *Ближним Востоком*, для России не является ни «востоком», ни, тем более, «ближним». Географически данный вектор внешней политики страны нельзя назвать иначе, как южным. Однако в отечественную историографию тема вписана особым образом — как «восточный вопрос» [8]. Речь идет о череде войн, разворачивавшихся одна за другой на протяжении более чем полутора столетий, эпицентром которых стали международные конфликты с Османской империей. Помимо России, в военные действия оказались втянуты многие европейские (и не только) государства. Принято считать, что «восточный вопрос»

был «юридически ликвидирован» [9, с. 379] в начале 1920-х годов после подведения итогов военных сражений на полях Лозаннской мирной конференции [10]. Однако даже поверхностный обзор событий последующего столетия вызывает подозрения, что в данном случае мы имеем дело с так называемым *фиктивным финализмом* (А. Адлер). Если бы политические вопросы разрешались посредством межгосударственных соглашений, человечество давно уже жило бы в условиях *вечного мира*. Неслучайно И. Кант относился к данному термину как к плеоназму, предостерегая «политиков-практиков» от излишнего оптимизма: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны» [11, с. 259]. Поводов и причин для войн на Ближнем Востоке, хотя бы в силу умножения числа государственных субъектов и конкуренции вокруг освоения природных ресурсов, было и остается более чем достаточно. В регионе сталкивались и сталкиваются геополитические интересы и стратегии ведущих мировых держав. И сегодня отечественной политической науке ничто не препятствует оперировать термином «восточный вопрос» при характеристике актуальных международных политических практик. Разумеется, при надлежащем теоретическом обосновании контекстуальности «ликвидированного» концепта.

О государственности и государственной идеологии

Постоянство «восточного вопроса» продиктовано самой политической практикой. Если есть некий *Вопрос*, ему всегда будет соответствовать *Ответ* (*Challenge and Response* в терминологии А. Тойнби) — и как область ведения публицистики, государственной идеологии, политической теории, и как опыт, накапливаемый историей в деятельности институтов и в применении норм. Фундаментальная парадигма политического бытия заключается в том, что разнообразные вызовы/отклики в своей совокупности формируют контекст темпорального существования любой *государственности*, которая интегрирует духовное и материальное начала жизнедеятельности социума. Нам уже доводилось писать [12], что современное государствоведение (представленное, главным образом, юридической наукой) практически исчерпало круг интерпретаций понятия «государственность». В конечном

итоге любое толкование уже само могло казаться полной пустышкой — неким единичным «образом» реальности, но отнюдь не обобщением, предметной формой политической действительности. Мы предложили радикальную альтернативу, чтобы выйти за пределы казуистики и при этом сделать содержание термина максимально наглядным, уподобив *государственность* функции («Под функцией, — писал Кант, — я разумею единство деятельности, подводящей различные представления под одно общее представление» [13, с. 80]). Более того, сравнение было сделано с математической функцией, которая, как известно, содержит два множества, два ряда переменных. С одной стороны, это область задания или определения, набор *независимых* переменных. В нашем случае они в своей совокупности, понятийно отображенные множествами *народ, власть, территория*, составляют институциональную основу государственности. Другая сторона представляет собой область значения, или набор коллективных представлений о политических институциях; она вбирает в себя все многообразие индивидуальных сознаний — *зависимых* переменных, «вброшенных» в исторический процесс. Историческое развитие государственности подразумевает не только изменение аргументов функции, то есть политических институтов, но и значений — идей (они могут включать в себя как общественные предписания, так и индивидуальные самосознания), распределенных по дихотомической шкале: от негации и критики — до одобрения и оправдания. Представления, ориентированные на истолкование политического курса (в истолковании данная точка зрения диктует парадигму понимания), образуют идеологическую основу государства. Взятые intersубъективно — по факту обобщенной сознательной деятельности данного политического института — они есть не что иное, как *государственная идеология*. С оговоркой, что в этой семантической конструкции прилагательное наделяется нами указанием на смыслообразующий предмет (государство), а существительное — обозначением признака данного предмета, который характеризует его природу (идеология). Проведем параллель с известной нормой Конституции Российской Федерации (статья 13), которая запрещает какой-либо идеологии претендовать на установление в качестве государственной; буквально: *не может устанавливаться* (априори) [14]. Возвратная форма глагола использована здесь, по всей видимости, для табуирования политической субъектности в отношении людей, апеллирующих

к историческим идеологиям как нормативным предписаниям. Что же касается непосредственно государства, то персонам, олицетворяющим его субъектность, наоборот, надлежит действовать осознанно, подкрепляя поступки соответствующими обоснованиями. В подобном ракурсе политической науке ничто не воспрещает принимать вытекающие от представляющих государство персон дискурсивные и внедискурсивные практики в качестве идеологии. Здесь уместно напомнить точку зрения Адорно, согласно которой «дискурсивные практики являются „идеологией“ сами по себе, как „жаргон“, „как язык, независимо от того или иного специфического содержания“» [15, с. 171]. Представленные официально, такие практики и должны (без каких-либо уловок и прикрытий) называться *государственной идеологией*. Отдельная тема, насколько в современной России государственная идеология структурирована, а ее трансформации отрефлектированы общественным сознанием, но мы не станем здесь ее касаться.

О суверенитете, суверенности и суверенизации

Как область значения корреспондирует с областью задания/определения государственности, так и понятию «государственная идеология» соответствует понятие «государственный суверенитет». Каждая страна проводит политику (внутреннюю и внешнюю) и реализует *целевую задачу* объединяющей ее государственности, собирая именуемую *суверенитетом*. Внешнеполитический аспект суверенитета означает независимость государства в сношениях с другими государствами (в рамках нашей работы рассматривается исключительно данная сторона). Обратим внимание, что, как и любые иные институциональные составляющие государственности, суверенитет представляют собой заданность, или задание. Понятие, которое исторически складывается ко второй половине XVI столетия, поначалу воспринимается как императив. С течением времени абсолютные коннотации вытесняются относительными. К концу XX века появляются голоса об умалении и даже исчезновении суверенитета. Не углубляясь в причины подобной эволюции, скажем, что границы применения концепта действительно изменяются. Однако и по сей день суверенитет никуда не пропадает, как и прежде, исполняя заданную историей роль в разнообразных геополитических контекстах. Не меняется принципиально и его рамочное содержание, иначе человечество

полностью потеряло бы возможность договариваться, а само понятие утратило конвенциональный характер. Для нас очевидно, что в современном мире *независимость* уступает *не зависимости*: отрицательная частица, первоначально нераздельно связанная с морфемой, несущей лексическое значение, хотя и отрывается от нее, однако связи с собственным корнем не утрачивает. Новый статус-кво отражается в концепциях, определяемых прилагательными *частичный, ограниченный, делимый* и прочими, присоединяемыми к существительному *суверенитет*. Если *независимость* принять за абсолютную величину, предел некоей условной шкалы вместе с противоположным полюсом — *зависимостью*, то *не зависимость* будет означать их неполноту, относительность приближения к тому или другому полюсу. Как уже отмечалось выше, *суверенитет* служит обозначением целевой функции государственности. Что же касается реализации данной функции, то она отображается понятиями, производными от исходного: *суверенность* и *суверенизация*. В словарях концепт «суверенизация» определяется как «стремление к достижению суверенитета» или «процесс обретения независимости» [16]. Такую интерпретацию можно было бы посчитать справедливой, если бы независимость представляла собой константу, постоянную величину. Но дело в том, что независимость постоянна только в своей идеальной форме, а суверенитет, безусловно, следует рассматривать именно как идеал государственности. В реальности же это величина переменная: *не зависимость*, и в случае, когда речь заходит о действительном состоянии государственности (*всегда* можно обнаружить как центростремительные, так и центробежные силы, если суверенитет рассматривать именно как центр), уместно использовать концепт «суверенность». Что же касается «суверенизации», то ее значение раскрывается не в «обретении» и «достижении» идеала, а в действительности самого процесса движения к такому состоянию. Суверенитет — предел, за которым скрываются две возможных трансформации: расширение сферы (суверенизация как оптимизация государственности) и сужение сферы (десуверенизация как ее распад). Политический процесс, содержанием которого является изменение государственных форм, обусловлен постоянством решения исторической задачи по оптимизации государственности, что означает продвижение от несовершенных форм к более совершенным. Концепт «*оптимизация*» (синоним понятия «суверенизация») служит для обозначения модификации той или иной

системы, улучшения ее эффективности. Суверенизация связывает цель (суверенность как оптимизируемую переменную) с управляемыми переменными (власть, народ, территория). Во внутренней политике государство ограничивается собственными пределами, внутри которых действуют правовые нормы, узаконивающие суверенность как некую степень приближения к общему идеалу суверенитета. Во внешней политике суверенность естественным образом ограничивается самим фактом существования иных государственных форм, межгосударственными соглашениями, общими нормами международного права. Случай, когда государство объявляет об *угрозах* собственному существованию и для обеспечения безопасности выходит за пределы своих границ, оказывая влияние или на сопредельные территории, или же на пространства, далеко от них отстоящие, мы именуем *надгосударственной суверенизацией* [17]. Именно в этот момент ведущую политическую роль начинает играть государственная идеология, о факте объективного существования которой мы писали выше.

О пределах государственности

Введем в предметную область нашего исследования еще два понятия, в которых отображается надгосударственная суверенизация, более того, фиксируется сам момент выхода суверенности за границы собственной государственной формы: сфера интереса и сфера влияния. Слово «сфера» (означающее не только «область действия», но и «пределы распространения чего-либо» [18] в данном случае призвано зафиксировать установление новых, надгосударственных, пределов. Понятия «сфера интереса» и «сфера влияния» часто употребляются как тождественные, хотя, очевидно, что в первом случае речь, скорее, идет об интенции, тогда как во втором — об опредмечивании, легализации, институционализации. «Советская историческая энциклопедия» содержит типичское для эпохи определение: «Сфера влияния [или] сфера интересов, — территория или часть территории зависимой страны, где империалистическое государство пользуется преобладающим или даже монопольным экономическим или политическим влиянием» [19]. Внимательный глаз заметит очевидную дефектность данного определения — его закольцованность, когда искомое «влияние» объясняется все тем же «влиянием». Примечательно здесь еще вот что: сфера влияния редуцируется к термину *импе-*

риализм (что вполне типично для советского обществознания); более того, далее утверждается, будто «после 2-й мировой войны 1939–1945, в связи с успехами национально-освободительного движения народов зависимых стран, сфера влияния как понятие международного права отходит в прошлое» [19]. Советское обществознание не рассматривало страны социалистического лагеря или же социалистической ориентации как сферу собственного влияния. Что же касается типичного для западных общественных наук восприятия термина, то *a sphere of influence (SOI)* понимается как совокупность культурных, экономических, военных или политических ограничений — исключений из полноты собственного права государства, полномочия контроля над которыми делегировано другому государству. Этот термин относится как к политическим претензиям, которые другие государства могут признавать или не признавать по существу, так и к международным соглашениям, в соответствии с которым подобные полномочия приобретают законную форму [20]. Как видим, в то время как советское обществознание устанавливало историко-географические рамки для данного понятия (апеллируя к империализму и колониализму), западная наука особо не углублялась в причины и следствия выхода государства за установленные пределы собственного суверенитета. Для отдельной государственности переход от борьбы за государственный суверенитет к борьбе за сферу влияния охватывает длительный исторический отрезок. Политическое самосознание эпохи, получившей наименование «Новое время» / «Новая история», начинается с понятия «суверенитет» и завершается понятием «сфера влияния». Это время межгосударственных войн, межгосударственных союзов, установление договорных форм межгосударственных отношений. Внешняя политика государств Нового времени — калейдоскоп постоянно меняющихся союзов и коалиций. Друзья быстро обращаются во врагов и наоборот. Пределами *государственной* суверенности являются границы страны. В момент их установления (демаркации) линия, отделяющая территории, не только превращается в символ собственной государственности, но и дает четкое представление, в каком пространстве государство осуществляет свой суверенитет, а где таковой отсутствует. Суверенизация означает установление всей полноты власти в пределах данного очерченного, а прежде делимитированного пространства, то есть признанного, если и не всем мировым сообществом, то, по крайней мере, соседями.

По большому счету граница есть условная линия, по одну сторону которой располагаются *свои*, а по другую — *чужие*. Вторым концептом («сфера влияния»), фиксирующий право государства выходить за пределы своего пространства и присваивать чужое, возникает на склоне XIX столетия: в 1880–1885 годах, когда возникает новый миропорядок. Если прежде между собой сталкивались отдельные государства или их объединения (союзы), то теперь возникают целые культурно-политические сферы: англосфера, арабский мир, евросфера, франкофония, германосфера, индосфера, тюркосфера, китайская культурная сфера, славянский мир и другие. На их основе формируются политические (государственные) идеологии: панарабизм, пантюркизм, пангерманизм, панславизм и др. Начинается время надгосударственной суверенизации, которая получает собственное наименование — *империализм* [21].

Об идеологическом наполнении географического вектора

В мире политики существует два «вечных двигателя», побуждающих людей действовать: *интересы* и *вера*. Можно сколь угодно говорить, что политики в современном мире утратили основания для доверия, но каждый, кто, как минимум, читал Макиавелли, хорошо знает, что политический цинизм не является нововведением XXI столетия. Парадоксально, но чем более откровенно государства (власти предрержащие) ориентируются на интересы, тем в большей степени граждане хотят быть (чувствовать себя) уверенными в их правоте. Политику, которая не имеет пропущенных через сознание людей оснований, трудно назвать эффективной и успешной. Быть может, именно поэтому ориентация на надгосударственную суверенизацию неизменно сопровождается оправданиями. В христианском богословии термин «оправдание» означает совокупность действий, благодаря которым человек из состояния греховности трансформируется в состояние праведности [22]. Основанием любой государственной политики является не только разделение на свое и чужое, но и присвоение чужого, сопровождаемое оправданием обращения чужого (греховного) в собственное (праведное). Действия, которые для *чужих* будут именоваться агрессией, экспансией, нарушением норм международного права, *свои* называют защитой государственных интересов, восстановлением исторической справедливости, отстаиванием принципов

мира и независимости. Государственная идеология и есть по существу такое универсальное оправдание, которое позволяет гражданам объединяться вокруг институтов, идентифицировать себя с их действиями, становиться проводниками этих действий. Для нас «восточный вопрос» может послужить той лакмусовой бумажкой, которая объективирует совершенно непохожие друг на друга государственные идеологии *исторической* России. На протяжении нескольких столетий отечественная государственность переживала четыре совершенно не похожие друг на друга институциональные формы: Московское *царство*, Российскую *империю*, Советский *Союз* и Российскую *Федерацию* (разумеется, последняя относится к настоящему времени). Государственные идеологии также мало походили друг на друга: «Москва — третий Рим», панславизм, коммунистический интернационализм и, наконец, современный постмодернизм, который включает в себя всего понемногу. Чем были мотивированы амбиции российской государственности в «ближневосточном», то есть южном, направлении? Поначалу желанием заменить Византию в геополитическом масштабе. Затем освобождением славянских братьев в постоянстве намерения отвоевать у Османской империи черноморские проливы. Еще совсем недавно (по историческим меркам) в странах данного региона активно поддерживалась так называемая «социалистическая ориентация». В постмодернистском сегодня официальная идеологическая позиция (борьба с международным терроризмом) [23] вполне уживается с публицистическими конструкциями, где говорится о непосредственной зависимости между решением «восточного вопроса» и «имперским будущим России» [24]. Что касается интересов, то здесь все очевидно: современная российская государственность остается активным игроком геополитического — надгосударственного — пространства. Другое дело, что с точки зрения «идеологического» обеспечения постсоветская современность явно проигрывает двум предыдущим историческим государственным формам — советской и досоветской.

Представленное выше краткое обоснование актуальности «восточного вопроса» для современной России, безусловно, касается не только нашего Отечества. У каждой исторической формы свой взгляд, свое оправдание действий. Каждое государство об-

ладает собственными амбициями, и импульс их в каждом случае следует рассматривать особо. Речь в данном случае шла о естестве самой политики. Ни гоббсовский «договор», ни кантовский «вечный мир», ни «Интернационалы» (под разной нумерацией), ни «новое мышление» М. С. Горбачева не могут радикально поменять политическую природу «общественного животного» — превратить «хищника» в «вегетарианца». Одни государства считают возможным устанавливать правила общего порядка; другие стремятся укрепить редуты национальной государственности, удерживаясь внутри нее; третьи, продолжая, как ни в чем не бывало, следовать политике надгосударственной суверенизации, используют так называемую «мягкую», а зачастую и «жесткую», гибридную, силу. Банальный итог: глобальный мир на сегодняшний исторический момент постоянно балансирует на грани общемировых конфликтов. С другой стороны, мировая история движет государственные системы от полной обособленности и независимости к новому состоянию, внутри которого продолжает действовать ориентация на *не зависимость* и в то же время включаются и начинают активно работать принципы и механизмы общей заинтересованности и взаимозависимости. Какая тенденция возьмет верх? Вопрос (и этот, риторический, и политический — «восточный») остается открытым.

Источники

1. Белоус В. Г. Самопознание политики (О контурах теории политической рефлексии) // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Политическая наука: Ежегодник 2017. Российская ассоциация политической науки. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 8–21.
2. Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М.: Канон+, 2005. 688 с.
3. Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 3–31.
4. Бернштейн Э. Очерки из теории и истории социализма. СПб.: Б. Н. Звонарев, 1902. 400 с.
5. Furedi F. Where Have All the Intellectuals Gone: Confronting 21st Century Philistinism. London: Continuum, 2004. 198 p.
6. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М.: Канон+, 2016. 176 с.
7. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // В. И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 23. М.: Изд-во полит. л-ры, 1973. С. 40–48.

8. *Жигарев С. А.* Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). М.: Унив. тип., 1896. Т. 1–2 (465 с. + 544 с.).
9. *Соловьев В. М.* История и культура России: справочно-информационное пособие. Ч. 1. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 547 с.
10. *Чихачев П. А.* Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970. 224 с.
11. *Кант И. К* вечному миру // И. Кант. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 257–289.
12. *Белоус В. Г.* Политическая рефлексия и понятие «государственность» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 4. С. 32–41.
13. *Кант И.* Критика чистого разума // Философское наследие. Т. 118. М.: Мысль, 1994. 574 с.
14. Конституция Российской Федерации. URL: <http://konstitucija.ru/#01> (дата обращения: 14.11.2019).
15. *Адорно Т. В.* Жаргон подлинности: О немецкой идеологии. М.: Канон+, 2011. 190 с.
16. Суверенизация [определение]. URL: <https://дословно.рф/значение/суверенизация> (дата обращения: 14.11.2019).
17. *Белоус В. Г.* Россия-1914: Этно-культурная оппозиция «свое/чужое» как импульс и лейтмотив военной конфронтации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С. 54–60.
18. Сфера [определение]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/285574> (дата обращения: 14.11.2019).
19. Сфера влияния [определение]. URL: https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/17244-СФЕРА_ВЛИЯНИЯ (дата обращения: 14.11.2019).
20. Sphere of influence [определение]. URL: <https://www.britannica.com/topic/sphere-of-influence> (дата обращения: 14.11.2019).
21. *Belous V. G.* The Opposition of Own/Alien as A Source of the External Threat: Reflections On Supra-State Sovereignization Politics and 19th-Century Pan-Slavism // The Representation of External Threats: From the Middle Ages to the Modern World. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 56–68.
22. Религия: Энциклопедия / сост. и общ. ред. А. А. Грицанов, Г. В. Синоло. Минск: Книжный Дом, 2007. 960 с.
23. Выступление Президента Российской Федерации на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата обращения: 14.11.2019).
24. *Холмогоров Е.* Существует ли Восточный Вопрос? URL: <http://viperson.ru/articles/egor-holmogorov-suschestvuet-li-vostochnyy-vopros> (дата обращения: 14.11.2019).

ЖЕНЩИНА И ПОЛИТИКА В ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Будко Диана Анатольевна

*(кандидат политических наук, Санкт-Петербургский
государственный университет)*

Аннотация. Статья посвящена отражению гендерной проблематики в творчестве турецких писателей XX века. На примере произведения Р. Н. Гюнтекина «Птичка певчая» показан идеал женщины в новой республике. В качестве иллюстрации проблем, которые существуют в современной Турции в сфере гендерной политики и общественного сознания, выбраны романы писательницы Э. Шафак.

Ключевые слова: Турция, гендер, права женщин, Р. Н. Гюнтекин, Э. Шафак.

WOMAN AND POLITICS IN TURKISH LITERATURE: A POLITICAL ANALYSIS

Abstract. The article deals with gender problem in the works of Turkish writers of XX century. This question is based on the context of the country's history. On the example of the work R. N. Güntekin's "Çalikusu" we can see the ideal of women in the new Republic. The novel of E. Shafak show the problems of the modern gender policy, mentality of the inhabitants and their impact on the life of the modern Turkish woman.

Keywords: Turkey, gender, women's rights, R. N. Güntekin, E. Safak.

Гендерная политика Турции со времен Османской империи отличалась многими противоречивыми моментами. Патриархальный уклад, характерный для большинства мусульманских стран, смешивался с самыми прогрессивными для своего времени идеями. Например, феномен Хюррем-султан, ставшей не только первой официальной женой султана в истории империи, но и его неформальным советником, породил эпоху женского султаната (около 1550–1656 гг.), связанного с именами Нурбану-султан, Сафие-султан, Кёсем-султан и Турхан-султан, когда мать малолетнего султана, *валиде*, становилась фактической правительницей империи.

Реформы Мустафы Кемали Ататюрка периода 1926–1934 гг. уравнивали в правах мужчин и женщин. Гражданки Турции оказа-

лись жительницами светского государства и, как следствие, получили возможность распоряжаться своей судьбой. В 1934 году им были дарованы избирательные права, что произошло раньше, чем в ряде западных стран. Несмотря на это, спустя почти девяносто лет нынешний стиль жизни турчанок по-прежнему не всегда отвечает вызовам современной эпохи. Турецкая журналистка М. Тенбекиджи в 2013 году отмечала: «Каждая четвертая женщина в Турции безграмотна. Только 3,9% женщин в Турции имеют высшее образование. Количество женщин в парламенте Турции составляет 4,4%. Доход женщин в Турции на 40% ниже дохода мужчин. Ежегодно 2,5 тысячи женщин в Турции погибают во время родов. Более того, что касается нынешних кандидатов на пост главы муниципалитета в нашей стране, единственное, что обращает на себя внимание, — за исключением кандидата в Газиянтепе от Партии справедливости и развития Фатмы Шахин и кандидата в Диярбакыре от Партии мира и демократии Гюльтен Кышанак, мы традиционно наблюдаем мужчин в галстуках и костюмах. Надо признать, Партия мира и демократии всегда придавала этому значение и даже один месяц назад заявляла, что представит женщину-кандидата в 22 партийных центрах, но, по всей видимости, отказалась от этой затеи. При этом Республиканская народная партия практически не видела лица своего предполагаемого кандидата в Анкаре Айлин Назлыаки. Наше право избирать и быть избранными мы якобы получили, будь то 1934-й или 1971-й» [1].

Турецкая литература XX–XXI вв. во многом стала отражением существующих процессов трансформации в проводимой политике и мировоззрении турчанок. Не претендуя на широкий литературоведческий обзор, а останавливаясь на сугубо политическом дискурсе, в качестве наиболее ярких примеров приведем произведения классика турецкой литературы Решада Нури Гюнтекина (1889–1956) и популярной современной писательницы Элиф Шафак (р. 1971).

Основная тема произведений Р.Н. Гюнтекина неразрывно связана с его собственными политическими убеждениями. Будь то роман «Листопад», «Зеленая ночь» или «Мельница», главным посылом является критика не только существующих бюрократических порядков заката Османской империи, но и общественного сознания, противящегося всему прогрессивному. Будучи ярким сторонником реформ Ататюрка, он сделал выдающуюся карьеру

общественного деятеля (здесь достаточно упомянуть, что в конце жизни он был не только агташе по турецкой культуре во Франции, но и представителем от Турции в ЮНЕСКО) [2].

В рамках заявленной проблематики остановимся на самом известном (возможно, лучшим) и революционном для турецкого общества начала 1920-х годов романе Гюнтекина «Птичка певчая» (*Çalikusu*, 1922). На первый взгляд, сюжет произведения — незамысловатая романтическая история, что зачастую приводит к рассмотрению этого произведения с позиций любовного романа: недавняя выпускница европейского пансиона Фериде готовится выйти замуж за своего кузена Кямрана, но накануне бракосочетания выясняется, что он изменил ей. Гордая девушка сбегает из дома и, приняв решение взять свою жизнь в собственные руки, становится школьной учительницей. С этого момента начинаются ее скитания и злоключения, которые оканчиваются тем, что спустя много лет Фериде и Кямран женятся.

Однако любовную линию можно рассматривать лишь как виньетку политического посыла произведения и, главное, гендерного аспекта. Основная мысль романа заключается в том, что современной благочестивой турецкой девушке очень сложно сохранять собственную независимость. На протяжении всего романа Фериде борется и со сложившейся запутанной системой образования, которую олицетворяют коррумпированные и неповоротливые чиновники: сначала не хотят принимать девушку на должность учительницы, а потом отправляют в самые неблагоприятные места; и с закостеневшим мировоззрением простых обывателей, для которых образованная самостоятельная женщина, способная сама заработать себе на жизнь (а также взять на себя ответственность — удочерить маленькую Мунисе, ребенка из неблагополучной семьи), воспринимается как распутница. Здесь важно выделить два символических для новой Турции момента. Во-первых, пансион, в котором обучалась главная героиня, принадлежал католическим монахиням — аллюзия на возможность симбиоза восточного и западного мировоззрений. Во-вторых, в роли самых прогрессивных граждан выступают военные: отец Фериде отдает ее в пансион, чтобы, в отличие от большинства девушек ее круга, она смогла получить по-настоящему достойное образование, молодой Исхан-бей не боится вступить за честь девушки, пожилой военный врач Хайруллах-бей, ставший для героини названным отцом, спасает от злых сплетен, заключив с ней

фиктивный брак (здесь можно предположить аллюзию на самого Ататюрка). Фериде, несомненно, воплощает собой идеал будущей турчанки: благочестивая и одновременно эмансипированная, на фоне которой теряется не только малоинициативный и слабохарактерный Кямран, но и остальные персонажи-мужчины. Главная героиня не рассуждает о политике — причинах Первой мировой войны, но она становится медсестрой, самоотверженно ухаживая за ранеными, открывает вместе с доктором школу для сирот и не дает в обиду детей бедняков. Прозванная в детстве Корольком за проказливый и веселый характер, Фериде в первую очередь руководствуется общечеловеческими ценностями, а не устаревшими традициями, и именно поэтому оказывается чистым и по-настоящему высоко нравственным человеком, для которого открыто будущее и борьба которого в конце романа оканчивается самой большой наградой — примирением с любимым человеком.

В современной турецкой литературе гендерная проблематика и рассуждения о роли женщины в обществе часто перемещаются в плоскость не идеала, а жизненных обстоятельств. Весьма примечательны в этом аспекте романы Э. Шафак, которая, к слову, исследовала в свои студенческие годы гендерную идентичность а сейчас, как в свое время и Р.Н. Гюнтекин, активно занимается общественно-политической деятельностью, в частности, является членом Европейского совета по международным отношениям [3].

В своих романах «Сорок правил любви», «Честь», «Ученик архитектора», «Три дочери Евы» она поднимает темы не только суфизма, но и места женщины в современном обществе. В частности, в романе «Три дочери Евы» она рисует образы трех героинь-мусульманок, студенток Оксфорда. Одна пытается соблюдать все традиции, другая их нарушает, а третья, Пери (воспоминания которой мы и читаем на протяжении всего романа), находится между ними. Да, отец (не мать!) приложил все усилия, чтобы она получила престижное образование, но по сути это не дает ей свободы. Напротив, став уважаемой дамой, она ощущает собственную уязвимость перед складывающимися нормами и не находит в себе сил восстать против них: «Вспомнив, что „Дополненное руководство по мусульманскому этикету“ расценивает выдыхание сигаретного дыма в лицо незнакомого мужчины как откровенное сексуальное предложение, Пери побледнела. Город, в котором она жила, напоминал штормящий океан, полный дрейфующих айсбергов — мужчин, чьи потаенные желания и наме-

рения могут быть непредсказуемы. От женщины требовалось немало умения и ловкости, чтобы держаться от этих айсбергов как можно дальше.

Передвигаясь пешком или на машине, женщина должна была сохранять рассеянный вид и глубокую задумчивость, словно перед ее мысленным взором вдруг оживали воспоминания далекого прошлого. Всегда и везде, где только возможно, ей следовало опускать голову, демонстрируя тем самым ничем не замутненную скромность и застенчивость, и в то же время постоянно быть на чеку, дабы избежать порой смертельных опасностей большого города, не говоря уже о недвусмысленном внимании мужчин и откровенных сексуальных домогательствах. А это было совсем не просто. По мнению Пери, умение ходить, потупив взор, и одновременно быть настороже, зорко поглядывая по сторонам, вообще находилось за пределами человеческих возможностей. Она выбросила сигарету и закрыла окно, надеясь, что не возбудила в двух незнакомцах особого интереса» [4, с. 17–18].

Двойное положение турецкой женщины на протяжении длительного времени делает сложным отражение общественных дискуссий на страницах литературных произведений, при этом на первый план выходит не идеал, а именно критика существующих стандартов без предложения способов их изменения.

Источники

1. *Тенбекиджи М. И* что произошло, когда женщине было даровано избирательное право? URL: <https://inosmi.ru/world/20131207/215481555.html> (дата обращения: 25.03.2019).
2. Turkish Culture Portal. Resat Nuri Güntekin (1889–1956). URL: <http://www.turkishculture.org/pages.php?ChildID=125&ParentID=3&ID=4&ChildID1=245&miMore=1> (дата обращения: 25.03.2019).
3. Elif Şafak. Biyograf. URL: <http://www.elifsafak.us/biyografi.asp> (дата обращения: 25.03.2019).
4. *Шафак Э.* Три дочери Евы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 448 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ИЗМЕРЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИКИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Волков Виталий Александрович

*(доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Своеобразием Ближнего Востока является то, что в сравнении с другими регионами экологические основания политики все более явно обнаруживают себя, несмотря на разнообразную идеологическую риторику. Формирующееся направление исследований — политическая экология — изучает точки пересечения интересов, конфликты, иерархии господства, угрозы, ценности с позиции, в которой экологическая проблема рассматривается как причинный фактор. Дефицит на Ближнем Востоке такого ресурса, как вода, становится причиной войн, соглашений, поддержания тлеющих конфликтов. С другой стороны, относительный избыток невозобновляемых ресурсов углеводородов в регионе делает последний объектом борьбы глобальных политических сил за монопольный контроль над Ближним Востоком. Угроза ядерного конфликта с Израилем превращает региональные противоречия в экологическую проблему глобального характера.

Ключевые слова: политическая экология, дефицит ресурсов, водоснабжение, монопольный контроль, нефть, газ, ядерный конфликт.

POLITICAL ECOLOGY AS A MEASUREMENT OF THE FOUNDATIONS OF POLITICS IN THE MIDDLE EAST

Abstract. Originality of the Middle East is that in comparison with other regions, environmental policy bases all over more clearly reveal themselves, despite a variety of ideological rhetoric. Emerging research trend of political ecology examines the intersection points of interests, conflicts, domination hierarchies, threat, values, from the position in which the environmental problem is treated as a causative factor. The water deficit in the Middle East becomes a cause of wars, agreements, maintaining the conflicts. On the other hand, the relative surplus of not renewable resources of hydrocarbons in the region makes the region the subject of fight of global political forces for monopolistic control over the Middle East. The threat of nuclear conflict with Israel turns regional contradictions in environmental problems of a global nature.

Keywords: political ecology, resource scarcity, water, monopolistic control, oil, gas, nuclear conflict.

Ближний Восток — регион, который как никакой другой ассоциируется со множеством метафор. Его называют клубком противоречий, котлом с неприятностями, вечным конфликтом. Эти определения можно признать верными, если учитывать, что в этом регионе действительно сосуществуют проблемы не только местного, регионального, но и глобального характера. Вместе с тем далеко не все причины разногласий лежат на поверхности. Под личиной экономических, религиозных, этнических проблем могут скрываться совсем другие причины. Экология является одним из оснований, определяющих линии политического разделения в регионе на всех уровнях. Для того чтобы это стало понятным, необходимо обозначить основные положения политической экологии как дисциплины.

XX век в качестве политического наследия оставил нам проблему экологического кризиса. С точки зрения двух основных концепций экологического кризиса — ресурсной и биосферной, «экологический кризис рассматривается сквозь призму следствий как утрата равновесия, в котором изначально находилась система» [1, с. 46]. Составляющими экологического кризиса являются истощение и дефицит невозобновляемых ресурсов, избыточная техногенная нагрузка на окружающую среду (проблема климата), загрязнение окружающей среды и мусор, уменьшающееся биоразнообразие. Фундаментальной иллюзией оказывается представление о пассивности окружающей среды, которая имеет свой предельный порог возмущения экосистемы. «Биота постоянно вставляет палки в колеса технического прогресса. Безропотно, монотонно и неотвратно... Как будто кто-то из единого центра дает специальные сигналы, которым подчиняется живое вещество планеты (кроме человека, похоже). Все, что может противопоставить вид *Homo sapiens*, — техническая мощь» [2]. Техническая мощь, однако, сама может являться формой обратной связи экосистемы. Политическая проблема экологического кризиса носит двойственный характер. С одной стороны, угрозы и риски техногенного характера, нагрузка на окружающую среду придают экологическому кризису глобальный характер, который не признает границ. С другой стороны, глобальная проблема экологического кризиса рассматривается под углом зрения многочисленных политических акторов, стремящихся к экономическому превосходству и имеющих для этого различные материальные, институциональные, коммуникационные ресурсы, что локализует политические усилия.

Под политической экологией следует понимать совокупность концепций, описывающих социальный мир человека: основных акторов, институты, точки пересечения интересов, конфликты, иерархии господства, угрозы, ценности, — с позиции, в которой экологическая проблема рассматривается как причинный фактор и мотив разделения общества на политические единства. «Политическая экология возникла как значимое направление научных исследований в конце 1980-х годов, главным образом через сочетание марксистской политэкономии и культурной экологии, чтобы продемонстрировать важность неравных властных отношений и политики в экологических процессах деградации и борьбы за ресурсы» [3, р.242]. Экология становится причинным фактором для политических конфликтов.

Дефицит природных ресурсов делает неэффективными экономические методы обеспечения компонентами природы, используемыми человеком, для многих государств. Это приводит к выработке понятия экополитической национальной безопасности как условия политического существования, которое предполагает защиту своих ресурсов и доступность к чужим ресурсам. Экополитический суверенитет достигается распространением национальных интересов и влияния на регионы, обладающие природными богатствами.

Вторым моментом политической экологии является эффект экологической глокализации, характерный для экологических катастроф. Экологическая безопасность невозможна в рамках национальных границ, и необходимо создание основанной на принципе экополитической справедливости глобальной системы охраны окружающей среды (жизненного мира).

Третьей проблемой политической экологии является неэффективность мировой политики. Необходимость управления экополитическими процессами создает потребность в становлении экологического государства и экологической цивилизации, основанных на принципе экополитической ответственности.

Политическая экология ближневосточного региона формируется вокруг нескольких нерешенных проблем.

Формулой политики Ближнего Востока иногда называют химическую формулу воды — H_2O . Общим параметром для региона являются засушливые земли, требующие для сельского хозяйства почти стопроцентного орошения. При этом государства выбирают самостоятельные пути для обеспечения ресурсной безопасности

водой. Это неизбежно приводит к столкновениям и конфликтам между странами даже с общими культурными и религиозными корнями. Вода становится товаром, стоимость которого может делать выгодным ее экспорт в промышленных масштабах. Это обусловлено тем, что каждая страна региона старается развивать свое сельское хозяйство, несмотря на серьезный дефицит воды. Даже Саудовская Аравия стремится к продовольственной безопасности при полном искусственном орошении земель и отсутствии постоянных рек и пресных озер.

Потребность в воде постоянно возрастает вследствие увеличивающейся демографической нагрузки в районах, где большинство населения занято в сельском хозяйстве. Люди видят выход в переселении в крупные города и в миграции в другие регионы.

Традиционные источники воды становятся предметом политических конфликтов. Потеря Сирией Голанских высот в 1967 году отрезала ей выход к Тивериадскому озеру как одному из основных источников воды. Для того чтобы закрепить за собой завоеванные земли, Израилю всегда будет выгодно ослабление Сирии.

Тивериадское озеро является важным источником пресной воды и, тем самым, политическим ресурсом для Израиля. В рамках израильско-иорданского мирного договора 1994 года Израиль обязался поставлять Иордании 50 млн куб. воды в год из этого водоема.

После аннексии Голанских высот Евфрат становится основным источником воды в Сирии. Постройка водохранилища им. Асада частично и временно стала выходом из ситуации. Воды Евфрата пополняются водами Тигра, а это уже становится проблемой с другой стороны. Тигр берет начало в Таврских горах в Турции, протекает по юго-восточной части Ирака и соединяется с рекой Евфрат. Турецкая плотина Илису возводится на реке Тигр. Водохранилище им. Ататюрка на реке Евфрат — первый шаг в реализации крупномасштабного проекта общей стоимостью в 11 млрд долларов по введению в действие Турцией 21 водохранилища. Иран является одной из самых засушливых территорий и выкачивает воду из притоков Тигра. Таким образом, Сирия зависит от Турции в своем водоснабжении. Ирак, в свою очередь, зависит от Сирии и Ирана. Бахрейн и Саудовская Аравия также имеют общие проблемы водоснабжения.

Эта структурная проблема, в решении которой никто не хочет делиться своими преимуществами, привела к арабо-израильскому

конфликту 1967 года и вторжению Израиля в Ливан 1982 года. Обмеление рек в регионе приводит к повсеместному бурению артезианских скважин, что влечет за собой снижение уровня водоносного слоя. Без воды деградирует сельское хозяйство, что повлечет за собой голод и массовую миграцию в страны Европы.

Очевидно, что абсолютная и относительная нехватка водного ресурса требует поиска политических решений. Необходимо заключение договоров, которые бы обеспечивали справедливое распределение воды, и гарантированное их выполнение. С другой стороны, в регионе есть страны, такие как Израиль и Саудовская Аравия, чьи финансовые и технологические возможности могут обеспечить производство опресненной воды для более широкого круга территорий региона.

Таким образом, необходимость обеспечения национальной безопасности, экополитического суверенитета требуют политических договоренностей и решений на региональном и глобальном уровне, достижения справедливости в международных соглашениях, поскольку существуют внешние игроки, которым выгоден экополитический конфликт, связанный с водоснабжением [4].

Этот конфликт насаивается на проблему глобальной энергетической безопасности, центр которой также расположен в ближневосточном регионе. В противоположность предыдущей проблеме дефицита ресурса воды в регионе, нефть и газ являются дефицитом в остальном мире и в избытке наличествуют на Ближнем Востоке. «Природные ископаемые становятся экологическими ресурсами, поскольку через ресурсы природа доступна человеку на стадии экономического прогресса. Борьба за экологические ресурсы отрицает экономические отношения. Это отрицание еще абстрактно, так как оно осуществляется во имя развития экономики» [1, с. 59]. Сырьевые ресурсы не возобновляемы и конечны, и их рациональное потребление является важной политической задачей, которая разделяет государства на союзников и противников в этом вопросе. Западные страны уже давно выработали стратегию по отношению к странам — экспортерам нефти. Экологическая безопасность в сфере обеспечения такими ресурсами, как нефть и газ, обуславливается политическим контролем над регионом и поэтому является первостепенной задачей. Вторым направлением политической экологии западных государств является достижение полного контроля над нефтепереработкой. Отсутствие или деградация нефтеперерабатывающих заводов

в странах-экспортерах углеводородов делает их полностью зависимыми от конечных потребителей ресурса. Ведь именно последние становятся импортерами бензина, моторных масел и продукции химической отрасли.

В XXI веке пять из десяти ведущих стран — производителей нефти в мире (Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт и ОАЭ) были расположены на Ближнем Востоке. Эта группа стран обеспечивает более четверти мировой добычи нефти. Поскольку энергетическая безопасность является сегодня главной проблемой для всех промышленных стран Европы и Азии, регион Персидского залива оказывается на пересечении интересов многих политических акторов. Относительный дефицит в мире такого ресурса, как углеводороды, трансформирует этот ресурс из предмета торга в предмет, требующий военно-политического контроля, то есть национальной экополитической безопасности. На Ближнем Востоке сталкиваются интересы основных игроков энергетического рынка и геополитики: США, Европы, Китая, Индии и России.

Ирак первым поплатился за попытки создания собственной нефтеперерабатывающей промышленности. После свержения Саддама Хусейна США претендуют на полный контроль над всем Ближним Востоком, однако смешение региональных и глобальных интересов не позволяет добиться окончательного результата. Контроль над регионом обеспечивал бы экологическую безопасность каждой из заинтересованных стран, но сам регион неоднороден, что не позволяет достичь полного контроля. США контролируют Ирак и доминируют в союзнических отношениях с Израилем и арабскими странами суннитского направления ислама. Американцам противостоят Иран и Сирия. В нефтегазовом секторе важны не столько предложение, сколько способы доставки продукта и его переработка. Сирия является ключевой территорией для прокладки всех возможных газопроводов в Европу. В Сирии столкнулись интересы многих стран. Шиитские Иран, Ирак и Сирия планировали строительство Исламского газопровода в Европу через Средиземное море. Катар вместе с Саудовской Аравией представляют интересы Арабского газопровода через Сирию и Турцию. Эти проекты ставят под угрозу морской путь поставки углеводородов из суннитских стран Персидского залива и дают контроль Ирану над всей системой поставок в Европу. Интересы России, США, Китая и Европы пересеклись на территории Сирии. Только монопольный выигрыш в данном регионе обеспечивает

экополитическую безопасность одному из конкурентов. Многополярная система консервирует конфликтогенность региона и подталкивает к поиску политических компромиссов.

Несмотря на всю важность вышеназванных противоречий, над всеми проблемами политической экологии региона доминирует другая угроза: необходимость сохранения экосистемы, включающей человека, природы как таковой, связана с вероятностью региональной ядерной войны. В этом отношении Ближний Восток политически делится на два блока. В основе этого разделения лежит религиозное противостояние. Израиль является единственной страной в регионе, в которой не доминирует ислам. Исламский мир Ближнего Востока, в свою очередь, разобщен. Разделение на шиитов и суннитов хотя и политизировано, но не носит антагонистического характера. Самым безотказным в настоящий период способом сплочения исламского мира является антиизраильская пропаганда. Политика правительств, стремящихся к уничтожению Израиля, готовит тем самым экологическую катастрофу для всего Ближнего Востока, после которой жизнь в этом регионе прекратится на многие тысячелетия. Израиль обладает атомным оружием, а возможность создания ядерного оружия Ираном делает бессмысленными призывы и попытки разоружения Израиля. Стремление к уничтожению Израиля — это самый короткий путь к экологической катастрофе в регионе.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ трех ключевых политических проблем Ближнего Востока, необходимо сделать вывод о важности политической экологии как измерения основания политики Ближнего Востока.

Источники

1. *Борисов Н. А., Волков В. А.* В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии. СПб.: Северо-Западный ин-т упр. — фил. РАНХиГС, 2014. 143 с.
2. *Морозов А.* Биомасса против высоких технологий. URL: http://www.ng.ru/ nauka/2013—12—25/9_biomass.html (дата обращения: 19.04.2019).
3. *Billon P., Duffy R.* Conflict ecologies: connecting political ecology and peace and conflict studies // *Journal of Political Ecology*, no. 25 (1). P. 239–260. doi: 10.2458/v25i1.22704.
4. *Labajos B. Martínez-Alier J.* Political ecology of water conflicts // *WIREs Water*, 2015, no. 2. P. 537–558. doi: 10.1002/wat2.1092.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ РОССИИ В СИРИЙСКОМ, ЛИВИЙСКОМ И ЙЕМЕНСКОМ КОНФЛИКТАХ: ОБЪЯСНЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ МОТИВАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹

Голубев Денис Сергеевич

*(кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Усиление роли российской политики в регионе Ближнего Востока, прежде всего, ассоциируется с прямым участием в сирийском конфликте (начиная с осени 2015 г.). При этом участие Москвы в двух других главных кризисах в регионе — ливийском и йеменском — на протяжении последнего времени оставалось значительно более скромным. Можно утверждать, что если рассматривать три базовые формы вовлеченности (в качестве второстепенной воюющей стороны; в качестве второстепенной поддерживающей стороны; в качестве третьей стороны), то участие России в сирийском конфликте проявляется во всех трех формах, в Ливии — в двух последних формах, а в Йемене — лишь в качестве третьей стороны. Обычно объяснение данной вариативности сводят к интерпретации разнопорядковости тех российских интересов, которые присутствуют в каждом из данных конфликтов. Однако сопоставление трех кейсов на основе современных теоретических подходов, объясняющих интернационализацию внутригосударственных вооруженных конфликтов, позволяет предположить, что пересечение мотивации и возможностей может являться более продуктивной концептуально-аналитической рамкой для объяснения указанной вариативности в ближневосточной политике России.

Ключевые слова: ливийский конфликт, сирийский конфликт, йеменский конфликт, Россия, вмешательство, интервенция, интернационализация.

RUSSIA'S COMPARATIVE ROLE IN SYRIAN, LIBYAN, AND YEMENI CONFLICTS: EXPLAINING THE VARIATIONS IN INVOLVEMENT THROUGH THE LENS OF OVERLAP BETWEEN MOTIVATIONS AND OPPORTUNITIES

Abstract. Russia's increasing visibility in Middle Eastern affairs is primarily associated with its involvement in the Syrian conflict since October 2015. At the same time, Moscow's role in the other two central regional crises — the Libyan one and the Yemeni one — has been much more restrained. It can be argued that across the three

pure forms of involvement — 1) as a secondary warring party, 2) as a secondary supporting party, and 3) as a third party — Russia's role in Syria included all of these forms, whereas in Libya only the two latter forms and in Yemen only as a third party. Pundits tend to reduce the explanation of these variations to interpreting diverging interests of Moscow in each of these conflicts. However, comparative study of the three cases based on contemporary theoretical approaches that address internationalization of intrastate armed conflicts offers ground to hypothesize that overlap between motivations and opportunities can serve as a more adequate conceptual framework in explaining these variations in Russia's Middle Eastern policy.

Keywords: Libyan conflict, Syrian conflict, Yemeni conflict, Russia, interference, intervention, internationalization.

Введение

Возросшая активность российской внешней политики в ближневосточном регионе заставляет задуматься одновременно и о вариативности участия Москвы в различных региональных кризисах и иных процессах, и о факторах, которые позволили бы объяснить такую вариативность. Очевидно, что вовлеченность России в сирийский конфликт на современном этапе была и продолжает оставаться значительно более прямой, предметной и многоаспектной, чем аналогичная вовлеченность в ливийский кризис или, тем более, йеменский конфликт. Анализ военно-политических, экономических и дипломатических усилий на трех направлениях позволяет утверждать, что в Сирии Россия выступает одновременно в трех ипостасях: в качестве второстепенной воюющей стороны, в качестве второстепенной поддерживающей стороны и в качестве третьей стороны конфликта (посредника, медиатора), в то время как в Ливии эта роль ограничена лишь (и то с определенными оговорками) двумя последними формами участия, а в Йемене она сводится лишь к эпизодическим усилиям в качестве третьей стороны без реальной поддержки какой-либо из сторон.

Целью данной работы является определение тех концептуальных рамок, которые бы наиболее адекватно подходили к объяснению этой вариативности. Для этого предпринимается попытка сравнительных кейс-стади трех вышеуказанных конфликтов и роли Москвы в каждом из них с акцентом на мотивах и возможностях, связанных как с динамикой самих конфликтов, так и с российскими интересами в регионе, которые позволили бы дать удовлетворительное объяснение наблюдаемых различий.

Формы и направленность участия России в динамике трех конфликтов

Траектория ливийской революции 2011 г., приведшая страну к гражданской войне, не вызвала сколь-либо четкой реакции со стороны России. В то время как западные страны активно поддерживали смену правящего режима, Москва колебалась между тем, чтобы осудить, поддержать или же остаться в стороне от интервенционизма противников М. Каддафи. В результате российский подход к первой гражданской войне в Ливии можно охарактеризовать как осторожный нейтралитет, который не мог привести к укреплению влияния на стороны конфликта.

Россия воздержалась от наложения вето на резолюцию Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН) № 1973, тем самым фактически внося вклад в международную легитимизацию вооруженной интервенции со стороны западных и региональных сил, приведшую к свержению М. Каддафи. Тем не менее уже на этом раннем этапе проявились существенные расхождения между российской и западной интерпретациями сути того мандата, который был предоставлен резолюцией. Россия делала акцент на цели вмешательства, которая была зафиксирована как «помочь защитить гражданское население» (а не менять политический режим), в то время как западные державы подчеркивали, что текст резолюции санкционировал право «принимать все необходимые меры»², что трактовалось как зеленый свет для военной помощи оппозиционным силам. Вся последующая дестабилизация в стране, последовавшая за сменой режима, трактовалась в официальной российской позиции как прямое следствие непродуманных действий, связанных со злоупотреблением западными странами мандата резолюции № 1973.

В межвоенный период правления Всеобщего национального конгресса в 2012–2013 гг., а также во время второй гражданской войны в 2014–2015 гг. Россия продолжала придерживаться пассивной роли, при этом номинально поддерживая направляемый ООН политический процесс и критикуя западные страны за отстранение от тех ливийских проблем, которые они же во многом и спровоцировали. Однако в период после заключения Схират-

² Резолюция Совета Безопасности ООН № 1973, принята на 6498-м заседании 17 марта 2011 года. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/s/res/1973> (2011).

ского соглашения (с начала 2016 г.) российская политика на ливийском направлении все более активизировалась, приобретая определенные черты гибридной стратегии вовлеченности. В феврале 2018 г. «Нью-Йорк таймс» открыто противопоставила новую активизировавшуюся роль Москвы на ливийском направлении пассивности и отсутствию видения со стороны администрации Д. Трампа [1].

В контексте современного противостояния между так называемой Ливийской национальной армией (ЛНА) маршала Халифы Хафтара и Правительством национального согласия (ПНС) во главе с премьер-министром Файезом Сарраджем, номинально поддерживая ПНС, реальная российская линия оказалась ближе к прохафтаровскому лагерю, что проявилось в политической и дипломатической поддержке, а также пусть не прямой и ограниченной, но все же материально-логистической помощи. В мае 2016 г. на «Гознаке» была отпечатана партия банкнот, эквивалентная 4 млрд ливийских динаров, для обращения на подконтрольных восточному правительству территориях [2]. Хотя ввиду эмбарго, наложенного ООН в 2011 г., прямых поставок вооружений ЛНА Россия не предпринимала, были основания полагать, что поставленное в Египет (и/или Алжир) российское оружие могло быть реэкспортировано в Ливию в поддержку ЛНА с молчаливого согласия Москвы [3]. Но одновременно с этим высшие российские должностные лица не раз проводили встречи с премьер-министром Сарраджем, тем самым показывая, что Россия предпочитает поддерживать прямые каналы коммуникации со всеми легитимными силами в ливийском конфликте. Такая двойственная линия (номинальная поддержка ПНС и коммуникаций со всеми сторонами при неофициальных свидетельствах симпатии к прохафтаровскому лагерю, в том числе через координацию с его ключевыми внешними спонсорами — Египтом и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ)) продолжилась и после начала военной операции ЛНА по наступлению на Триполи с апреля 2019 г.

Российские усилия в сирийском конфликте оказались ожидаемо значительно более активными и многомерными. Москва поддержала официальное правительство президента Башара Асада с самого начала сирийского кризиса в 2011 г., оказывая ему политическую, дипломатическую, военно-материальную и логистическую поддержку, а с октября 2015 г. — и посредством прямой

военной интервенции. Отчасти эта помощь основывалась на заключенных еще до начала конфликта военных контрактах с сирийским правительством, которые к 2012 г. оценивались в размере 1,5 млрд долл., составляя 10% всего российского экспорта вооружений [4]. Важную роль играло также участие российских военных советников в подготовке и тренировке Сирийской арабской армии, что продолжалось в том числе и после начала военно-воздушной кампании в 2015 г.

Хотя направление российской вовлеченности было в основном проасадовским, военные офицеры из Центра примирения враждующих сторон, развернутого на базе Хмеймим, также наладили контакты с лидерами местных арабских общин, находившихся в оппозиции к Дамаску, и способствовали подписанию десятков локальных соглашений о примирении. Спорадически российские воздушно-космические силы (ВКС) также оказывали поддержку по отдельности Турции и Сирийским демократическим силам (СДС) в их операциях против боевиков «Исламского государства» на севере и северо-востоке страны [5].

На дипломатическом фронте в 2011–2018 гг. Россия последовательно заветировала двенадцать внесенных западными странами в СБ ООН проектов резолюций, осуждавших правительство Асада и требовавших его отставки. Когда политический процесс под эгидой ООН в Женеве в 2012–2015 гг. начал пробуксовывать, Россия, Турция и Иран создали параллельный переговорный механизм в Астане (в настоящее время — г. Нурсултан), который в большей степени был сфокусирован на достижении конкретных шагов по деэскалации военных действий между правительственными силами и поддерживаемыми Турцией отрядами вооруженной оппозиции. Такая концентрация военной, политической и дипломатической активности позволила Москве превратиться в наиболее влиятельную внешнюю силу, уникальным образом поддерживающую взаимодействие почти со всеми местными и региональными акторами конфликта.

Такая вовлеченность особенно контрастировала с почти полным отсутствием российского участия в йеменском кризисе. С самого начала эскалации гражданской войны в Йемене в 2015 г. Москва предпочитала не вмешиваться не только в пользу какой-либо из сторон, но, за некоторыми исключениями, и в качестве третьей стороны.

Как и в случае многих других региональных противоречий, российская позиция претендовала на то, чтобы придерживаться баланса в противостоянии между Ансар Аллах (движением хуситов) и правительством президента Мансура Хади и при этом поддерживать каналы связи со всеми легитимными местными силами. С одной стороны, Министерство иностранных дел России поначалу приняло решение оставить российское посольство в столице г. Сана, даже несмотря на то, что власть в сентябре 2014 г. была захвачена хуситами. Кроме того, в декабре 2016 г. заместитель министра иностранных дел М. Л. Богданов принял делегацию хуситов в Москве, что вызвало недовольство государств, входящих в Совет сотрудничества Арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). С другой стороны, в апреле 2015 г. Москва не стала ветоировать резолюцию СБ ООН № 2216, которая наложила эмбарго на поставки вооружений хуситам, на этот раз разочаровав Иран, который считается главным спонсором Ансар Аллах. Такие попытки пассивного балансирования между различными региональными центрами силы, не вызывая особых опасений у ключевых участников йеменского конфликта, одновременно делают российскую роль в йеменском кризисе практически незаметной.

До конца 2017 г. российская дипломатия пыталась быть фасилитатором диалога между альянсом хуситов и бывшего президента Али Абдаллы Салеха с одной стороны и саудовской Аравией — с другой [6], но это прежде всего обуславливалось старыми тесными связями Москвы с семьей Салех. После убийства А. А. Салеха в декабре 2017 г. Россия все же эвакуировала посольство из подконтрольной хуситам Саны и временно разместила эту миссию в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде, а также понизила уровень своих связей с Ансар Аллах, что не имело решающего влияния на динамику конфликта.

В последние годы Россия активизировала свое участие в решении так называемого южнойеменского вопроса, ратуя за его включение в повестку мирного процесса, проходящего под эгидой ООН. Это во многом связано с сохранившимися тесными контактами между Москвой и некоторыми южнойеменскими фракциями, включая входящие в Южный переходный совет (ЮПС) Йеменскую социалистическую партию и южное сепаратистское движение Хирак. Относительно дружественные отношения как с правительством Хади, так и с умеренными южными сепаратист-

скими силами позволили России активизировать посреднические дипломатические усилия между ними [7]. Однако реального прогресса на этом направлении российской дипломатии достичь не удалось. А сам южноыменский вопрос во многом остался заложником более радикальных сепаратистских фракций ЮПС с решающим влиянием ОАЭ и Саудовской Аравии, на фоне которых роль России могла быть лишь очень ограниченной.

В целом же, оценивая вариативность роли России в трех конфликтах с точки зрения различных внешних измерений динамики внутрисубъективного насилия, можно сказать, что лишь в сирийском кризисе эта роль проявилась не только в трех основных ипостасях внешнего вмешательства, но и в контексте влияния на пространственное распространение (различные кросс-границные «перетекания») внутреннего насилия, а также его «проксификацию» (встраивание в контуры более широкого противостояния в рамках стратегических диад). В Ливии эти усилия ограничились лишь непрямым вмешательством и номинальной поддержкой международных посреднических усилий, а в Йемене лишь спорадическими и не очень результативными фасилитационными инициативами (см. табл.).

Таблица. Сравнительная роль России в отдельных аспектах интернационализации кризисов в Ливии, Сирии и Йемене в 2011–2019 гг. («+» означает наличие роли, «-» означает отсутствие роли, «+/-» означает незначительную роль)

Аспекты участия	Ливия	Сирия	Йемен
Пространственное распространение	-	+/-	-
Прямое военное вмешательство (<i>второстепенная воюющая сторона</i> конфликта)	-	+	-
Непрямое вмешательство (<i>второстепенная поддерживающая сторона</i> конфликта)	+	+	-
Участие в качестве <i>третьей стороны</i>	+/-	+	+
Системная значимость конфликта и его «проксификация»	-	+	-

Возможные концептуальные рамки

для объяснения роли внешних акторов в вооруженных конфликтах

Когда ученые и эксперты пытаются объяснить вариативность вмешательства внешних государственных акторов в течение тех или иных внутригосударственных конфликтов (процесс, который обычно категоризируется как интернационализация), они обычно сосредотачиваются на следующих объяснительных парадигмах.

1. Через анализ интересов (в терминах национальных, региональных, стратегических интересов и т.д.). Разнопорядковые интересы могут обуславливать различную приоритетность тех или иных внешнеполитических действий, в том числе связанных с попытками управления конкретными вооруженными конфликтами. Конвенциональная объяснительная рамка заключается в том, что чем более важные стратегические интересы внешнего актора затронуты динамикой конкретного конфликта, тем более вероятным и более директивным будет его возможное вмешательство в такой конфликт.
2. Через акцент на идейно-нормативной ориентации во внешней политике. Иногда интервенционизм и его конкретные проявления объясняются в терминах внешнеполитической идеологии, подразумевая, что определенные сущностные черты такой идеологии (например, ориентация на распространение норм «свободы» и «демократии» и вера в возможность государственно-социального инжиниринга в соответствии с некими «универсальными» ценностями) могут повышать вероятность вмешательства субъекта такой идеологии в дела других государств, в том числе во внутренние кризисы и конфликты.
3. Через атрибуирование оппортунизма, экспансионизма и других одномерных моделей поведения во внешней политике. Еще одной упрощенной объяснительной моделью является навязывание ярлыков с, как правило, негативной коннотацией вроде «хищнической», «оппортунистской», «экспансионистской», «империалистической» или другой внешней политики в отношении государства — субъекта вмешательства. В данном случае интервенция интерпре-

тируется как неизбежное проявление данного типа внешней политики и, как следствие, не требует дальнейшего более глубокого объяснения.

4. Представляется, что каждая из этих трех концептуальных рамок является в некоторой степени упрощенной и потому обладает лишь ограниченной объяснительной, не говоря уже о предиктивной, ценностью. Сравнительный кейс-стади роли России в сирийском, ливийском и йеменском конфликтах позволяет выдвинуть гипотезу о том, что более продуктивной объяснительной рамкой в данном и аналогичных случаях может стать изучение вариативности вовлеченности внешних акторов через призму соотношения их мотивации в конкретном конфликте и возможностей (и, как следствие, ограничений) для вмешательства, создаваемых сложившейся ситуацией.
5. Согласно данной концептуальной рамке, действия политических акторов определяются не идеологией, не одномерными ориентациями и даже не интересами как таковыми. В отличие от пассивной категории интересов, данная модель сосредотачивается на анализе мотивации как активного первоначала любого действия, которая может создаваться как динамикой самого конфликта, так и развитием контекста, связанного с субъектом вмешательства безотносительно объекта такого вмешательства. Однако мотивация не может порождать внешнеполитическое действие напрямую. Своего рода фильтром между ними является наличие или отсутствие возможностей для такого вмешательства, что также можно описать как наличие или отсутствие ограничений, в том числе завязанных на просчет соотношения между потенциальным выигрышем и издержками, затраченными на его получение. Такие «окна возможностей» также можно интерпретировать как факторы, выполняющие роль своего рода «шлюзов» (в англоязычной терминологии — *gating-factors*), то есть чем шире окно возможностей, тем в большей степени субъект вмешательства будет руководствоваться собственной мотивацией, и наоборот. Таким образом, вероятность, характер и многомерность интервенции будет зависеть от соотношения между наличием мотивации повлиять

на динамику конфликта и объективными возможностями для осуществления необходимых для этого действий (см. рис.).

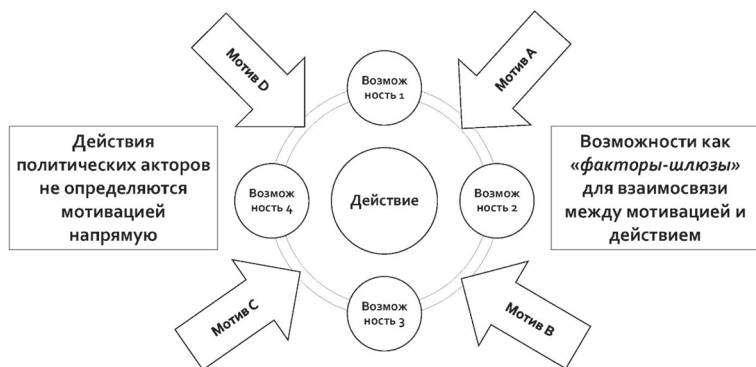

Рисунок. Концепция соотношения между мотивацией и возможностями в объяснении вмешательства внешних акторов во внутригосударственные конфликты

Пересечение мотиваций и возможностей как объяснительная модель для объяснения вариативности роли России в трех конфликтах

Апробирование указанной объяснительной модели на трех рассматриваемых кейсах российской ближневосточной политики подтверждает ее объяснительный потенциал в анализе внешнего вмешательства во внутренние вооруженные конфликты.

Пассивность российской политики на ливийском направлении в периоды первой и второй гражданских войн (2011 г. и 2014–2015 гг. соответственно) при противоречивых поначалу сигналах может быть объяснено ограниченностью мотивов участия при отсутствии реальных возможностей для последнего. Антизападная самоидентификация в российской внешней политике в 2011 г. еще не проявилась в полной мере, Москва во многом все еще видела себя партнером западного мира. Как полагают многие эксперты, отказ от вето резолюции СБ ООН № 1973 мог быть обменен Россией на уступки со стороны Запада по иным вопросам (вступление во Всемирную торговую организацию, ограничения по развертыванию систем противоракетной обороны

в Европе). Несмотря на миллиардные контракты, которые могла потерять Россия при свержении Каддафи, это, возможно, компенсировалось бы активизацией торгово-экономического сотрудничества как с западными, так и с региональными странами, заинтересованными в смене режима. Одновременно с этим у Москвы не было реальных возможностей остановить намечавшуюся интервенцию, не в последнюю очередь потому, что по ней сложился пусть хрупкий, но консенсус среди всех ключевых западных и региональных игроков. Каддафи фактически остался один, без союзников, и Россия уже не смогла бы его спасти.

Комбинация мотивации и возможностей в постсиритский период сложилась совершенно иначе, что привело к изменению в российской политике. Сирийская кампания привела к усилению не только влияния Москвы, но и ее уверенности в собственных возможностях при проведении ближневосточной политики. Региональные игроки стали активнее искать российской поддержки, что открыло дорогу для более решительной реализации Россией своих интересов. Тесные взаимовыгодные отношения с правящими кругами в Египте и ОАЭ не могли не затрагивать координацию по отдельным ливийским сюжетам. Появление кандидатуры маршала Хафтара как потенциальной «сильной руки», способной объединить Ливию, не могло не резонировать с исторически сложившейся моделью сотрудничества Москвы со светскими правящими режимами, подконтрольными военным. Влияние в Ливии сулило также получение новых рычагов для торга с европейскими партнерами, для которых целый ряд вопросов безопасности напрямую зависит от ситуации в Средиземноморье. Это сопровождалось параллельным самоустранением Соединенных Штатов, для которых весь интерес к Ливии в 2015–2018 гг. сводился лишь к борьбе с метастазами «Исламского государства». Сочетание этих факторов и обстоятельств позволило перейти к проактивной гибридной стратегии и привело к более заметной роли России в ливийских событиях.

Как было сказано выше, российская политика в отношении сирийского конфликта с самого начала характеризовалась значительно большей степенью вовлеченности, чем в отношении иных кризисов. Стратегическая значимость Сирии как российского союзника при правящем режиме семейства Асадов для Москвы традиционно была значительно более существенной, чем значимость Ливии или Йемена. Тесные связи с партией «Баас» были

установлены еще в 1960-х годах, когда Советский Союз проявлял определенную лояльность по отношению к идеологии панарабского революционного национализма. С 1971 г. действовал пункт материально-технического обеспечения (фактически — военноморская база) в Тартусе. В 1980 г. был заключен российско-сирийский договор о дружбе и сотрудничестве. Советские и российские специалисты принимали участие в реализации десятков экономических и инфраструктурных проектов на территории Сирийской Арабской Республики. Даже после распада СССР Россия осталась главным поставщиком вооружений для Дамаска.

Но этот главный мотив дополнялся целым рядом других, возможно, не менее важных мотивов, среди которых можно отметить следующие:

- предотвратить возвращение в Россию (на Северный Кавказ) и союзные республики Центральной Азии бежавших в Сирию и примкнувших к джихадистским группировкам добровольцев или наемников-исламистов;
- закрепиться в стратегически важном регионе Восточного Средиземноморья, наличие военной инфраструктуры в котором позволяет проецировать силу в направлении Ближнего Востока, Северной Африки и даже Южной Европы;
- испытать новые системы вооружений и новую организационную структуру вооруженных сил, реформированную после войны с Грузией 2008 г.;
- сместить фокус в повестке дня мировых СМИ с событий, имевших место на территории востока Украины и самопровозглашенных республик, поскольку освещение этих событий происходило в неблагоприятном для России свете;
- повысить уровень общественной поддержки правящих кругов внутри страны (включая одобрение работы президента и федерального правительства) посредством ограниченной победоносной военной кампании.

Эти мотивы самым благоприятным образом пересеклись с окном возможностей, созданных условиями внешней и внутренней среды. Российская помощь была официально запрошена действующим сирийским правительством, что обеспечило международную легальность проводимой военной кампании. Западные

страны, еще стремившиеся к свержению Асада в 2012–2013 гг., с 2014 г. окончательно отбросили эту идею как нереалистичную ввиду роста влияния «Исламского государства» и отсутствия поддержки очередной военной кампании на Ближнем Востоке среди своих электоратов. Российская операция при всей ее многомерности в своем главном — военно-воздушном — компоненте была сугубо ограниченной и не требовала отправки в Сирию сухопутных войск за исключением Сил специальных операций. Россия действовала в тесной координации с Ираном, Хезболлой, сирийским правительством, отрядами курдской самообороны и позднее Турцией, одновременно разведя свои действия с США и Израилем с помощью механизмов деконфликтации. Все это создало уникальное окно возможностей, которое позволило Москве действовать с максимальным акцентом на реализации собственных целей и мотивов.

Что касается Йемена, то сложившаяся комбинация мотиваций и возможностей для российской политики обусловила сугубо ограниченную роль и участие Москвы в данном кризисе. Стремясь поддерживать определенный баланс в своих отношениях со стратегической диадой Саудовская Аравия — Иран, российская дипломатия не стремилась занять чью-либо сторону по вопросу, который не имел непосредственного геополитического значения для российских интересов в регионе. Несмотря на тесную координацию с Ираном в Сирии, Москва традиционно придерживалась линии на уважение экзистенциальных национальных интересов региональных держав, поэтому не видела для себя возможным поддержать дестабилизацию в стране, которая является «мягким подбрюшьем» Саудовской Аравии. Мотивация России к взаимодействию с хуситами совсем ослабла после убийства А. А. Салеха, с которым у Москвы были наиболее тесные связи.

В узком смысле российские интересы в Йемене затрагивают не столько центральную конфликтную диаду по линии правительство Хади — хуситы, а скорее лишь южнойеменский вопрос. Еще во времена холодной войны Народная Демократическая Республика Йемен, то есть Южный Йемен, была одним из главных сателлитов СССР в арабском мире. В Адене и на Сокотре находились советские военные объекты, Москва не только поставляла свое оружие в НДРЙ, но и развивала с ней культурные и образовательные обмены. Это наследие по-прежнему живо, хотя в не меньшей степени современный интерес к Южному Йемену объясняется геополити-

ческими амбициями Москвы в стратегически важном регионе, охватывающем Аденский залив, Баб-эль-Мандебский пролив, Красное море и Африканский Рог. Ключевая роль региона с точки зрения глобальных транспортных потоков, а также активизировавшееся в последнее десятилетие военное присутствие целого ряда мировых и региональных держав заставили Москву также более тщательно оценить свои цели и возможности в этой части мира. Этим можно объяснить попытки российской дипломатии все же предпринять посреднические усилия на южноыменском направлении.

Однако реальных возможностей для реализации собственных мотивов на йеменском направлении для Москвы так и не представилось. Связи с южноыменской элитой ограничены лишь умеренными силами, которые находятся в тени своих более радикально настроенных партнеров по ЮПС. Само российское влияние в Южном Йемене в относительном смысле незначительно, если сравнивать его с влиянием ОАЭ, которые являются доминирующим игроком и обладают непосредственным военным присутствием на земле. Необходимость балансирования между США и Ираном также ограничивает пространство для маневра, ведь любая слишком активная инициатива со стороны России может быть истолкована одной из сторон как предвзятость, что может негативно отразиться на сотрудничестве с ними по другим более важным для Москвы вопросам.

Заключение

Таким образом, как показывает изучение кейсов российского участия в ливийском, сирийском и йеменском конфликтах, объяснительный потенциал концепции мотиваций и возможностей в значительной мере подтверждается эмпирически. Активность ближневосточной политики Москвы и степень вмешательства в региональные кризисы и конфликты выше там, где мы наблюдаем ситуацию пересечения мотивации и возможностей для таких действий. Из трех рассмотренных кейсов в наибольшей степени такие условия сложились в Сирии, в меньшей степени — в Ливии и Йемене.

Данная концептуальная рамка вполне может быть применена и для изучения, объяснения и даже предсказания вариативности вмешательства иных внешних государственных акторов в те или

иные внутригосударственные конфликтные ситуации. Кроме того, сопоставление трех кейсов позволяет утверждать, что — при определенных условиях — характер и направленность вовлеченности влиятельных внешних (особенно внерегиональных) сил во внутренний конфликт имеют тенденцию характеризоваться не столько выбором между силовым предвзятым вмешательством и несиловым (политико-дипломатическим) непредвзятым посредничеством, сколько неизбежным совмещением этих двух стратегий.

Источники

1. *Becker J., Schmitt E.* As Trump Wavers on Libya, an ISIS Haven, Russia Presses On // The New York Times, 2018, February 7. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/07/world/africa/trump-libya-policy-russia.html> (дата обращения: 20.03.2019).
2. *Meyer H., Alexander C., Ghaith S.* Putin Promotes Libyan Strongman as New Ally After Syria Victory // Bloomberg, 2016, December 22. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-12-21/putin-promotes-libyan-strongman-as-new-ally-after-syria-victory> (дата обращения: 15.03.2019).
3. *Toaldo M.* Russia in Libya: War or Peace? European Council on Foreign Relations, 2017, August 2. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_russia_in_libya_war_or_peace_7223 (дата обращения: 18.03.2019).
4. *Galpin R.* Russian Arms Shipments Bolster Syria's Embattled Assad // BBC News, 2012, January 30. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-16797818> (дата обращения: 20.03.2019).
5. *Gordon M., Schmitt E.* Airstrikes by Russia Buttress Turkey in Battle vs. ISIS // The New York Times, 2017, January 8. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/08/us/politics/russia-turkey-syria-airstrikes-isis.html> (дата обращения: 18.03.2019).
6. *Al Batati S.* Russia Could Help Broker Yemen Peace Compromise // The Gulf News, 2017, October 21. URL: <https://gulfnews.com/world/gulf/yemen/russia-could-help-broker-yemen-peace-compromise-1.2110183> (дата обращения: 15.03.2019).
7. *Ramani S.* Russia's Mediating Role in Southern Yemen // Carnegie Endowment for the International Peace, 2018, October 12. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/77482> (дата обращения: 20.03.2019).

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ДИАЛЕКТИКА СОПЕРНИЧЕСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Грибанова Галина Исааковна

*(доктор социологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Среди стран, с которыми Израиль поддерживал отношения с момента своего создания, одной из самых важных был Советский Союз, а впоследствии Россия — преемник последнего. Эти отношения были многомерными, подверженными взлетам и падениям и зависели не только от событий на Ближнем Востоке, но и от геополитических изменений в целом. На протяжении многих лет Советский Союз, а затем Россия стремились поддерживать хорошие отношения как с еврейским государством, так и с арабскими странами. Сегодня главной задачей России является укрепление своего влияния на Ближнем Востоке и ускорение восстановления статуса сверхдержавы без чрезмерной конфронтации с Западом. Решение этой задачи напрямую связано со способностью России выступать в качестве посредника между Израилем и арабским миром.

Ключевые слова: российско-израильские отношения, Ближний Восток, противоречия, сотрудничество, *русский мир*.

THE SPECIFICS OF RUSSIAN-ISRAELI RELATIONS AT THE PRESENT STAGE: THE DIALECTIC OF CONFRONTATION AND COOPERATION

Abstract. Among the countries with which Israel has maintained relations since its creation one of the most important has been the Soviet Union, and subsequently Russia, its successor state. This relationship has been multi-dimensional, subject to ups and downs, and sensitive to developments not only in the Middle East but also in broader geopolitical settings. Over the years, on and off, the Soviet Union/Russia has sought to maintain good relations both with the Jewish state and with Arab states. Today's main Russian aim is strengthening its hold in the Middle East and boosting the restoration of its superpower status, while avoiding excessive confrontation with the West. The solution to this problem is directly related to Russia's ability to act as a mediator between Israel and the Arab world.

Keywords: Middle East, contradictions, cooperation, *Russian World*.

Современные международные отношения претерпевают различные трансформации, которые обозначают появление новых союзников и сфер сотрудничества между странами. Примером этого может служить активное взаимодействие России и Израиля на политической арене в настоящее время.

Отношения между Советским Союзом и Израилем характеризовались крайней противоречивостью: от решающей роли СССР в создании еврейского государства до разрыва дипломатических отношений в 1967 году, полностью восстановленных лишь в 1991 году.

До обретения Израилем независимости идея создания на Ближнем Востоке еврейского государства активно и последовательно поддерживалась Советским Союзом. В 1947 году советский представитель в ООН Андрей Громыко заявил о поддержке его страной плана раздела Палестины, а после утверждения последнего СССР выступил за принятие Израиля в члены ООН [1].

17 мая 1948 года, через три дня после провозглашения независимости, Советский Союз признал государство Израиль. Дипломатическая поддержка сопровождалась военной помощью: поставки оружия из Советского Союза в Израиль шли через Чехословакию. Такая позиция руководства СССР может быть объяснена, с одной стороны, стремлением привлечь на свою сторону Израиль, с другой, уменьшить влияние Великобритании в регионе. Результатом должно было стать коренное изменение геополитической обстановки в этой части земного шара.

Однако советским надеждам не суждено было сбыться. Во-первых, после войны за независимость и развертывания холодной войны в Израиле начались публичные дебаты по поводу того, должна ли страна присоединиться к Западу или должна стремиться усилить свою ориентацию на Восточный блок. Правящая партия МАПАЙ во главе с Д. Бен-Гурионом (в отличие отлевой партии МАПАМ) предпочла открыто отождествить себя с Западом, что, в частности, нашло свое отражение в официальной израильской позиции по вопросу о войне в Корее. Во-вторых, советское руководство было крайне встревожено нарастающими в среде советских евреев настроениями в пользу выезда в Израиль. В результате в Советском Союзе и странах, находящихся под его влиянием, начали нарастать подогреваемые официальной пропагандой антисемитские и антиизраильские настроения. Яркими примерами этого стали Пражские процессы в Чехословакии, начавшиеся в ноябре

1952 года (правительственные чиновники — в большинстве своем евреи — были приговорены к смертной казни за то, что являлись американскими агентами), и так называемое дело врачей в СССР в январе 1953 года.

В Израиле эти события породили глубокое чувство враждебности по отношению к СССР. Граната, брошенная в чешское посольство, и нападение на советское посольство в Тель-Авиве 9 февраля 1953 года привели к тому, что СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем.

После смерти Сталина в марте 1953 года отношение советского правительства к проблеме евреев и Израилю стало несколько более позитивным. Судебный процесс над врачами был признан сфабрикованным, и заключенные были освобождены. В июле того же года после ряда неофициальных контактов было объявлено о возобновлении дипломатических отношений между СССР и Израилем. Однако египетская революция 1952 года, а впоследствии и революции в Ираке и Сирии в начале 1960-х, в результате которых к власти пришли политические силы, провозгласившие свою антиимпериалистическую и, соответственно, антиамериканскую позицию и сделавшие ставки на налаживание отношений с Советским Союзом, привели к тому, что советское руководство стало открыто поддерживать арабскую сторону в ее конфликте с Израилем.

В последующие годы советская политика оставалась неизменной и по-прежнему основывалась на заинтересованности в поддержке арабских государств. С консолидацией антиизраильских режимов и революцией в Сирии в 1966 году для СССР становилось все более очевидным, что для достижения наибольшего влияния в регионе с помощью арабских государств необходимо еще сильнее дистанцироваться от Израиля. Поэтому Советский Союз продолжал поставлять оружие Египту вплоть до Шестидневной войны и публично поддерживать арабов. После победы Израиля СССР оказал давление на израильское руководство, стремясь добиться того, чтобы израильтяне ушли с захваченных ими территорий, и во второй раз прервал дипломатические отношения с Израилем, продолжая вооружать арабские государства.

В то же время будучи крайне заинтересованным в укреплении своего присутствия на Ближнем Востоке, Советский Союз справедливо опасался, что арабо-израильский конфликт обострится и вынудит его и США к более активному участию, что теорети-

чески могло привести к открытому столкновению двух сверхдержав. В результате, несмотря на разрыв отношений с Израилем, СССР постарался добиться определенной стабилизации ситуации, оказав давление на президента Египта Г. А. Насера, призывая его признать Израиль, и провел с ним соответствующие переговоры. Кроме того, агенты советских спецслужб, посланные в Египет и Сирию, жестко контролировали применение советского оружия, чтобы не допустить прямого нападения на Израиль.

Во время Войны на истощение (1967–1970), опасаясь падения президента Египта Насера и установления в стране враждебного режима, СССР ответил на просьбу египетского руководства о помощи. Помимо поставок оружия, которое включало зенитные ракеты и самолеты МиГ-21, в Египет были отправлены военные советники, офицеры и солдаты. Тем не менее именно СССР оказал давление на Египет, заставив его принять предложение США о прекращении огня. После войны политика Советского Союза, как и в предшествующие годы, была направлена на предотвращение возможного прямого столкновения с США на Ближнем Востоке. Когда же к власти в Египте пришел А. Садат, практически сразу начавший отходить от проводившейся Насером политики арабского национализма и арабского социализма, было подписано советско-египетское соглашение о дружбе, которое включало военное и экономическое сотрудничество. Тем не менее в июле 1972 года Москва отказалась предоставить Садату оружие, которое тот планировал развернуть против Израиля, в ответ власти Египта выслали из страны тысячи советских военных советников.

Во время «войны Судного дня» СССР открыто поддерживал арабов, что включало поставки оружия в Сирию и Египет, и даже привел в боевую готовность свои вооруженные силы, заявив, что войска могут быть направлены на Ближний Восток. После войны и открытого поворота А. Садата в сторону США отношения между Египтом и СССР ослабли. Две страны продолжали поддерживать контакты, но теперь СССР переключил свое внимание на Сирию, которая стала главным советским плацдармом на Ближнем Востоке. Однако одновременно продолжались и контакты между СССР и Израилем. Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко встретился с министром иностранных дел Израиля А. Эбаном (Эвеном) в декабре 1973 года в США и передал ему послание советского правительства о том, что возобновление офи-

циальных отношений между странами зависит от диалога между Израилем и Палестиной.

В последующие годы СССР сосредоточился на развитии своих отношений с арабскими государствами по ряду проблем, в том числе на попытке найти решение вопроса о самоопределении Палестины. В связи с этим советская сторона выступала с различного рода инициативами. Особо следует отметить совместный призыв СССР и США в октябре 1976 года к прекращению конфликта, включавший признание права палестинцев на самоопределение. Израиль отреагировал на него крайне негативно, и это предложение было сразу же отвергнуто. В 1983 году СССР выдвинул брежневский план создания Палестинского государства, но палестинский ответ включал оговорки, которые по существу торпедировали это предложение. В течение 1970-х и 1980-х годов СССР укреплял свои отношения с арабскими государствами не только путем оказания военной помощи, но и путем подписания соглашений о дружбе с Египтом, Ираком и Сирией. Это было сделано в целях укрепления влияния в этих странах и своей позиции по отношению к США, что в тот период было главным фактором в определении советской политики на Ближнем Востоке.

Когда в 1985 году к власти в Советском Союзе пришел М. С. Горбачев, он взял курс на восстановление тесных отношений с Египтом, простив ради этого египетский военный долг в размере почти 2 млрд долларов [2]. М. С. Горбачев также помог Я. Арафату укрепить свои позиции среди палестинцев, стремясь позиционировать СССР как потенциального посредника между палестинцами и израильтянами. При этом в отличие от своих предшественников Горбачев также стремился развивать более позитивный диалог с Израилем и настаивал на переговорах с арабами под эгидой СССР. В то же время он улучшил отношения с Египтом и Иорданией, что, как он надеялся, побудит США выдвинуть более жесткие требования к Израилю. В результате этого давления Иордания заявила, что будет поддерживать идею международной конференции с участием СССР, а не прямые переговоры с Израилем без участия СССР, как предпочитали США и сам Израиль.

Следует подчеркнуть, что в этот период Израиль пользовался полной американской поддержкой и относительной свободой от любых советских попыток оказать влияние на него. Однако с распадом СССР, укреплением международных позиций России как его правопреемницы и особенно с приходом к власти Владимира

Путина Израиль оказался вынужден учитывать российские позиции и вытекающие из этого ограничения.

Двойственность и противоречивость в отношениях между Россией и Израилем сохраняется и сегодня, делая невозможной их однозначную оценку как «хороших» или «плохих». Чтобы убедиться в этом, остановимся несколько подробнее на основных вопросах российско-израильской «повестки дня».

Неоднозначность ситуации особенно ярко проявляется в военно-политической сфере, поскольку Россия традиционно, как было показано выше, поддерживает хорошие отношения с арабским миром, большая часть которого в той или иной степени проявляет враждебность по отношению к Израилю, являющемуся, в свою очередь, ближайшим союзником США на Ближнем Востоке. Москва и Тель-Авив занимают диаметрально противоположные позиции по иранскому вопросу, преследуют различные цели в сирийском конфликте. Тем не менее обе страны проявляют максимальную сдержанность по отношению друг к другу, стремясь оградить своих военных от случайных столкновений и иных опасных инцидентов. Для этого создана непрерывная и всеобъемлющая система координации действий между израильскими и российскими вооруженными силами на нескольких уровнях, на ее вершине находятся российские и израильские помощники начальников штабов. Обе стороны заинтересованы в том, чтобы избежать конфронтации, даже тактической, между израильскими и российскими войсками, которая может привести к эскалации напряженности между двумя странами (как это произошло в определенный момент между Россией и Турцией) и усилить нестабильность в регионе.

С точки зрения Израиля, российское присутствие в Сирии дает возможность переговоров с рационально мыслящим политическим актором, обладающим определенной властью, к которому он может обратиться в случае необходимости, и который может повлиять на любое будущее урегулирование [3]. С точки зрения России, Израиль и его военные действия оказывают прямое влияние на стабильность региона и порядок, который Россия стремится установить в Сирии при Б. Асаде или любой другой фигуре, которую она предпочтет поддерживать. В результате после нападений на сирийские военные объекты, которые были приписаны Израилю в СМИ, в российских заявлениях говорится о необходимости уважать суверенитет Сирии и избегать обслуживания тер-

рористических интересов таких организаций, как «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра». Кроме того, в этих заявлениях обычно подчеркивается необходимость продолжения военной координации. Даже когда Москва высказывает более громкую критику, прямое упоминание Израиля сопровождается предложением, которое вновь подчеркивает продолжающуюся военную координацию между Россией и Израилем [4].

Прочность такого рода взаимодействия была подтверждена 17 сентября 2018 года, когда в результате инцидента с участием израильских самолетов F-16 был сбит российский самолет-разведчик, все 15 членов экипажа которого погибли. В тот момент многие политические обозреватели предсказывали неминуемое ухудшение российско-израильских отношений [5]. Однако спад оказался кратковременным, и не случайно в сентябре 2019 г. во время очередных (уже третьих с начала года) переговоров между президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху было заявлено о «новом качестве» отношений между двумя странами — как в вопросах безопасности, так и в вопросах военного сотрудничества [6].

В случае военной активности России в регионе, который она рассматривает как сферу своего влияния, то есть на территории бывшего Советского Союза, Израиль избегает автоматически присоединяться к осуждениям, которые звучат на Западе. Об этом свидетельствуют заявления Израиля в СМИ, в которых подчеркивается понимание необходимости учета интересов России. Так, например, когда А. Шарон стал премьер-министром Израиля, он высоко оценил политику В. В. Путина в Чечне и добавил, что Израиль должен был проводить такую же политику в Ливане [7].

Несмотря на усилия США, ЕС и других стран по привлечению дополнительных стран для осуждения России и даже введения санкций в отношении нее после событий на Украине, Израиль отреагировал сдержанными и ограниченными заявлениями и воздержался от критики российской политики в условиях кризиса. Израиль придерживается этой политики, несмотря на относительно открытое давление на него со стороны западных стран. Другой пример — так называемое дело Скрипалей в марте 2018 г. После волны осуждений России со стороны многих стран Израиль выступил с заявлением, в котором осудил этот акт, не упомянув об ответственности России.

Противоречивый характер носят отношения России и Израиля в военно-технической сфере. С одной стороны, Россия с экономической и геополитической точки зрения заинтересована в продаже оружия странам, которые могут представлять прямую угрозу Израилю. Так, во время Второй ливанской войны (2006 г.) «Хезболла» использовала оружие, предоставленное Россией Сирии, в том числе ракеты «Корнет» и «Метис», которые сумели нанести повреждения новейшей модели израильского танка «Меркава». Россия, со своей стороны, крайне обеспокоена продажей Израилем военных ноу-хау и передовых вооружений странам — бывшим республикам СССР, с которыми у России сложные отношения. Ярким примером может служить в этом отношении Грузия. В 2008 году во время войны между Россией и Грузией российская сторона обвинила Израиль в поддержке Грузии поставками оружия. Россия также жаловалась на то, что израильские компании, управляемые бывшими старшими офицерами армии обороны Израиля, спланировали грузинскую стратегию и обучили грузинских военных. С тех пор Израиль прекратил продажу Грузии современных вооружений. Интересно в связи с этим отметить, что в 2012 г. сайт WikiLeaks представил документ, в котором говорилось, что Израиль согласился предоставить России коды для беспилотных систем, которые были проданы Грузии, а взамен Россия предоставит Израилю коды российской системы, проданной Ирану [8].

Израильскую сторону крайне беспокоит продолжающееся сближение России с Ираном. В первую очередь, это касается российской позиции по вопросу об иранской ядерной программе. Однако представляется, что в данном случае (как и во многих других сложных ситуациях) это не является проявлением антиизраильской позиции, а скорее свидетельствует о последовательной политике России по продвижению своих внутренних и внешних интересов. Россия вкладывает значительные силы в поиск заказчиков для своей атомной отрасли и в то же время хотела бы укрепить свой статус посредника в международных попытках взаимодействия с Ираном. Именно поэтому просьбы Израиля, обращенные к россиянам на всех уровнях в связи с вопросом иранской ядерной программы и продажей оружия Ирану и Сирии, были встречены лишь частичным пониманием, а ответом в лучшем случае была отсрочка, а не отмена российских программ.

Связано это, возможно, и с тем, что российско-израильское военно-техническое сотрудничество переживает сейчас не лучшие

времена. Россия заинтересована в приобретении передовых военных технологий у Израиля, однако возможности этого напрямую зависят от российско-американских отношений. В течение предыдущего десятилетия Израиль почти полностью прекратил оборонный экспорт в Китай после отмены сделок из-за американского давления. С тех пор Израиль взял на себя обязательство координировать экспорт вооружения с США, касается это и России. В результате израильские оборонные компании, заинтересованные в продаже своей продукции в Россию, сталкиваются с серьезными препятствиями. В 2016 году *Defense News* подсчитала, что Израиль потерял около миллиарда долларов в торговле с Россией из-за необходимости учитывать цели США (и НАТО) в контексте кризиса на Украине [9]. Значительная доля этих потерь была связана с отменой проектов с военными компонентами. Хотя Израиль не полностью прекратил военно-техническое сотрудничество с Россией, он вынужден был внести в него существенные ограничения.

Если в политической и особенно военно-политической сфере между Россией и Израилем существует множество сложных проблем, то в экономическом сотрудничестве ситуация видится значительно более благоприятной. В условиях западных санкций против России и соответствующих контрсанкций российской стороны товарооборот с Израилем постоянно увеличивается. Двусторонние связи охватывают все направления — промышленность, агропромышленный комплекс, высокие технологии. Всерьез рассматриваются перспективы создания зоны свободной торговли между Россией и Израилем.

Российские и русскоязычные израильские ученые сумели выстроить серьезный фундамент для плодотворного научного сотрудничества. Уже в 1994 году было подписано научное рамочное соглашение, а с 2005 года научное сотрудничество между странами получает поддержку, финансируемую в равных долях Российским фондом фундаментальных исследований и Министерством науки и техники Израиля. На начальном этапе программы было профинансировано 27 проектов и в общей сложности создано 67 совместных проектов в различных научных областях [3]. Совместный российско-израильский комитет проводит ежегодные заседания в целях развития экономических, торговых и деловых связей между двумя странами, включая выдвижение инициатив и идей по различным проектам и коммерческому сотрудничеству, а также для решения проблем коммерческого характера между

двумя странами. Примером такого сотрудничества является программа совместного развития технологических инноваций между ISERD (израильским инновационным органом) и «Роснано».

Как уже отмечалось, между Израилем и Россией существует плодотворное сотрудничество в области экспорта сельскохозяйственной продукции Израиля. В результате введенных против России западных санкций и падения цен на нефть, сопровождавшегося обвалом рубля, Россия, которая была основным направлением израильской сельскохозяйственной продукции (по оценкам, более трети израильского сельскохозяйственного экспорта приходится на Россию [10]), потеряла значительную часть своей покупательной способности, а целые отрасли в Израиле оказались на грани краха. Однако в результате российских контрсанкций спрос России на израильские продовольственные товары снова резко возрос.

В 2008 году было подписано соглашение о взаимной отмене потребности в туристической визе после бурного общественного обсуждения этого вопроса в Израиле. Те, кто был «за», надеялись увидеть значительное увеличение туризма (и льготы для тех, кто летит в Россию и из России для бизнеса). Те, кто выступал «против», опасались, что это откроет двери для преступных элементов, особенно тех, кто занимается торговлей людьми, которым будет легче въехать в Израиль. Результатом положительного решения стал непрерывный рост российского туризма в Израиль. Были созданы новые маршруты и подписаны дополнительные соглашения с российскими авиакомпаниями. В 2018 году по общему количеству туристов в Израиле Россия встала на вторую ступень (381 тыс. российских туристов — на 34 % больше, чем в 2016 году), опередив Францию и уступив только США. На продвижение своих курортов в России Израиль потратил за 2018 г. порядка 6 млн долларов [11].

В условиях расширяющегося использования так называемой «мягкой силы» в мировой политике не менее важной представляется близость позиций двух стран по проблемам противодействия терроризму и осуждение любых попыток оправдания фашизма. В этом плане весьма показательными были слова президента Израиля Р.Ривлина о том, что многие из переживших холокост во всем мире всегда помнят, что первый солдат, которого они встретили во время освобождения, был из Красной Армии и говорил по-русски [12]. И неслучайно в Израиле был создан мемориал

в память о советских солдатах, воевавших во Второй мировой войне, на открытии которого в 2012 году в Нетании присутствовал президент России В. В. Путин. Сам факт широкого празднования Дня Победы 9 мая в Израиле служит наглядным подтверждением совпадения позиций двух стран по крайне важному для них вопросу об исторической памяти и ответственности.

Важнейшим фактором, оказывающим постоянное влияние на характер российско-израильских отношений, является феномен так называемого «русского» Израиля [13]. Выходцы из СССР в Израиле, которых Россия считает соотечественниками, рассматриваются как представители «русского мира» и культуры и способствуют укреплению отношений между двумя странами. В 2016 г. президент Израиля Р. Ривлин в интервью РИА «Новости» подчеркнул: «Сегодня в Израиле насчитывается больше миллиона русскоговорящих граждан, в их числе министры, судьи, лидеры общественного мнения во всех сферах. Русское культурное влияние превалирует в израильских песнях, литературе, искусстве. Мы этим чрезвычайно гордимся. Результатом этих тесных связей, общей истории стало то, что Израиль и Россия остаются ключевыми друзьями и партнерами. Время от времени мы можем не соглашаться друг с другом, но налицо фундамент для долгой и прочной дружбы между нашими народами и сотрудничества между нашими странами» [14].

Таким образом, отношения между Россией и Израилем уникальны с нескольких точек зрения.

Во-первых, в отличие от советских времен, Израиль и Россия имеют прекрасные двусторонние отношения, несмотря на поддержку Россией Ирана, Сирии и даже ХАМАС. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие факты:

- товарооборот между двумя странами приближается к 3 млрд долл. в год;
- развиваются обширные научные и культурные связи, прежде всего между русским иммигрантским населением Израиля и Россией;
- ежегодно Израиль посещают сотни тысяч российских туристов;
- после проявившихся во время конфликта с Грузией в 2008 году военно-технических проблем *израильская компания Israel Aerospace Industries* заключила с Россией

делку стоимостью 400 млн долл. На передачу российским военным технологии беспилотных летательных аппаратов [15];

- Россия никоим образом не препятствует еврейской эмиграции в Израиль.

Во-вторых, подавляющее большинство российских иммигрантов ценят тот факт, что благодаря хорошим двусторонним российско-израильским отношениям они могут легко летать туда и обратно между Россией и Израилем, как по деловым соображениям, так и для того, чтобы увидеть семью и друзей, которые остались в России. Следовательно, поддержание хороших двусторонних российско-израильских отношений полезно для Б. Нетаньяху, поскольку российские иммигранты в настоящее время составляют 20 % населения Израиля и представляют собой большую часть политической базы правящей коалиции.

В-третьих, после наступления «арабской весны», которая привела исламистов к власти в Тунисе и Египте, и Израиль, и Россия разделяют общую заинтересованность в предотвращении распространения радикального ислама на Ближнем Востоке, и сотрудничество в области разведки, скорее всего, является одной из важнейших тем, обсуждаемых лидерами двух стран.

В-четвертых, *отождествление Израиля с Западом и с США создает необычную ситуацию, в которой Россия рассматривает Израиль как своего рода мост на Запад*. По словам Д. Вайнгласса, бывшего начальника аппарата премьер-министра А. Шарона, президент В. В. Путин неоднократно передавал послания американцам через израильское руководство [16]. Можно предположить, что такая практика продолжается и сегодня.

В целом следует подчеркнуть, что многое в отношениях между двумя странами становится возможным благодаря пониманию израильской стороной интересов и потребностей России в отношении ее статуса и ее стремления играть более значительную роль в международной обстановке. Уважение, проявляемое израильским правительством к президенту Путину и его правительству, отражает понимание необходимости признания России в качестве мировой сверхдержавы, которая вновь играет ведущую роль на Ближнем Востоке. Именно Россия, являясь членом международного «квартета» по ближневосточному урегулированию и имея статус наблюдателя Организации исламского сотрудничества,

способна выступать в роли посредника в отношениях между Израилем и мусульманским миром.

Источники

1. Речь А. А. Громыко в ООН (1947). Выступление постоянного представителя СССР при ООН А. А. Громыко на пленарном заседании Второй Сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 ноября 1947 г. URL: <https://guide-israel.ru/history/13095-rech-a-a-gromyko-v-oon-1947/> (дата обращения: 10.02.2019).
2. Долг Египта СССР, включая военный, — 1 млрд. 711,3 млн. руб. «Неизвестная война на Востоке». URL: <https://aif.ru/archive/1651752> (дата обращения: 17.02.2019).
3. *Aharonson M.* Relations between Israel and the USSR/Russia. URL: <https://jiss.org.il/en/aharonson-relations-israel-ussr-russia/> (дата обращения: 27.02.2019).
4. Об израильских ударах по Сирии. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3068784 (дата обращения: 15.12.2018).
5. *Barmin Y.* What next for Russian-Israeli relations? URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/russian-israeli-relations-180924164725360.html> (дата обращения: 20.02.2019).
6. Встреча с Премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61517> (дата обращения: 21.02.2019).
7. Путин и Шарон нашли общую угрозу. 4 сентября 2001 г. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1525000/1525332.stm (дата обращения: 17.02.2019).
8. WikiLeaks: Russia gave Israel Iranian system's codes. URL: <https://www.ynet-news.com/articles/0,7340,L-4196367,00.html> (дата обращения: 25.02.2019).
9. *Mehta A.* US on Track for Record Foreign Weapon Sales. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2016/12/26/us-on-track-for-record-foreign-weapon-sales/> (дата обращения: 15.02.2019).
10. Израиль готовится увеличить экспорт сельхозпродукции в Россию. URL: <https://www.old.cursorinfo.co.il/news/busines1/2014/08/17/izrail-gotovitsya-k-uvelicheniyu-eksporta-selhozprodukcii-v-rossiyu/> (дата обращения: 15.03.2019).
11. Российский турпоток в Израиль в 2018 году превысил 380 тысяч человек. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/45771.html> (дата обращения: 10.09.2019).
12. Президент Израиля Ривлин почтил в Москве память жертв холокоста. URL: <https://ria.ru/20160317/1391541941.html?in=t> (дата обращения: 21.08.2019).

13. *Фельдман Э.* «Русский» Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет ДС, 2003. 534 с.
14. Президент Израиля: у России важная роль на Ближнем Востоке. URL: <https://ria.ru/20160315/1389978715.html> (дата обращения: 22.02.2019).
15. *Хилсман П.* The Intercept (США): как спроектированные Израилем беспилотники стали глазами России для защиты Башара Асада. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190718/245485592.html> (дата обращения: 25.09.2019).
16. *Freedman R.* Israel and Russia Make Odd Couple. URL: <https://forward.com/opinion/israel/158925/israel-and-russia-make-odd-couple/> (дата обращения: 22.02.2019).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН И КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Магомадов Абдулла Ломалиевич

*(аспирант факультета политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. В рамках статьи ислам рассматривается как язык мобилизации сторонников и легитимации внешнеполитического курса. Автор анализирует использование исламского вероучения революционным режимом Ирана и монархией в Саудовской Аравии. Описан генезис и причины отказа от концепции «экспорта исламской революции» в Иране, а также идеологические основания позиционирования Саудовской Аравии как лидера мусульманского мира. Исламская республика в условиях международной изоляции взяла курс на создание альтернативного центра силы и позиционирует себя как защитник «угнетенных» с опорой на политические силы шиитского толка. Для обоснования своего лидирующего положения в мире ислама Саудовская Аравия использует более конвенциональные методы инструментами религии — эксплуатирует образ хранителя двух святынь и мусульманскую солидарность, а также свои финансовые возможности.

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, политический ислам, религия, внешняя политика.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INSTRUMENTALIZATION OF ISLAM IN FOREIGN POLICY ON THE EXAMPLE OF IRAN AND SAUDI ARABIA

Abstract. In the article, Islam is considered as a language for followers' mobilization and legitimization of the foreign policy. The author analyzes the instrumentalization of Islamic dogma by the revolutionary regime of Iran and the monarchy in Saudi Arabia. It describes the genesis and reasons for abandoning the concept of "export of the Islamic revolution" in Iran, as well as the ideological foundations of positioning Saudi Arabia as the leader of the Muslim world. The Islamic Republic, in the context of international isolation, has embarked on the creation of an alternative force and is positioning itself as a defender of the "downtrodden", based on Shiite political forces. As a rationale of its leading position in the world of Islam, the Kingdom uses more conventional methods of instrumentalism of religion — it exploits the

image of the guardian of two shrines and Muslim solidarity, as well as its financial capabilities.

Keywords: Iran, Saudi Arabia, political Islam, religion, foreign policy.

Ислам, наряду с национализмом, можно рассматривать как один из инструментов консолидации и поддержания единства общества. Мусульманская религия, как и другие вероучения, играла такую роль в средневековом обществе. С нашей точки зрения, проект построения национального государства в большинстве стран ближневосточного региона не был завершен или даже потерпел поражение. Религия продолжает занимать одно из первых мест в иерархии идентичностей жителей региона. Вопрос о том, является ли это причиной или же следствием активного использования ислама политическими элитами, требует отдельного исследования. Все политические акторы региона, включая негосударственные, радикальные организации, так или иначе используют религию в качестве политического инструмента. Многообразие ислама, наличие большого числа течений, отсутствие единого духовного центра обусловили уникальность каждого кейса инструментализации ислама. Особый интерес представляет анализ использования религии во внешней политике Ирана и Саудовской Аравии. Государства придерживаются разных течений внутри ислама — шиизма и суннизма соответственно, при этом оба претендуют на роль духовного лидера всего мусульманского мира и политическое доминирование в регионе Ближнего Востока. В названных странах разный политический режим — монархия и уникальный республиканский режим. Все перечисленное обусловило выбор именно этих стран для исследования.

Концепция «экспорта исламской революции»

Иран традиционно являлся значимым региональным актором на Ближнем Востоке. В 1962 году шах Мохаммед Реза Пехлеви заявил, что защита прав и интересов государства, а также союз и сотрудничество с Западом — это основные направления внешней политики государства [1, с. 58]. Такая политика монархии получила название «позитивный национализм» и вызвала негативную реакцию других стран региона. Отказ Ирана присоединиться к нефтяному эмбарго против Израиля в 1973 году усилил напряженность в двусторонних отношениях с арабскими странами.

В этом недружественном окружении Иран стал более активно использовать шиитский фактор. Являясь самой большой шиитской страной в мире, Иран всегда выступал центром притяжения для шиитов. Шах оказывал поддержку организации «Движение угнетенных» имама Мусы ас-Садра в Ливане и шиитской партии «Ад-Дава аль-Исламия» («Исламский призыв») в Ираке [2, с. 24].

Исламская революция в Иране 1978–79 гг. привела к коренному переустройству внутренней и внешней политики. Аятолла Хомейни рассматривал революцию как первый шаг в череде грядущих изменений. В. Наср пишет: «Хомейни желал, чтобы его воспринимали как лидера мусульманского мира. Он определял свою революцию не как шиитскую, а как исламскую и видел в Исламской Республике Иран базу для глобального исламского движения, борясь за возрождение ислама» [3, р. 137]. Хомейни видел Исламскую Республику Иран (ИРИ) «государством великого Аллаха», а иранскую нацию — образцом для остального мирового сообщества.

В новой Конституции Ирана акцентируется особое внимание на единстве Ирана со всей мусульманской уммой, а не шиитская идентичность. Официальной религией провозглашается ислам джафаритского толка¹. Однако направления внутри ислама пользуются полным уважением. Как отмечает отечественный востоковед Е. С. Мелкумян, таким образом, ИРИ становится в один ряд с другими направлениями и богословскими школами, акцентируя общность всех мусульман и возможность для Ирана занять особое место в мусульманском мире [4, с. 116].

Статья 152 основного закона перечисляет следующие принципы внешней политики: отрицание «всяческого господства над Ираном либо со стороны Ирана», полный суверенитет, территориальная целостность и защита прав всех мусульман². Кроме того, подчеркивается приверженность исламской солидарности. Выступая перед иранскими дипломатами в январе 1981 года, Хомейни сказал: «Вы должны помнить, что вы — послы исламской страны и вы превосходите любую сверхдержаву. Вы должны вести себя так, чтобы иметь возможность постепенно экспортировать нашу революцию туда, где находитесь» [5, р. 15]. Таким образом, экспорт

¹ Конституция Исламской Республики Иран. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

² Конституция Исламской Республики Иран. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

революции в тот период был направлен на весь мир, а ислам позиционировался как защитник всех угнетенных.

Согласно системе взглядов Хомейни, мир был разделен на «угнетенных», «обездоленных», которых эксплуатируют «угнетатели» ради обогащения [6, р. 170]. Хомейни призывал всех жителей планеты искать спасение от такой несправедливости в исламе. Он трактовал историю ислама как борьбу с любой формой несправедливости: конфликты Мухаммеда с язычниками и гибель имама Хусейна в Кербеле интерпретировались им как стремление избавить «угнетенных от власти сатанинских деспотов» [7, р. 48]. Аятолла считал любое государство, которое препятствует реализации шариатских принципов, «сатанинским», используя коранический термин «тагут». Все «тагутские» режимы, по мнению Хомейни, необходимо свергнуть и установить исламское правление [8, с. 118]. Сначала в мусульманских странах, а потом и во всем мире.

Однако нужно учитывать, что, когда Хомейни читал лекции своим студентам в Эн-Наджафе в 1970 году, где высказывал эти идеи, он говорил скорее о далеком будущем. До Исламской революции Хомейни разрабатывал общую концепцию идеального с точки зрения ислама государственного устройства. После революции его риторика изменилась, он стал более последователен в стремлении реализовать свой политический проект на практике. Еще в 1982 году в Тегеране была опубликована карта мира, где мировое сообщество было разделено на три блока: США и союзники; СССР и страны социалистической ориентации; «всемирная исламская республика» — мусульманские страны, включая республики СССР [9, с. 100].

Такое противопоставление двум противоборствующим блокам времен «холодной войны» и демонстрация претензий на революционное переустройство всего исламского мира под руководством Ирана могло привести даже к образованию двух министерств иностранных дел, — одно для работы с исламскими странами, а другое для взаимодействия с остальными государствами [10, с. 3].

Курс Ирана на создание нового центра силы после революции кажется закономерным. В условиях холодной войны Вашингтон не допустил бы переход Ирана на сторону СССР. С учетом того, что соседний Афганистан в целом придерживался просоветской ориентации, это создало бы сплошную линию сателлитов СССР вплоть до Персидского залива. Становление нового проамериканского правительства было невозможно из-за сильных антиамериканских и —

шире — антизападных настроений в иранском обществе. Хомейни продолжил политику шаха по использованию шиитского фактора в политике, придал ей системность и революционную идеологию. Можно согласиться с Р.Рамазани, который указывал, что политика экспорта исламской революции основана на стремлении сформировать безопасную среду для постреволюционной страны, а не только на «установление окончательного исламского порядка, когда состоится приход Махди» [11, р.24–25]. Любопытны выводы Ш.Хантер, которая, рассматривая географическое положение Ирана, отмечает, что Персидский залив является «окном» в мир, а замкнутая ирано-шиитская политическая культура отделяет Иран от соседей [12, р. 4, 7]. Это обусловило экспансионизм во внешней политике и стремление повысить свою роль в регионе. Беря на себя роль защитника угнетенных, Иран повышал свой статус и в мире в целом. Уже в январе 1982 г. иранское руководство заявляло: «Мы чувствуем, что мы духовная сверхдержава» [цит. по: 12, р.42].

Реальные шаги по экспорту исламской революции начались сразу после установление новой власти. В 1979 г. был создан ряд инструментов: институт спецпредставителей имама Хомейни в мусульманских странах и Бюро по связям с освободительными движениями, которые установили контакты с шиитскими общинами мира. В 1982 году был принят закон «О защите всемирных исламских освободительных движений» [13, с. 167]. Позже бюро будет заменено другой структурой — Международной организацией по проведению пятничных намазов. В 1983–1984 гг. в Тегеране проводились конгрессы под эгидой этой организации, на которых собирались делегаты из стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Китая и Японии [14, с. 83].

Неудачный ход ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) показал, что прямые военные действия не смогли экспортировать исламскую революцию даже туда, где шииты составляют значительное число населения. Хомейни был вынужден отказаться от использования военной силы. К концу своего правления он заявил, что впредь ИРИ будет экспортировать только исламскую культурную революцию и отказывается от экспорта просто исламской революции или от прямых методов агрессии. В.Ушаков отмечает, что это лишь риторика, призванная скрыть продолжение курса на экспорт революции [15, с. 73].

Сегодня Иран отошел от политики глобального экспорта исламской революции. Бахрейн, Йемен, Ливан, Сирия, Ирак, Аф-

ганистан, Восточная провинция Саудовской Аравии — во всех этих местах ИРИ пытается увеличить свое влияние, опираясь на шиитские политические силы. «Хезболла» — идеальный пример такого инструмента расширения влияния. Возникнув в рамках этноконфессионального и политического контекста Ливана, партия стала одним из самых эффективных проводников интересов ИРИ в регионе. В случае Ирака инвестиции Исламской республики распределены между несколькими политическими проектами.

Роль ислама во внешней политике Саудовской Аравии

Современное Королевство Саудовская Аравия (КСА) было создано представителем семейства Ас-Сауд Абдул Азизом ибн Саудом (1884–1953), который путем вооруженной экспансии объединил все регионы Аравийского полуострова. Для легитимации своей власти дом Ас-Саудов использовал учение Мухаммеда ибн Абдель аль-Ваххаба. Династия Ас-Сауд поддерживает союзнические отношения с аль-Ваххабом, а после него с его потомками со второй половины XVIII века. Жесткое противоречие доктрины Абдель аль-Ваххаба с любой формой многобожия умело использовалось при конструировании системы лояльности вокруг правителя. Ваххабитская интерпретация религиозной догмы позволяла достигать единомыслия и искоренять региональный сепаратизм в пределах территории, контролируемой семейством Ас-Сауд.

Обосновывая собственные притязания на господствующую роль в пределах Неджда, Абдель Азиз ибн Сауд заявлял, что является представителем знатного рода правителей и опирается на «арабскую честь» [16, с. 8]. В данном случае арабскую самоидентификацию монарха следует трактовать как указание на принадлежность к бедуинскому обществу Неджда.

Опора на «арабскую честь» и политический ислам в форме ваххабитского учения составили два полюса легитимации власти династии внутри страны. То же самое можно сказать и о внешнеполитическом позиционировании молодого саудовского государства. Основатель королевства характеризовал государство как «ведущее в окружающем его мировом пространстве», «поборника ислама», «защитника независимости арабов» [17, с. 59]. Перед первым королем стоял целый комплекс сложных проблем: формирование политических институтов, подавление внутренней оппо-

зиции, территориальное расширение, развитие экономики, налаживание контактов с мировым сообществом, которое не ограничивается мусульманскими странами. Поэтому, с одной стороны, «истинность» ваххабитской интерпретации ислама использовалась для обоснования территориальных претензий к хашимитскому Ираку и Трансиордании, княжествам Персидского залива, а также Йемену. С другой стороны, Абдель Азиз ибн Сауд был заинтересован в использовании идей арабо-мусульманского единства для формирования вокруг себя дружественных государств.

Отечественные исследователи, говоря о роли ислама во время правления первого короля, отмечают: «Ригористский ислам превращался в орудие создания жестко выстроенной вертикали власти, центральным звеном которой выступал король, поддерживаемый преданными ему религиозными деятелями. И он же становился орудием внешней политики, естественно сконцентрированной только на том региональном пространстве, где важнейшее средство ее легитимации могло бы стать наиболее приемлемым и эффективным инструментом действия» [17, с. 12]. Как отмечает один из саудовских дипломатов, сформулированные в эпоху Абдель Азиза ибн Сауда принципы до сих пор актуальны: «внешняя политика следует намеченным основателем государства очертаниям и руководствуется провозглашенными им принципами» [18, с. 56–57]. Преимущество внешнеполитического курса весьма значима в политической науке королевства и постоянно подчеркивается. Как указывают эксперты, все аналитические исследования саудовских ученых, посвященные оценке внешней политики страны, подчеркивают, что она «руководствуется идейными нормами ислама и содействует их повсеместному распространению и защите, опираясь на мирные и отвечающие духу современной эпохи методы» [18, с. 56].

Король Фейсал, взойшедший на престол в 1964 году, в своей внешней политике сначала руководствовался теми же принципами, что и его отец. Однако со временем он был вынужден адаптировать исходные постулаты основателя королевства к изменяющемуся геополитическому контексту региона. Страны Аравийского полуострова региона получили независимость и должны были выстраивать отношения не только с мировым сообществом, но и между собой. Первоначально саудовская внешняя политика исходила из двух основополагающих установок. Во-первых, постулировалась преимущество идей арабской солидарности, ко-

торая понималась как сотрудничество во имя общих интересов вне зависимости от формы правления государств. Во-вторых, подчеркивалась взаимосвязь между единством арабской нации и исламом. Этот пункт не предполагал создание трансграничного объединения арабо-мусульманских стран. Одним из инструментов внешней политики Саудовской Аравии должна была стать Лига Арабских Государств (ЛАГ). В 1943 году Королевство было одним из инициаторов ее создания.

Однако в начале 1950-х годов стало очевидно, что идея арабского единства была перехвачена арабскими националистами. Рост популярности идей арабского национализма был естественной реакцией на появление государства Израиль и поражение арабских стран в Войне за независимость 1948–49 гг., а также ускоряющую модернизацию ближневосточных обществ. Египет при президенте Г. Насере, как и партии арабского социалистического возрождения «Баас» в Сирии и Ираке, претендовали на звание выразителя интересов всей арабской нации. Они соперничали между собой за влияние над другими арабскими государствами региона и арабскими националистическими движениями. Кроме того, они противопоставляли себя и «реакционным», «консервативным» государствам Ближнего Востока — прежде всего монархиям Персидского залива. С точки зрения националистов, саудовская установка о «взаимосвязи арабизма и ислама» была обращена в прошлое и тормозила прогресс. Современный саудовский ученый, говоря о том периоде, отмечает: «Проводившийся в то время арабскими „борниками прогресса“ курс негативно воздействовал на межарабские отношения. Его результатом становились идеологическое размежевание и холодная война между двумя группами арабских государств. Если одна из них была представлена „религиозными консерваторами“, то вторая — „радикальными националистами“» [18, с. 184–185]. В рамках этой «холодной войны», которая много раз была в шаге от того, чтобы перерасти в открытый вооруженный конфликт, Королевство было вынуждено более активно использовать исламскую риторику.

В декабре 1962 года была создана Лига исламского мира со штаб-квартирой в Мекке. В целом это была шариатская юридическая ассоциация, однако в ее распоряжении были большие финансовые ресурсы. Целью организации были объявлены распространение исламского призыва и защита интересов мусульман. Лига занималась переводом и распространением Корана и комментариев

к нему. Были созданы два региональных отделения: азиатско-тихоокеанское в Джакарте и европейское в Брюсселе, также действовали локальные советы на территории США. При организации работал Фонд поддержки мечетей с бюджетом 20 млн саудовских риалов, целиком финансируемый правительством Королевства. Кроме того, 90 % бюджета Лиги составляли средства правительства Саудовской Аравии, остальные 10 % — «пожертвования граждан королевства» [19, с. 53–54]. В сентябре 1969 г. по инициативе Саудовской Аравии произошла встреча глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате. Так появилась новая международная структура — Организация «Исламская конференция» (ОИК), штаб-квартира которой находится в Джидде, а Саудовская Аравия является одним из самых крупных спонсоров организации.

В самом начале 1980-х годов дипломат, а в будущем заместитель министра иностранных дела Саудовской Аравии Н. У. Мадани опубликовал статью, в которой изложено видение Королевством своего места на мировой арене в 70-е и 80-е годы. Основные положения можно выразить в следующих тезисах [20, с. 67–72].

1. Представление о КСА как о части арабской и исламской нации — основа внешней политики.
2. Укрепление мусульманской солидарности — обязанность КСА как родины ислама.
3. КСА стоит на защите общеарабских интересов, прежде всего в ближневосточном конфликте.
4. Внешняя политика имеет морально-этические основы, восходящие к исламу и мусульманской истории.
5. КСА, опираясь на эти этические постулаты, выступает за мир, нераспространение оружия массового поражения и справедливые отношения между государствами во всех сферах.
6. Саудовская Аравия не рассматривает силу как инструмент внешней политики, но готово защищать свои интересы с помощью оружия.
7. Саудовская Аравия в своей внешней политике руководствуется собственными интересами и не следует в фарватере какой-либо страны.
8. Целью страны является защита независимости арабо-мусульманских стран от каких-либо посягательств со стороны СССР или США.

9. КСА уважает международные соглашения, конвенции и двусторонние договора.
10. КСА рассматривает членство в международных организациях (ООН, ЛАГ, ОИК и Движении неприсоединения) как инструмент для противодействия иностранному вмешательству во внутренние дела государств третьего мира.

Серьезные изменения на внешнеполитической арене в 1980-е и 1990-е годы корректировали внешнюю политику Королевства, но ее основополагающие принципы, описанные Н. У. Мадани, не претерпели изменений. Внешняя политика КСА имеет многовекторный характер. Королевство само репрезентует себя как страну, которая руководствуется интересами «исламской нации» в своей внешней политике. Не отрицая своей принадлежности к арабскому миру, Саудовская Аравия претендует на роль выразителя интересов мусульман в мировом масштабе. Для поддержания заявленного статуса эр-Рияд стал инициировать создание международных организаций, активно участвуя и в деятельности уже существующих, таких как ОИК, Организация стран — экспортеров нефти (англ. *The Organization of the Petroleum Exporting Countries*, ОПЕК — ОПЕК), ООН, Всемирная торговая организация и других.

Элита Саудовской Аравии опирается на религиозную легитимацию своей власти. Именно ваххабитская идеология объединила независимые регионы Аравийского полуострова вокруг королевской семьи. Верность монархии, приверженность ханбалитскому мазхабу и богословам из семейства Аш-Шейх — основа идентичности Королевства [21, с. 359–376]. Саудовская Аравия имеет полную совокупность средств, чтобы быть центром притяжения для всех салафитов. Учитывая его финансовые возможности, Королевство может создать целую сеть агентов влияния в регионе, состоящую из салафитских групп во всем мусульманском регионе.

Выводы

Оба государства используют ислам как часть своей внешнеполитической доктрины. При этом Саудовская Аравия использует религию как конвенциональный инструмент увеличения своего влияния на международной арене, прежде всего опираясь на образ хранителя двух святынь и риторику исламской солидарности, например, на международных площадках международного или регионального уровней. После Исламской революции Иран находится

в частичной международной изоляции и во враждебном региональном окружении. Это обусловило его курс на использование ислама как языка создания и описания нового альтернативного центра силы. Исламская Республика позиционировала себя как защитника «угнетенных», представила уникальную модель «справедливого» исламского режима правления.

Источники

1. *Лукоянов А. К.* Иран как региональная держава // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 4 (42), июль-август: Иран и его политики. С. 57–69.
2. *Курашков В. Ю.* Шиитский фактор во внешней политике Ирана // Мировая политика и международные отношения. 2012. № 11. С. 24–32.
3. *Nasr V.* The Shia Revival. How Conflicts within Islam Will Shape the Future. New York, London: W. W. Norton, 2007. 320 p.
4. *Мелкумян Е. С.* Регион Персидского залива: влияние ислама на взаимоотношения региональных государств // Иран и исламские страны / под ред. Н. М. Мамедовой, А. Эбрахими Торкамана. М.: Пробел-2000, 2009. С. 115–131.
5. Selected messages and Speeches of Imam Khomeini. Tehran: Handami Foundation Publishers, 1981. 94 p.
6. *Brown C.* Religion and State. The Muslim Approach to Politic. New York: Columbia University Press, 2000. 256 p.
7. *Abrahamian E.* Khomeinism: Essays on the Islamic Republic. Berkeley: University of California Press, 1993. 188 p.
8. *Хомейни Р. М.* Исламское правление. Алматы: Атамұра, 1993. 214 с.
9. *Левин. З. И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988. 221 с.
10. *Ушаков В. А.* Иран и мусульманский мир. 1979–1998 гг. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 1999. 214 с.
11. *Ramazani R.* Revolutionary Iran: Challenge and Response in the Middle East. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986. 255 p.
12. *Hunter S.* Iran and the World Continuity Revolutionary Decade. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 532 p.
13. *Имаков Т. З. Семедов С. А.* Хомейнизм — идеология политического ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №4. С. 162–170.
14. *Ланда Р. Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т изуч. Ближнего Востока, 2005. 286 с.
15. *Ушаков В. Я.* Внешняя политика Ирана и эволюция понятия «экспорт исламской революции» в 90-е годы // Иран: Эволюция исламского правления / под ред. Н. М. Мамедовой. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 1998. С. 67–91.

16. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия: внутривластные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.). М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2007. 360 с.
17. *Ас-Суэйг А. Х.* Ислам в саудовской внешней политике (Аль-Ислам фи ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя). Эр-Рияд, 1992. 213 с.
18. *Аль-Али Х. И.* Принципы и цели саудовской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество (Мабадия ва ах-даф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя. Аль-Мустава аль-халиджий, аль-ислабий, ад-дуввалий) // Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет (Ас-Сияса аль-хариджийя ли-ль Мамляка Аль-Арабийя Ас Саудийя фи миат амм). Эр-Рияд, 2002. 256 с.
19. *Ад-дарювейш А. Ю. А.* Королевство Саудовская Аравия и деятельность в сфере помощи (факты и цифры) (Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ва аль-амаль аль-игасий (хакаиик ва аркам) Эр-Рияд, 1999. 184 с.
20. *Мадани Н. У.* Основополагающие принципы Королевства Саудовская Аравия (Аль-Муртаказат аль-асасийя ли сиясат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя) // Ад-Дипломасий. 1981. № 1.
21. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия: государство и конструирование «национальной» идентичности // Культурная сложность современных наций / под ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 359–376.

СОВЕТСКОЕ ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ В АФГАНИСТАНЕ В 1980-Е ГОДЫ: ДИНАМИКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Рабуш Таисия Владимировна

(кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

Аннотация. В статье рассмотрены основные причины, обусловившие военное присутствие Советского Союза в Афганистане на протяжении 1980-х годов. Анализируется спектр интересов, побудивших СССР не только ввести войска, но и осуществлять свое военное, экономическое, дипломатическое и иное присутствие в Афганистане в течение десятилетия. Также оценивается, как на протяжении 1980-х годов менялось соотношение причин советского военного присутствия в Афганистане и какую роль на каждом этапе играли именно стратегические интересы СССР. В заключение автор приходит к выводу, что к концу 1980-х годов значимость государственных стратегических интересов в Афганистане в глазах советского руководства стала отходить на задний план, что было одним из факторов и вывода войск, и дальнейшего дистанцирования СССР и впоследствии России от внутриафганских событий.

Ключевые слова: афганская война, СССР в Афганистане, внешняя политика СССР в 1980-е годы, геополитические интересы СССР, афганский вооруженный конфликт.

SOVIET MILITARY PRESENCE IN AFGHANISTAN IN THE 1980S: DYNAMICS OF STRATEGIC INTERESTS

Abstract. The article will discuss the main interests that determine the military presence of the Soviet Union in Afghanistan during the 1980s. At first, the author will briefly review the whole range of reasons and interests that prompted the USSR not only to send troops, but also to carry out its military, economic, diplomatic and other presence in Afghanistan for a decade. Also, the author will consider how during the 1980s the ratio of the causes of the Soviet military presence in Afghanistan changed, and what role at each stage was played by the strategic interests of the USSR. The author concludes that by the end of the 1980s in the eyes of the Soviet leadership, the importance of state strategic interests in Afghanistan began to recede into the "background", which was one of the factors of the withdrawal of troops and the further distancing of the USSR and Russia from Afghan events.

Keywords: Afghan war, USSR in Afghanistan, Soviet foreign policy in the 1980s, geopolitical interests, Afghan armed conflict.

Известно, что пребывание советских войск в Демократической Республике Афганистан (ДРА) длилось почти девять лет и было более долгим, чем участие СССР во Второй мировой войне. Первые предложения о политическом урегулировании афганской ситуации были выдвинуты правительством Афганистана еще в 1980 г., тем не менее пребывание СССР в этой стране растянулось практически на десятилетие. Каковы же были мотивы осуществления Советским Союзом в Афганистане своего политического, военного, дипломатического и иного присутствия? Об этом и пойдет речь в настоящей статье.

Афганистан был одним из первых государств в мире, с которыми Советская Россия установила дипломатические отношения [1, с.15]. И далее на протяжении десятилетий советско-афганские отношения традиционно были дружественными и теплыми, более того, руководство СССР считало важным иметь и сохранять в лице Афганистана стратегического союзника на Среднем Востоке [2].

В настоящее время сложилась уже весьма обширная историография, посвященная вопросу причин ввода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан [3–6], и указанные нами источники, безусловно, далеко не полный список. Один из лучших аналитических обзоров причин, побудивших СССР позволить вовлечь себя в афганский внутренний конфликт и пребывать в ДРА на протяжении почти десятилетия, дан в работе швейцарских исследователей «Афганский капкан. Правда о советском вторжении» [7]. Данная работа, несмотря на свой 20-летний возраст, и по сей день сохраняет актуальность в вопросе исследования причин, побудивших Советский Союз ввести войска в Афганистан и осуществлять там военное присутствие. Причины, выделенные автором статьи на основании изученных им многочисленных научных работ (как отечественных, так и зарубежных) и документов, следующие.

1. Угроза существованию социалистического просоветского режима в Афганистане, которую создавало внешнее вмешательство в изначально внутренний афганский военный конфликт ряда государств, в особенности Пакистана, Саудовской Аравии и США. Падение социалистического режима в одной из стран третьего мира (да еще и имеющей общую границу с СССР) могло бы продемонстрировать мировой общественности, что социализм не всегда «идет

в одном направлении» и что СССР не является самым надежным союзником для развивающихся стран (что отмечали в своих донесениях в госдепартамент в том числе и дипломатические представители США в Афганистане) [8, с. 105]. Для Советского Союза это означало бы своего рода геополитическое и идеологическое поражение. Эту причину можно отнести к разряду идеологически обусловленных. Фраза «Мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан» [9], прозвучавшая в марте 1979 г. из уст министра иностранных дел А. А. Громыко, — хорошая иллюстрация наличия в кругах политического руководства СССР такого рода опасений.

2. Желание воспрепятствовать проникновению всходов так называемого исламского радикализма в советские среднеазиатские республики — как показали события 1990-х годов, опасения советского руководства касательно возможного осуществления такого сценария были не напрасны.
3. Опасения, что ситуацией в Афганистане воспользуются США и осуществят там (прямо или косвенно) вмешательство в политическое развитие страны (это отражено, например, в мемуарах советских политиков и военных, принимавших непосредственное участие в афганских событиях 1980-х годов [10, с. 130]).
4. Желание воспрепятствовать потоку афганских наркотических веществ в советские среднеазиатские республики и уже через их территорию — в прочие части СССР. Но, по мнению автора данной статьи, эту причину, хотя она и указывается в работах некоторых исследователей, вряд ли можно назвать существенно обоснованной: так, в настоящее время известно, что хотя наркотические вещества и производились в Афганистане накануне ввода туда советских войск и на протяжении их пребывания в стране, но в незначительном количестве, а значительный рост производства таких веществ и их прекурсоров начался только после вывода ОКСВ из Афганистана [11, с. 6–9].
5. Геополитические и стратегические интересы СССР, обуславливающие и осуществление «физического» присутствия в Афганистане, и сохранение там дружественного

режима. Конечно, версии о «проникновении СССР к теплым морям», имеющие активное хождение в зарубежном политологическом дискурсе 1980-х годов, вряд ли можно назвать в полной мере обоснованными. Тем не менее Афганистан как пресловутое «мягкое подбрюшье» Советского Союза имел для его внешней политики в Центральной Азии в целом и на всем Большом Ближнем Востоке в частности неопределимое значение. Собственно, анализу этой последней причины (наличия стратегических и геополитических интересов СССР в Афганистане и их использования как обоснования сохранения советского военного присутствия в Афганистане на протяжении почти десятилетия) и посвящена настоящая статья.

Нам представляется, что во многом причины, обуславливающие длительное советское военное присутствие в ДРА, были сходны с теми, которые изначально побудили СССР ввести ОКСВ в Афганистан. Очевидно, что на протяжении такого периода времени их соотношение и значимость могли трансформироваться.

По мнению автора, все пребывание СССР в Афганистане с точки зрения его меняющихся интересов в этом государстве можно разделить на три этапа. Отметим, что в отечественной историографии давно существует периодизация пребывания ОКСВ в Афганистане, но она базируется на датах боевых действий и операций, проводимых в этой стране силами ОКСВ и афганской армии. Впервые эта периодизация была предложена авторами коллективной монографии «Война в Афганистане» [12], вышедшей в свет практически сразу после вывода советских войск из Афганистана, и с тех пор она остается общепризнанной. Автором данной статьи будет предложена другая периодизация, связанная именно с трансформацией целей и задач пребывания СССР в Афганистане, а также обуславливающих их интересов.

Первый этап советского военного присутствия в Афганистане начался вводом в Афганистан ОКСВ и завершился со смертью Л.И. Брежнева в конце 1982 г. Известно, что, осуществляя ввод ОКСВ в Афганистан, СССР в качестве официальной причины этого шага называл «вмешательство извне», приведшее к гражданской войне, и ссылался на статью 51 Устава ООН, советско-афганский договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, заключенный в декабре 1978 г., а также на просьбы афганского руководства [13,

с.6–8]. Также отметим, что именно в 1980–1981 гг. Советскому Союзу была оказана максимальная (в сравнении со следующими годами) поддержка во вводе ОКСВ в Афганистан со стороны его союзников по Организации Варшавского договора (ОВД) и среди государств третьего мира из числа некоторых стран так называемой «социалистической ориентации» (Анголы, Сирии, Йемена, Эфиопии, Кубы и др.); выразалось это прежде всего в дипломатических заявлениях и выступлениях глав государств и правительств (что можно увидеть, проанализировав, например, сборник советских внешнеполитических документов «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения» за 1980–1984 гг.) [13–17]. Кроме того, еще сохраняла свою силу «доктрина Брежнева» (отметим, что о ней много писали зарубежные исследователи, но она никогда не была официально задокументирована советским военным и политическим руководством — в отличие, например, от стратегических доктрин США). Как за рубежом видели «доктрину Брежнева», хорошо иллюстрирует цитата из выступления президента США Р.Рейгана на ежегодном обеде Консервативного комитета политического действия 1 марта 1985 г.: «Попытка Советов оправдать свою тиранию выражена в печально известной доктрине Брежнева, которая подразумевает, что если страна попала во мрак коммунизма, ей уже никогда не будет позволено увидеть свет свободы. Мне кажется, что история уже начала отвергать эту доктрину... Это происходит почти на всех обитаемых континентах в горах Афганистана, в Кампучии, в Центральной Америке» [18, с.254–255]. Согласно этой доктрине, СССР оставлял за собой возможность использования военной силы в случае угрозы его политическим или военным интересам в странах, входящих в ОВД, или странах, не являющихся членами ОВД, но входящими в «орбиту влияния» Советского Союза в третьем мире.

В целом на этом этапе органично переплетаются идеологические и стратегические советские интересы и причины военного присутствия СССР в Афганистане, причем идеологические интересы еще достаточно сильны — по инерции, унаследованной от предыдущих десятилетий межблокового противостояния в холодной войне.

Второй этап советского военного присутствия в Афганистане связан с недолгим периодом пребывания на посту генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. Именно на это время пришлось начало не прямых афгано-пакистанских переговоров,

приведших впоследствии к заключению Женевских соглашений в апреле 1988 г., урегулировавших афганский вооруженный конфликт (к сожалению, только на бумаге). В целом Ю.В. Андропов подходил к афганскому вооруженному конфликту более прагматично, чем его предшественник, тем не менее в этот период советские войска из Афганистана выведены не были. Идеологические мотивы во внешней политике СССР на этом этапе несколько отходят на задний план — причем не только в Афганистане, но и в других регионах третьего мира.

Формат статьи не позволяет более подробно раскрыть эту тему и проиллюстрировать ее многочисленными ссылками, однако к этому выводу автор пришел после анализа и многочисленных работ отечественных исследователей (отечественных потому, что так лучше видна проблема «изнутри»), и доступных советских документов. Действительно, в андроповский период, несмотря на продолжающийся второй виток холодной войны и ужесточение даже в сравнении с недавним прошлым антизападной пропагандистской риторики, внешняя политика СССР становится менее идеологизированной и более прагматичной [19], то есть данный период в сфере советской внешней политики стал своего рода переходом (хотя и мало заметным глазу наблюдателей) от внешней политики Л.И. Брежнева и его предшественников к новой внешнеполитической линии М.С. Горбачева. В целом, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что на этом этапе идеологические советские интересы в Афганистане как бы «тускнеют», а вот стратегические еще остаются актуальными. Наиболее подробно эволюцию советских внешнеполитических интересов в этот период раскрывает советский дипломат О.А. Гриневский в своей работе мемуарного характера «Перелом. От Брежнева к Горбачеву» [19], к которой автор рекомендовал бы обратиться желающим более детально ознакомиться с этим вопросом.

Период нахождения в должности генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, по мнению автора, нельзя в полной мере отнести ни ко второму, ни к третьему этапу, так как внешняя (да и внутренняя) политика периода пребывания у власти Черненко была достаточно инертной и не содержала каких-либо существенных новшеств.

И наконец, *третий этап* советского военного пребывания в Афганистане, который охватывает практически всю вторую половину 1980-х годов (вплоть до вывода ОКСВ в феврале 1989 г.),

связан с личностью М. С. Горбачева и его избранием на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Вскоре после своего назначения на этот пост Горбачев начал осуществлять новую линию во внешней политике СССР, которая позже получила название «политика нового мышления». Как известно, эта политическая линия предполагала развитие и улучшение отношений СССР с США и странами Западной Европы, и одним из крупных препятствий на этом пути были локальные вооруженные конфликты, в которые был вовлечен Союз [20]. Поэтому во второй половине 1980-х годов СССР взял курс на политическое урегулирование существующих локальных вооруженных конфликтов и выход из них Советского Союза как участника (последнее, увы, в ряде случаев представлялось для команды нового генерального секретаря даже более важным, чем собственно политическое урегулирование, что иногда приводило к трагическим последствиям — и Афганистан и неработающие Женевские соглашения яркий тому пример). В этот период времени основные усилия Советского Союза в Афганистане были направлены на то, чтобы вывести ОКСВ из этой страны и добиться дипломатического решения афганского вопроса. Советские интересы в Афганистане — и стратегические в том числе — во второй половине 1980-х годов отходят на задний план, что с каждым годом становилось все заметнее. Это стало одним из факторов не только вывода войск, но и дальнейшего дистанцирования СССР и впоследствии уже России от внутриафганских событий (что окончательно произошло спустя несколько лет после вывода ОКСВ).

Подводя итоги, можно отметить, что стратегические интересы СССР в Афганистане были лишь «одними из» списка прочих причин, факторов и интересов, побудивших СССР и ввести войска в Афганистан, и осуществлять в этой стране свое длительное военное присутствие. Тем не менее стратегические интересы, хотя и находились в ряду прочих причин, занимали отнюдь не последнее место. Весь период пребывания ОКСВ в Афганистане можно поделить на три этапа, на протяжении которых прослеживается эволюция интересов, обуславливающих советское военное присутствие в Афганистане, и место в ряду этих интересов именно стратегических. Общий вывод: на первом и втором этапе советские стратегические интересы были достаточно значимыми в контексте сохранения советского военного присутствия, но на третьем этапе — во второй половине 1980-х годов — стратегические интересы СССР в Афганистане уходят на задний план,

что в итоге приводит к политическому дистанцированию СССР, а затем России от Афганистана.

Источники

1. Советско-афганские отношения. 1919–1969 гг. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. 439 с.
2. *Теплинский Л. Б.* История советско-афганских отношений, 1919–1987. М.: Мысль, 1988. 386 с.
3. *Васильев А. М.* Афган: незаживающие раны России // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 6. С. 58–65.
4. *Жемчугов А. А.* Кому мы обязаны Афганом. М.: Вече, 2012. 364 с.
5. *Мелкумян Е. С.* Ввод советских войск в Афганистан: причины и последствия // *Вестник РУДН. Серия Международные отношения*. 2008. № 1. С. 55–67.
6. *Шило Н. И.* Афганистан 30 лет спустя: последствия ввода советских войск в ДРА для страны и региона // *Вестник МГИМО*. 2010. № 2. С. 153–161.
7. *Алан П., Клей Д.* Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
8. Спецбюллетень Института востоковедения Академии Наук СССР, № 5 (244). Секретная переписка внешнеполитических ведомств США по Афганистану / под ред. Ю. В. Ганковского. М.: Наука, 1986. 176 с.
9. Архив национальной безопасности США. Заседание Политбюро ЦК КПСС «Об обострении обстановки в Демократической Республике Афганистан и наших возможных мерах». URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2017,%201979.pdf (дата обращения: 18.04.2020 г.).
10. *Широнин В.* КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997. 288 с.
11. *Князев А. А.* К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2003. 70 с.
12. *Война в Афганистане* / под ред. Н. И. Пикова, Ю. Л. Тегина. М.: Воениздат, 1991. 366 с.
13. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1980 год: Сборник документов* / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1981. 288 с.
14. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1981 год: Сборник документов* / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1982. 240 с.
15. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1982 год: Сборник документов* / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1983. 240 с.

16. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983 год: Сборник документов / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1984. 320 с.
17. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1984 год: Сборник документов / сост. И. А. Кириллин, Н. Ф. Потапова. М.: Международные отношения, 1985. 280 с.
18. *Рейган Р.* Выступление на ежегодной конференции консервативного комитета политического действия, Вашингтон, округ Колумбия, 1 марта 1985 г. // Откровенно говоря: избранные речи. М.: Новости, 1990. С. 249–257.
19. *Гриневский О. А.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М.: Олма-Пресс Образование, 2004. 624 с.
20. *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачева. 1985–1991 гг. СПб.: Алетейя, 2015. 502 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Сафонова Ольга Диомидовна

*(кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Под гуманитарной сферой в статье понимаются следующие социальные сферы: культура, образование, наука, туризм, молодежная политика, интернет, СМИ, миграция и т. д. Разумеется, все эти сложные комплексные проблемы требуют отдельного внимания, но автор предпринимает попытку вкратце и в некоторой динамике последнего десятилетия рассмотреть основные тенденции и направления сотрудничества России и некоторых стран Ближнего Востока в нескольких сферах. Безусловно, сотрудничество Российской Федерации с зарубежными странами в указанных сферах способствует формированию благоприятного климата для реализации внешнеполитических целей и задач нашего государства. Наиболее часто встречающимся словом, описывающим сотрудничество России и стран Ближнего Востока в международной гуманитарной сфере, является активизация, что демонстрирует явное намерение усилить взаимодействие, даже если оно по объективным причинам было ранее ослаблено.

Ключевые слова: гуманитарная сфера, Россия, сотрудничество, страны Ближнего Востока.

THE MAIN AREAS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE MIDDLE EAST IN THE INTERNATIONAL HUMANITARIAN SPHERE

Abstract. The humanitarian sphere in the article refers to the following social spheres: culture, education, science, tourism, youth policy, the Internet, mass media, migration, etc. Obviously, all these complex problems require special attention, but the author makes an attempt to briefly and in some dynamics of the last decade consider the main trends and directions of cooperation between Russia and some countries of the Middle East in several areas. Cooperation between the Russian Federation and foreign countries in these areas contributes to the creation of a favorable climate for the implementation of the foreign policy goals and objectives of our state. The most common word describing cooperation between Russia and the Middle East in the international humanitarian sphere is activation, which demonstrates

a clear intention to strengthen cooperation, even if it was previously weakened for objective reasons.

Keywords: humanitarian sphere, Russia, cooperation, countries of the Middle East.

2010 год по инициативе ООН и ЮНЕСКО стал Международным годом сближения культур. В России в этом же году были опубликованы «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [1]. Документ был принят в развитие положений Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом России 12 июля 2008 г., и для настоящей статьи имеет фундаментальное значение. Какие же страны были выделены в качестве приоритетных в «Основных направлениях...», каким регионам и какая роль отводится в указанной политике?

В документе определяются содержание, принципы и основные направления деятельности России в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества в различных социально-политических сферах. Сотрудничество (согласно документу) включает связи в области культуры и искусства, науки и образования, средств массовой информации, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма [1]. Позиции и авторитет российского государства в мире определяются не только его военно-политическим весом и экономическими ресурсами, поэтому в реализации внешнеполитической стратегии России культуре принадлежит особая роль.

Если говорить о региональных приоритетах 2010 г., описанных в «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», то в отношении стран Ближнего Востока необходимо стремиться к стабилизации и углублению достигнутого уровня сотрудничества и культурного присутствия России с учетом взаимных интересов и материально-финансовых возможностей [1]. По мнению руководства страны и специалистов, готовивших документ, особого внимания требовала **активизация связей** с такими ближневосточными странами, как Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Ливан, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Сирия, а также с Палестинской национальной автономией, Ираном, Афганистаном. И если по поводу сотруд-

ничества в разных сферах, например, с Сирией, россияне получают в последнее время много информации и новостей, то про остальные страны Ближнего Востока новостей в неспециализированных СМИ явно недостаточно.

Что же мы имеем в качестве примеров **активизации** взаимоотношений? Источниками могут служить официальные данные, новости СМИ. К сожалению, подробно описать состояние взаимоотношений со всеми упомянутыми в документе государствами возможности нет. Остановимся хотя бы на некоторых событиях последних лет, происходивших в государствах, входящих в сферу интересов России на Ближнем Востоке, и получивших освещение в неспециализированных СМИ. Несомненно, заслуживают упоминания те государства, чьи представители приняли участие в международной конференции «Страны Большого Ближнего Востока во внешнеполитической стратегии России», состоявшейся 26–27 марта 2019 г. на факультете политологии СПбГУ (будут указаны в алфавитном порядке).

Алжир. Активизация политических контактов официальных лиц наших стран началась в конце 1990-х годов и в апреле 2001 г. ознаменовалась визитом президента Алжира А. Бутефлики в Москву. Отечественные СМИ всегда подчеркивают, что Алжир является первой арабской страной, с которой Россия в 2001 г. подписала Договор о стратегическом партнерстве. В мае 2014 г. Совет Федерации России и Совет Нации (верхняя палата парламента) Алжира подписали Меморандум о взаимопонимании. Председатель Совета Федерации Федерального собрания России В. И. Матвиенко, завершая официальный визит в Алжир, сообщила, что обсуждалась *активизация* торгово-экономического взаимодействия, военно-технического сотрудничества, гуманитарных связей.

В 2015 г. Председатель Государственной думы России С. Е. Нарышкин в ходе официального визита в Алжирскую Народную Демократическую Республику отмечал, что по большинству вопросов международной повестки Россия и Алжир имеют «похожие позиции». Также он напомнил, что именно Советский Союз стал первым в мире государством, установившим в 1962 году дипломатические отношения с Алжиром, еще до официального провозглашения его независимости 5 июля.

Дополнительный импульс сотрудничеству был придан в октябре 2017 г., когда состоялся визит в Алжир председателя правительства России Д. А. Медведева. Тогда был подписан целый ряд

документов о взаимодействии в различных областях. Стороны договорились работать над их выполнением во всех направлениях по линии всех министерств и ведомств. Министерство иностранных дел (МИД) России позитивно оценивало деятельность Смешанной межправительственной российско-алжирской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, восьмое заседание которой состоялось в Алжире в сентябре 2017 г. Тогда же прошла очередная встреча Российско-Алжирского делового совета, который помогает развивать прямые контакты между деловыми кругами двух стран.

В феврале 2018 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Алжира А. Мессахелем отметил *динамичное развитие* политических, торгово-экономических и военно-технических связей в полном соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве между Россией и Алжиром 2001 года [2]. Лавров особо отметил, что Алжир находится в числе ведущих торгово-экономических партнеров России на Ближнем Востоке и в целом на африканском континенте и что у наших стран есть обоюдная заинтересованность в *активизации* гуманитарных связей, образовательных обменов. Показателем усиления партнерства может служить очередной российско-алжирский бизнес-форум, прошедший во время выставки «Иннопром-2018» в Екатеринбурге.

Кроме существующего партнерства в торгово-экономической сфере необходимо упомянуть о том, что в Алжире живут и работают около 20 тыс. выпускников российских вузов. Активно действует Ассоциация выпускников, нацеленная на содействие отношений между Алжиром и Россией. В феврале 2018 г. с Алжиром был подписан договор о безвизовом режиме для владельцев служебных и дипломатических паспортов, который вступил в силу с 6 февраля 2019 г.

Отмечая активное торгово-экономическое и инвестиционное взаимодействие между нашими странами, официальные лица на всех уровнях готовы расширять сотрудничество в гуманитарной сфере.

Афганистан. О том значении, которое придается сотрудничеству двух стран должностными лицами России и Афганистана, можно судить по количеству встреч на высоком и высшем уровнях: за последнее десятилетие их прошло очень много.

Что касается сотрудничества в сфере образования, исследователи отмечают, что для обучения в вузах России ежегодно до 2010 г. абитуриентам из Исламской Республики Афганистан (ИРА) предоставлялась квота на 80 мест, а в 2010 г. квота была увеличена до 100 мест. Кроме того, еще с марта 2005 г. по распоряжению Президента Российской Федерации была выделена дополнительная квота — по три места для обучения в МГИМО (У) и Дипломатической академии МИД России. В 2017 г. квота на бесплатное получение образования в России составила уже 300 человек, впоследствии число мест было увеличено до 350.

Еще в июне 2008 г. правительство Российской Федерации приняло решение о предоставлении через Всемирный банк (ВБ) 4 млн долл. в качестве российского вклада в многосторонний трастовый фонд на цели развития высшего образования в Афганистане. Из них 2 млн долл. распределяются по усмотрению ВБ, а еще 2 млн идут на восстановление Кабульского политехнического университета, построенного при содействии СССР [3].

В феврале 2007 г. при содействии Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (ТПП РФ) был создан важный орган — Российско-Афганский деловой совет, объединивший более 60 отечественных организаций и компаний. Одной из целей совета является оказание поддержки предпринимательским структурам, заинтересованным в развитии экономического сотрудничества с Афганистаном, привлечении туда прямых российских инвестиций, внедрении высоких технологий и строительстве российским бизнесом в афганской столице медицинского центра. Восстановление тех объектов, которые были созданы при участии советских специалистов в Афганистане (а таких осталось немало — СССР построил более 140 промышленных предприятий, почти с нуля была создана электроэнергетика страны), также является частью планов сотрудничества.

В дипломатических кругах в 2017 г. обсуждалось, что в отношениях с Афганистаном Москва «делает акцент на „мягкую силу“». Помимо содействия в обучении кадров в Кабуле в 2017 г. открыли Российский центр науки и культуры и в конце 2017 г. уже праздновали открытие курсов по изучению русского языка.

В декабре 2018 г. в рамках проходившей в Совете Федерации Международной конференции «Роль парламентов в современном мире. Совет Федерации — 25 лет по пути многовекторного развития» заместитель председателя Совета Федерации И. М. Ума-

ханов провел встречи с заместителем председателя верхней палаты парламента Исламской Республики Афганистан, отметив успех *активизации* контактов по парламентской линии. Умаханов указал на необходимость использовать потенциал и возможности дипломатических представительств, культурных центров и формата видеоконференций и отметил позитивные подвижки, произошедшие за последнее время в сфере межрегионального сотрудничества и гуманитарных связей России и Афганистана. «*Активизируются* (выделено нами. — О. С.) прямые связи между учебными заведениями России и Афганистана. Совет Федерации и его профильные комитеты готовы поощрять такого рода взаимодействие» [4].

До сих пор реализуются российские образовательные проекты по подготовке афганских гражданских служащих и сотрудников силовых ведомств, что вносит существенный вклад в укрепление российско-афганских отношений. В упомянутых курсах Дипакадемии за четыре последних года приняли участие 55 сотрудников МИД ИРА.

В 2019 г. министры высшего образования ИРА и России подписали в Москве меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области науки, образования и технологических инноваций.

Эксперты справедливо указывают на то, что планы России по активизации гуманитарных и экономических связей с Афганистаном напрямую зависят от ситуации с безопасностью в стране. Исследователи отмечают, что перед Кабулом сегодня стоит непростая задача по улучшению жизни населения, которая может быть достигнута путем стабилизации внутренней ситуации и экономического развития. Россия готова оказывать всяческое содействие ИРА как в экономической, так и в гуманитарной и культурной сферах.

Египет. Еще в 2015 г. Российский совет по международным делам в Рабочей тетради под названием «Сотрудничество Российской Федерации с Арабской Республикой Египет: возможности и ограничения» отмечал, что в Египте много выпускников российских вузов — по некоторым оценкам, высшее образование в советские времена получили примерно 30 тыс. египтян, 20 тыс. из которых — офицеры. В Хургаде уже на протяжении пяти лет до 2015 г. работала русская школа, где преподают 20 учителей с высшим специальным образованием и учатся более 100 человек

(дети от смешанных браков). Продолжают действовать российские центры науки и культуры в Каире и Александрии [5].

Официально двусторонние связи России и Египта начались с момента установления дипломатических отношений в 1943 г., но должностные лица любят вспомнить, что контакты между странами уходят глубоко в историю, например, в Арабской Республике Египет построено очень много церквей.

В марте 2017 г. состоялся важный визит В.И.Матвиенко в Египет, что свидетельствует об активном развитии парламентских контактов, после чего *активизировались* контакты на других уровнях, включая комитет Совета Федерации по международным делам. Одним из следствий визита стали воссоздание и *активизация* деятельности группы по связям, создание проекта российской промышленной зоны в Египте [6]. Египет — наиболее динамично развивающаяся страна Северной Африки, уже в ближайшие годы по объему валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, она станет лидером африканского континента. 23 мая 2018 г. в Москве было подписано соглашение между правительствами России и Египта о создании и обеспечении деятельности Российской промышленной зоны (РПЗ) в Арабской Республике Египет. В перспективе РПЗ должна стать форпостом для продвижения российских товаров и услуг в регионе, способствуя при этом росту экономик как России, так и Египта. Такие соглашения не могут не способствовать налаживанию и поддержанию дружеских связей между государствами.

В рамках празднования 75-летия установления дипломатических отношений между Россией и Египтом в 2018 г. в Доме книги и национальных архивов Арабской Республики Египет состоялось открытие III Международной конференции, посвященной российско-египетским отношениям в области культуры и гуманитарного сотрудничества, где обсуждались перспективы дальнейшей *активизации* сотрудничества двух стран в области переводов в частности и развития двусторонних отношений в целом [7].

В заявлении для прессы по итогам переговоров 17 октября 2018 г., когда состоялось подписание Договора о всеобъемлющем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, В.В.Путин и президент Египта А.ас-Сиси отметили, что «в России и Египте всегда проявляли и проявляют интерес к культуре, духовному наследию наших народов. В этой связи президенты одобрили инициативу объявить 2020 год перекрестным годом гуманитарного сотрудни-

чества. В рамках этого года будут проведены различные мероприятия, способные отразить глубину культурных, цивилизационных и художественных связей между нашими дружественными странами и народами» [8].

Из аспектов взаимодействия, на которые обращают особое внимание эксперты, можно отметить недостаток русскоязычной литературы, переведенной на арабский язык. Во времена СССР переводами занимались издательства «Прогресс» и «Мир», но сейчас такого рода литературы явно недостаточно. Поскольку в Египте данный вопрос часто поднимается в контексте борьбы с распространением западной культуры, российский Совет по международным делам выступал с предложением организовать систему выдачи грантов египетским издателям на перевод литературы с русского на арабский и ее издание с помощью российских центров науки и культуры, фонда «Русский мир» и других структур.

Авторы-эксперты Совета по международным делам в Рабочей тетради отмечают также существующую проблему нехватки литературных переводчиков. Поскольку на качество перевода обычно сильно влияет наличие возможности пребывания в языковой среде, то для решения этой задачи Российский совет по международным делам предлагает рассмотреть вопрос о предоставлении гражданам Египта стипендий на обучение в России по соответствующей специальности. Развитию гуманитарного сотрудничества могло бы содействовать Общество дружбы России и Египта, которое на сегодняшний день недостаточно активно [5, с. 15].

Иордания. Между Иорданией и Россией развиваются контакты в сферах научного, гуманитарного и культурного сотрудничества. В декабре 2009 г. в Аммане открылся Российский культурный центр. Под эгидой фонда «Русский мир» в январе 2011 г. при Иорданском университете в Аммане создан Русский центр, целью которого является распространение и популяризация русского языка в Иордании.

Из событий последних лет можно отметить официальный визит делегации Совета Федерации в Иорданское Хашимитское Королевство в 2015 г., во время которого председатель Совета Федерации Федерального собрания России В. И. Матвиенко встретила с королем Иордании Абдаллой II. В ходе беседы обсуждались вопросы дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной областях, перспективы расширения парламентских связей.

В 2016 г. в МИД России состоялись переговоры министров иностранных дел России и Иордании С.В. Лаврова и Н. Джоуды. Среди прочих вопросов сообщалось, что Иордания обсуждает возможности зоны «свободной торговли» с Евразийским экономическим союзом, эта инициатива находится в разработке и поддержана Россией. Но, чтобы страны свободно могли торговать друг с другом, необходимо добиться стабильности на Ближнем Востоке: эта тема и явилась приоритетной в обсуждении на переговорах в МИД России. Официальными лицами подтверждались все договоренности, которые были достигнуты между лидерами стран, и подчеркивалась задача и далее углублять и расширять российско-иорданское взаимодействие.

Министр иностранных дел России также достаточно часто встречался с королем Иордании Абдаллой II.

В 2018 г. в Аммане состоялись организованные посольством России, представительством Россотрудничества и министерством культуры Иордании праздничные мероприятия, посвященные 55-летию установления дипломатических отношений между Россией и Иорданией. Так же в 2018 г. прошли торжественные мероприятия, посвященные 50-летию создания Общества иордано-российской дружбы.

7 октября 2018 г. состоялась торжественная церемония закладки первого камня Российского парка, проект которого будет реализован по инициативе Общества иордано-российской дружбы, клуба выпускников советских вузов им. Ибн Сины и посольства России в Иордании.

С 2001 г. король Абдалла II посещал Россию 17 раз. Последняя встреча на высшем уровне состоялась в Москве 15 февраля 2018 г., что свидетельствует об *активном* взаимодействии высших государственных лиц обеих стран.

МИД России подчеркивает, что особое значение в двусторонних связях имеет сооружение Странноприимного дома для российских паломников на переданном в дар России участке земли на месте крещения Иисуса Христа на реке Иордан. 26 июня 2012 г. комплекс был торжественно открыт во время визита в Иорданию президента России В. В. Путина [9].

Ливан. Связи России и Ливана имеют прочный исторический фундамент, заложенный усилиями дипломатов Российской империи в 1839–1914 гг. и упроченный затем советской дипломатией с установлением в 1944 году дипломатических отношений

между Москвой и Бейрутом [10]. СМИ напоминают, что СССР входил в число государств, первыми признавших независимость Ливана в 1943 г. В 1946 г. Москва применила право вето в ООН, защищая суверенитет Ливана и Сирии при рассмотрении вопроса о присутствии там британских и французских войск. Немаловажным аспектом современных двусторонних отношений является гуманитарное содействие ливанцам со стороны России для обеспечения нужд сирийских беженцев. В целом развивающиеся постепенно с 90-х годов уже с новой Россией двусторонние отношения эксперты характеризуют как дружественные и имеющие *динамичный характер*. Если сложить всех закончивших высшие учебные заведения времен бывшего СССР и современной России ливанских граждан, то получится свыше 10 тыс. человек.

В 2004 г. по инициативе ТПП РФ был создан Российско-Ливанский деловой совет, призванный расширить экономические связи двух стран.

В феврале 2010 г. состоялся первый официальный визит президента Ливанской Республики Мишеля Слеймана в Россию, что было очень важно для новой истории двусторонних отношений. Далее таких визитов на высшем уровне было достаточно много, что подчеркивает *динамику взаимоотношений*. Уже в апреле 2011 г. в Бейруте состоялась VII Всеарабская встреча выпускников российских (советских) высших учебных заведений и в ее рамках Международная конференция «Система повышения квалификации выпускников — роль национальных объединений и университетов». В мае 2012 г. в Бейруте прошла VI Региональная конференция российских соотечественников, проживающих в странах Ближнего Востока и Африки при участии представителей МИД России, фонда «Русский мир», Московского Дома соотечественника.

30 ноября 2013 г. в Бейруте по случаю 20-летия Конституции России и 70-летия независимости Ливана состоялся Международный фестиваль «Мир — одна семья», организованный посольством и представительством Россотрудничества совместно с Координационным советом соотечественников в Ливане. В сентябре 2014 года в Ливане в честь 70-летия отношений открылся Российско-ливанский дом.

Экономические связи России и Ливана постепенно налаживаются, но пока характеризуются относительно небольшими объемами и нестабильным объемом товарооборота. Согласно под-

готовленным сайтом «Внешняя торговля России» на основе цифр Федеральной таможенной службы России данным, в 2017 г. товароборот России с Ливаном увеличился на 17,5 % по сравнению с 2016 г., а в 2018 г. уменьшился на 25,77 % по сравнению с 2017 г. Основа российского экспорта — продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье (злаки) и минеральные продукты. Импорт представлен продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем (фрукты, орехи, табак), продукцией химической промышленности, текстилем и обувью, драгоценными металлами и камнями [11]. В настоящее время успешно работает созданная правительствами России и Ливана комиссия по торговле и экономическому сотрудничеству. Заседание комиссии в четвертый раз прошло в апреле 2018 г. в Бейруте.

Развивается взаимодействие между Русской и Антиохийской православными церквями. Еще в ноябре 2011 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Ливан в рамках визита в пределы Антиохийского патриархата. А в сентябре 2019 г. в городе Захле состоялась закладка первого камня в основание храма в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость», которую планируется построить в традициях русского зодчества.

Дом русского зарубежья, посольство России в Ливанской Республике и Ливанское культурное православное императорское общество при поддержке Императорского православного палестинского общества (ИППО) активно действуют во благо взаимной дружбы и сотрудничества. Организациями проводятся выставочные мероприятия, направленные на освещение уникальной истории пребывания русских в Ливане. Просветительской и образовательной миссиям ИППО на земле Ливана уже много лет. Основанное еще в 1882 г., ИППО помогало не только российским паломникам, но и оказывало серьезную гуманитарную поддержку местному населению: с 1887 по 1914 гг. на территории современного Ливана под покровительством ИППО действовало 48 так называемых московских школ, в которых, по данным 1912–1913 гг., обучалось около 6 тысяч мальчиков и девочек [12].

В целом, несмотря, на казалось бы, недавно официально установленные связи (Ливан заявил о признании Российской Федерации как правопреемницы СССР в 1991 году), отношения между народами на гуманитарном и культурном уровнях имеют долгую историю и уходят корнями в XVIII век. Большое количество миссий из Российской империи приезжали в Ливан и помогали

в строительстве школ, церквей, больниц, из которых многие сохранились до сегодняшнего дня, а сами ливанцы до сих пор тепло относятся к россиянам.

Сирия. Центр науки и культуры был открыт СССР в Дамаске еще в 1976 г. и уже тогда занимался продвижением русского языка и развитием диалога с сирийской общественностью. Взаимоотношения наших стран в гуманитарных сферах существовали на протяжении длительного времени и в новейшее время продолжились подписанием в 2012 г. соглашения между правительствами России и Сирии об учреждении и деятельности культурных центров. Совсем недавно восстановивший работу после вынужденного перерыва Российский центр культуры и науки (РЦКН) в Дамаске своей сферой деятельности выбрал продвижение российского образования, общественную дипломатию, продвижение русской культуры и поддержку соотечественников в Сирии.

Мероприятия, проводимые такими центрами во всех странах Ближнего Востока, направлены на знакомство с традициями и культурой России, ее географией и историей, современной жизнью. Россотрудничество активно взаимодействует с организациями соотечественников, помня, что они являются носителями русской культуры, ценностей, языка, своеобразными проводниками гуманитарных связей и отношений между Россией и зарубежными странами. Для людей, которые продолжают ощущать свою причастность к России и делают все для развития дружеских связей между странами, Россотрудничество организует различные совместные мероприятия. Представляется интересной не очень широко освещаемая в СМИ информация по поводу взаимодействия наших стран в религиозной сфере. Договоренности об образовании Комиссии по диалогу между Русской православной церковью и Сирийской ортодоксальной церковью была достигнута Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и Святейшим Патриархом Игнатием Ефремом II в ходе визита предстоятеля Сирийской ортодоксальной церкви в Россию в ноябре 2015 г. В феврале 2019 г. в Ливане состоялось второе заседание комиссии. Договоренность об образовании такой комиссии была достигнута Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и Святейшим Патриархом Игнатием Ефремом II в ходе визита предстоятеля Сирийской ортодоксальной церкви в Россию еще в ноябре 2015 г.

Во время работы стороны обсуждали перспективы взаимодействия между представителями монашества, а также продол-

жение развития паломнических проектов, поскольку уже имелся позитивный опыт организации при участии Отдела внешних церковных связей Московского патриархата поездок в Россию паломнических групп из Сирийской ортодоксальной церкви в январе и июле 2018 г. Работа комиссии представляется очень важной, поскольку как минимум обеспечивает оказание взаимной информационной поддержки в условиях актуальных вызовов, с которыми сталкиваются сегодня Московский патриархат и Сирийская ортодоксальная церковь [13].

Из вышеперечисленных примеров мы можем сделать вывод о том, что политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой составной частью политики российского государства на международной арене в полном соответствии с «Основными направлениями политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества».

Значительная роль в деле практической реализации политики России в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества принадлежит Федеральному агентству по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и его представительствам — российским центрам науки и культуры за рубежом.

Одной из важнейших задач **Россотрудничества** является реализация проектов, нацеленных на укрепление международных связей, тесное сотрудничество в гуманитарной сфере и формирование позитивного имиджа России за рубежом. Все проводимые мероприятия способствуют преодолению культурных барьеров, негативных стереотипов и иных препятствий на пути к развитию международного сотрудничества [14]. В целом именно взаимовыгодное международное сотрудничество не только в экономической, но и в культурно-гуманитарных сферах способно вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России. И именно Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству по своему государственному статусу призвано играть во взаимодействии с Министерством иностранных дел и Министерством культуры России особую роль в сфере культуры — основополагающем сегменте международного гуманитарного сотрудничества.

С одной стороны, Федеральное агентство и его зарубежные представительства участвуют непосредственно в процессе формирования и реализации программ двустороннего и многостороннего культурного сотрудничества, обеспечивая при этом национальные интересы России и ее соотечественников. С другой, Россотрудничество через продвижение за пределами России русского языка и популяризацию национально-культурной самобытности народов нашей страны, а также активизацию международных социально-культурных и побратимских связей российских регионов и городов укрепляет реальные стимулы для развития как традиционной, так и инновационной культуры внутри России [15].

Среди приоритетных задач в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества в «Основных направлениях сотрудничества России и стран Ближнего Востока в международной гуманитарной сфере» выделяются абсолютно логичные и актуальные. Среди перечисленных в документе задач особо стоит отметить:

- необходимость практики обмена национальными годами Российской Федерации с иностранными государствами;
- поощрение проведения за рубежом Дней культуры России и других комплексных мероприятий;
- организацию взаимных поездок деятелей культуры для развития творческих контактов, обмена опытом, участия в конференциях, симпозиумах и других тематических мероприятиях [1].

Для эффективного партнерства в сфере культуры необходимо поддержание прямых связей между учреждениями культуры, объединениями творческих работников и отдельными известными деятелями. Необходима поддержка деятельности профильных общественных фондов, а также предпринимательских и спонсорских структур, деятельность которых помогает реализовывать значимые проекты культурного сотрудничества.

Важным направлением деятельности, способствующей развитию гуманитарных связей, является развитие молодежных обменов. Необходимо активизировать участие в международном культурно-гуманитарном сотрудничестве российских молодежных организаций, их взаимодействие с зарубежными молодежными партнерами. Существенную роль здесь играет поддержка со стороны государства. Фонд президентских грантов

в рамках грантового направления «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» на конкурсной основе регулярно финансирует некоммерческие организации для развития образовательных, социальных и гуманитарных связей между странами.

Значительная роль в деле пропаганды российской культуры, реализации двусторонних культурных и гуманитарных миссий и поддержке русского языка за рубежом принадлежит **фонду «Русский мир»**. На осуществление проектов, целью которых является популяризация русского языка, поддержка программ его изучения, расширение культурно-гуманитарного сотрудничества с Российской Федерацией, содействие деятельности зарубежных русскоязычных средств массовой информации фонд «Русский мир» предоставляет гранты российским и иностранным некоммерческим организациям на конкурсной основе.

Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом определяет:

- приоритетные цели и задачи государственной политики России при позиционировании общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве;
- подходы к обеспечению доступа граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства для получения общего образования на русском языке за рубежом;
- организации, осуществляющие образовательную деятельность в сфере общего образования за рубежом как русские школы за рубежом (4 вида);
- виды государственной поддержки организаций, осуществляющих общеобразовательную деятельность на русском языке и (или) в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом в зарубежных странах (информационная, методическая, материально-техническая, организация профессионального образования и дополнительного профессионального образования для работников русских школ за рубежом) [16].

В 2001 г., когда МИД РФ утвердил «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами», ничего не изменилось — приоритеты остались прежними. Делом государственной значимости должна была

стать работа по увековечению памяти об исторических связях России с зарубежными странами, по выявлению, сохранению и популяризации находящихся за границей памятников культуры и других объектов культурного наследия, связанных с историческим прошлым России, жизнью и деятельностью за рубежом ее выдающихся представителей [17].

Согласно «Основным направлениям работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами», в системе распространения объективной и разносторонней информации о России, организации изучения русского языка и проведения культурно-просветительских мероприятий с целью ознакомления зарубежной общественности с культурной жизнью страны большое значение имеет работа российских центров науки и культуры, о деятельности которых говорилось выше. МИД России предлагает расширять сети таких центров, повышать эффективности их работы.

За десять лет работы агентство смогло увеличить свое присутствие за рубежом через сеть загранпредставительств почти на треть: с начала 2009 г. в 29 странах было открыто 17 центров науки и культуры. Само Россотрудничество на 2018 г. было представлено в 81 стране мира 98 представительствами: 74 российских центра науки и культуры работают в 62 странах, 24 представителя агентства работают в составе посольств в 22 странах.

Как известно, деятельность по продвижению национального языка за рубежом является важным видом культурной деятельности, в который вовлечены многие крупные игроки на международной политической арене [18].

Концепцией отечественной федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы в 2019–2020 гг. планировалось:

- завершение запланированных научно-исследовательских работ;
- развитие кадрового потенциала в сфере русского языка;
- завершение формирования инфраструктуры системы открытого образования на русском языке и обучения русскому языку;
- развитие онлайн-школы на русском языке (форма обучения через сеть Интернет с синхронным участием педагогов, когда по сути идет традиционный процесс обучения, но учитель и ученик общаются по сети Интернет);

- обеспечение широкой вариативности программ обучения русскому языку с использованием дистанционных технологий образования;
- расширение присутствия русского языка в сети Интернет;
- развитие партнерской сети под брендом «Институт Пушкина»;
- обеспечение системной поддержки, оказываемой зарубежным структурам;
- проведение мероприятий, направленных на повышение популярности и престижа русского языка и образования на русском языке;
- подготовка и проведение в иностранных государствах комплексных мероприятий просветительского, образовательного и научно-методического характера, направленных на продвижение, поддержку и укрепление позиций русского языка, а также на популяризацию российской науки, культуры и образования в мире [19].

Арабский мир, являвшийся традиционным союзником СССР и широко пользовавшийся его экономической и военной помощью, был вторым по значимости регионом развивающихся стран по распространенности русского языка [20; 21].

В 2019 г. с предложением открыть языковые центры по всей стране выступил президент Сирийской Арабской Республики Б. Асад. По мнению Асада, изучение русского языка могло бы стать культурной альтернативой и западному влиянию, и воздействию экстремистских идей [22]. В Сирии русский язык стал вторым иностранным языком, который школьники могут изучать по выбору.

Всемирная ассоциация выпускников при поддержке Фонда президентских грантов, Россотрудничества и Росмолодежи в 2019 г. запустили проект «Региональные форумы (встречи) иностранных выпускников России», и в 2019 г. форумы прошли в Ливане, Сирии, Сербии и Лаосе.

Подводя итоги, можно констатировать, что наиболее часто встречающимся словом, описывающим сотрудничество России и стран Ближнего Востока в международной гуманитарной сфере, является *активизация*, что демонстрирует явное намерение усилить взаимодействие, даже если ранее оно по объективным причинам было ослаблено. Важная роль в развитии связей с рассмотренной группой стран принадлежит не только партнерству в эко-

номической или военно-технической сферах, но и культурным и образовательным проектам. В целом можно отметить, что отношения России со странами Ближнего Востока на высоком государственном уровне по основным направлениям сотрудничества в международной гуманитарной сфере показывают *положительную динамику*.

Источники

1. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (дата обращения: 13.09.2019).
2. Выступления и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Алжира А. Мессахелем, Москва, 19 февраля 2018 года. URL: https://www.mid.ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3085195 (дата обращения: 13.09.2019).
3. *Лалетин Ю. П.* Российско-афганские отношения на современном этапе. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).
4. *Умаханов И.* В Совете Федерации приветствуют активизацию отношений с коллегами из Афганистана и Пакистана. 2018. URL: <http://council.gov.ru/events/news/99406/> (дата обращения: 13.09.2019).
5. *Васильев А. М.* Сотрудничество Российской Федерации с Арабской Республикой Египет: возможности и ограничения. № 22. 2015 / [А. М. Васильев и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига. 2015. 22 с. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/WP-Егyпт-22-Rus.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).
6. *Яникеева И.* Россия и Египет: отношения дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21780> (дата обращения: 15.09.2019).
7. РЦНК в Каире участвует в Международной конференции, посвященной российско-египетским отношениям. URL: http://egy.rs.gov.ru/ru/news/23535?category_id=9 (дата обращения: 13.09.2019).
8. Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Египта Абдельфаттахом Сиси. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58842> (дата обращения: 13.11.2020).
9. Официальный сайт МИД РФ. Общие сведения. Двусторонние отношения. Российско-иорданские отношения. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jo/-/category/10497> (дата обращения: 13.09.2019).

10. *Воробьев С.* Отечественная дипломатия в Ливане в 1839–1914 годах и ее роль в развитии российско-арабских связей // *Международная жизнь*. 2019. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2233> (дата обращения: 10.02.2019).
11. Отчет о внешней торговле между Россией и Ливаном в 2017 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-livanom-v-2017-g/> (дата обращения: 10.02.2019).
12. *Тишина И., Кривова Е.* Открытие выставки «Русские в Ливане». URL: <http://www.bfrz.ru/?mod=news&id=2044> (дата обращения: 13.09.2019).
13. В Ливане состоялось второе заседание Комиссии по диалогу между Русской Православной Церковью и Сирийской Ортодоксальной Церковью. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5378052.html> (дата обращения: 01.05.2019).
14. Россотрудничество. URL: <http://рос-мир.рф/node/971> (дата обращения: 13.11.2020).
15. *Мухаметшин Ф. М.* Культура в международном гуманитарном сотрудничестве. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/286> (дата обращения: 01.05.2019).
16. Концепция продвижения российского образования на базе представительства Россотрудничества за рубежом. URL: <http://base.garant.ru/70892382/> (дата обращения: 15.11.2020).
17. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901794645> (дата обращения: 15.11.2020).
18. *Малеев А. А.* Национальный язык как инструмент мягкой силы России. *Политика и Общество*. 2017. № 3. С. 143–148.
19. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы. URL: <http://government.ru/docs/18169/> (дата обращения: 15.11.2020).
20. *Арефьев А.* Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <https://polit.ru/article/2006/08/17/demoscope251/> (дата обращения: 13.09.2019).
21. *Абалян А. И.* Русский язык как инструмент политического и культурного влияния в странах Ближнего Востока // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры (материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ)*. 2015. С. 5–10.
22. Асад предложил создать во всех провинциях Сирии центры изучения русского языка. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6778769> (дата обращения: 13.09.2019).

ОПЫТ ПЕРЕВОДА И ОПИСАНИЯ АРАБСКИХ РУКОПИСЕЙ: СОЧИНЕНИЕ «ЛЯМИЙА» АШ-ШАНФАРЫ В ФОНДЕ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН И В СОБРАНИИ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА БИБЛИОТЕКИ ИМ. ГОРЬКОГО СПБГУ

Хана Яфия Юсиф Джамиль

*(кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет),*

Мокрушина Амалия Анатольевна

*(кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет)*

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу изучения и описания арабских рукописей. В работе собраны факты из жизни доисламского поэта аш-Шанфары, рассматриваются особенности его произведения «Лямийа». Основное внимание уделяется спискам этого сочинения, а также комментариям к нему, хранящимся в фонде Института восточных рукописей и в собрании Восточного отдела библиотеки им. Горького СПбГУ. Текстологический и кодикологический анализ рукописей позволяет датировать их, установить их переписчиков и владельцев, изучить особенности текста. В статье приводятся фрагменты сочинений на арабском языке, сопровождаемые переводом и комментариями. Рукописная книга представляет собой интересное и многоплановое явление как материальной, так и духовной культуры. Анализ текста сочинения позволяет лучше понять жизнь общества того периода, в которое создавалось произведение.

Ключевые слова: арабская рукопись, кодикология, списки сочинения, арабский язык, доисламская поэзия.

EXPERIENCE IN TRANSLATING AND DESCRIBING ARABIC MANUSCRIPTS: THE COMPOSITION “LAMIYA” BY AL-SHANFARA IN THE RAS FUND OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS AND IN THE COLLECTION OF THE ORIENTAL DEPARTMENT OF THE ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY GORKY LIBRARY

Abstract. The article is dedicated to the study and description of oriental manuscripts. This study contains facts from the life of a famous pre-Islamic poet, ash-Shanfara, and discusses the features of

his work, *Lamiya*. The focus is on the copies of this work, as well as copies of comments on it from the fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, and the Oriental Department of Gorky Library, St. Petersburg State University. The textological and codicological analysis of manuscripts allows to date them, identify their scribes and owners, and study the features of the text. The article contains fragments in Arabic, accompanied by translations and comments. A handwritten book is an interesting and multifaceted phenomenon of both material and spiritual culture. Analysis of the text allows to understand the life of the society of the period in which the work was created.

Keywords: Arabic manuscript, codicology, copies, Arabic, pre-Islamic poetry.

Одним из самых важных и актуальных вопросов межкультурной коммуникации остается проблема качественного перевода. Адекватная передача смысла средствами другого языка имеет большое значение на всех уровнях межкультурного общения, так как ведет к налаживанию диалога и достижению поставленных целей. И наоборот: недостаточное знание нюансов может не только навредить качеству перевода, но и вызвать непонимание носителей другого языка, которое способно перерасти в конфликт.

Россия уже давно заинтересовалась контактами с арабским Востоком — на протяжении столетий этот интерес смещался от одной сферы к другой: религия, культура, политика, экономика. Арабские страны также проявляли заинтересованность в налаживании диалога с Россией, укреплении связей между странами. Все это способствовало в том числе повышенному вниманию к арабскому языку и литературе в сфере отечественной науки.

Помимо религиозных текстов, с переводов которых началось активное увлечение арабским Востоком, вызывали и продолжают вызывать интерес у исследователей сочинения доисламских поэтов. Анализу поэзии джахилийской эпохи, ее комментированию и переводу посвящено множество работ, в том числе, отечественных востоковедов. Особенно привлекало внимание специалистов творчество аш-Шанфары, несмотря на то, что отсутствие информации о поэте в арабских источниках вплоть до второй половины VIII в. заставляло многих ставить под сомнение подлинность его сочинений и подозревать в них более позднюю подделку. Их авторство нередко приписывалось знатоку древнеарабской поэзии, средневековому иракскому ученому Халафу ал-Ахмару [1,

с. 58]. Тем не менее более поздний глубокий анализ произведений дал повод И. Ю. Крачковскому, ссылавшемуся в том числе на арабские источники, говорить о наличии в них большого количества специфической лексики, употребление которой не могло быть свойственно горожанину, а значит свидетельствовало о древне-арабском происхождении касыды.

О биографии аш-Шанфары не сохранилось никаких достоверных сведений: считается, что он скончался в первом десятилетии VI века. Шанфара — прозвище, данное поэту, — указывает, вероятно, на внешнюю особенность — толстые губы. Согласно некоторым источникам, настоящее имя поэта — Сабит б. Аус и принадлежал он к племени Азд. Средневековая арабская традиция относит аш-Шанфару к категории «поэтов-бродяг», используя по отношению к подобным ему «скитальцам» общий термин *сулюк/саалик*. Поэты-бродяги традиционно воспевали бедуинские набеги, в которых принимали участие [2, с. 66].

Поскольку сведения о биографии поэта практически отсутствуют, с его именем связано множество легенд. Так, например, некоторые арабские источники утверждают, что отец аш-Шанфары выкрал его мать из другого племени, но впоследствии был убит членами племени саламан¹, которые и воспитали оставшегося сиротой будущего поэта. Считается, что аш-Шанфара был изгнан своим племенем и провел всю жизнь, скитаясь и борясь с различными жизненными невзгодами, закалившими его характер.

Согласно другой версии, аш-Шанфара был рабом племени саламан и однажды бежал, поклявшись убить сто человек из этого племени. За долгие годы своих скитаний он успел поквитаться с девяноста девятью врагами, а затем был убит в бою. Однако предание гласит, что сотого врага аш-Шанфара погубил после собственной смерти, когда тот умер, споткнувшись о череп убитого поэта [1, с. 54].

Соратник аш-Шанфары поэт-бродяга по прозвищу Тааббата Шарран впоследствии оплакал смерть друга в стихах [1, с. 53].

Особое внимание к поэтам доисламской эпохи возникло еще в Средние века. Так, например, упоминание об аш-Шанфаре присутствует в сочинении Ибн Абд Раббихи «Чудесное ожерелье» в главе «Изумруд. Книга о доблести», где автор приводит слова

¹ В арабских источниках племя носит название саламан, в русских оно транскрибировано как салман.

доисламского поэта о смерти на поле боя: «Меня хоронить запрещает обычай. Умм Амир, гиена, насыться добычей! Отрубят голову, унесут — о, гиена, останки из пыли возьми непременно» [3, с. 249]. В «Книге о скупых» ал-Джахиз приводит в одном из рассказов строки аш-Шанфары, не упоминая его имени: «Если голову мне отсекут, мою лучшую часть, значит, прочим останкам придется в пустыне пропасть» [4, с. 118]. Закарийа ал-Казвини, помимо прочих поэтов эпохи джахилийи, также особенно выделял аш-Шанфару [5, с. 55].

С течением времени интерес к творчеству аш-Шанфары только возрос. Так, Фарис Шидьяк издал целый ряд памятников классической арабской литературы, среди которых оказались работы аш-Шанфары с многочисленными толкованиями [6, с. 243].

Аш-Шанфара, «поэт-изгнанник», отдавал предпочтение описанию бедуинских набегов. Его поэзия традиционно противопоставляется произведениям авторов классических муаллак, воспевающих родовой патриотизм, благодаря основной теме — жизни в изгнании [7, с. 239; 1, с. 36]. Самая известная его касыда, получившая название «Лямийа», включает 68 байтов, состоит из нескольких поэтических картин, написана размером *тавилъ* и отражает традиционную для произведений доисламской эпохи приверженность бедуинским обычаям. Сочинение аш-Шанфары считается одним из лучших образцов доисламской поэзии: в нем представлены красочные описания одинокой жизни поэта в степи, бедуинских набегов, недовольства автора действиями бывших соплеменников и восхваление свободной кочевой жизни.

«Лямийа» приобрела свое название благодаря особой повторяющейся рифме на букву «лям». При этом в ней не соблюдается обычная трехчастная композиция. Она посвящена одной теме — самовосхвалению бедуинского героя-одиночки [8, с. 139]. Среди европейских исследователей получило распространение и другое название касыды — «Песня пустыни». Произведение неоднократно переводилось на европейские языки, на русский язык перевод «Лямийи» был выполнен И. Ю. Крачковским, А. А. Долининой и А. М. Ревичем. Внимание к поэтическим работам аш-Шанфары проявлял ат-Тантави, о чем упоминает А. Е. Крымский [6, с. 173].

Многие арабские ученые обращались к сочинению аш-Шанфары и комментировали его. Наиболее значимыми работами подобного рода традиционно считаются сочинения средневековых ученых: аз-Замахшари и ал-Укбари.

В фонде Института восточных рукописей хранится два списка сочинения «Лямийа» (В 1496, лл. 286–32а и С 780, лл. 766–77а), а также список сочинения ал-Укбари (В 92, лл. 86а–98а), который представляет собой комментарий-толкование к касыде аш-Шанфары.

Рукопись В 1496 (лл. 286–32а) представляет собой конволют из списков восьми различных касыд. Одно из этих сочинений — «Лямийа» аш-Шанфары.

На листах 1а, 9б, 27б, 28а, 33б рукописи стоит владельческая печать. Надпись на ней гласит:

هذا وقف الراجي
فيض الصمدي الشيخ أحمد صباح الدين بن مصطفى الخالدي... بعدما سمعه... علي
الدين
1201

«Это имущество Раджи Файд ас-Самди аш-Шайх Ахмад Сабах ад-Дин б. Мустафа ал-Халиди (неразборчиво) после того, как он услышал (неразборчиво) Али ад-Дин 1201».

В названии списка присутствует грамматическая ошибка — использована форма мужского рода вместо женского:

قصيدة لامية للشنفرى وهو عظيم وله شروح كثير

«Касыда „Лямийа“ аш-Шанфары великая, к ней (существует) множество комментариев».

Текст начинается словами:

هذه قصيدة عجيبة تعرف بلامية العرب للشنفرى رحمه الله تعالى وهو في اللغة عظيم
الشفقين نقل ابن هشام في تلخيصه ان اسم الشنفرى ثابت بن جابر وانه احد خراب العرب
اي لصوصهم والواحد خارب وقال كان اهل الادب يقولون اولى ما تراضى به الابنا لامية
العرب والسبع الطوال فانها تفقت الالسن بالفصاحة وتهذب الاخلاق وتزيد في الفضل
قال جار الله الزمخشري في اول شرحه عليها قبيلته الازد وكان من العدائين وبه
يضرب المثل فيقال اعدى من الشنفرى وغيره من العدائين

«Этот удивительный стих под названием Лямийат ал-Араб принадлежит аш-Шанфаре, да смилуется над ним Бог! Значение его имени: толстогубый. Написал б. Хишам в своем произведении, что имя аш-Шанфары — Сабит б. Джабир, и что он один из арабов-скитальцев. Литературоведы говорили: первое, что признали единодушно следующие поколения (арабов) — это „Лямийат ал-Араб“ и семь муаллак. Они учат красноречию, воспитывают, развивают».

Далее следует ссылка на комментарий аз-Земахшари, который писал, что об аш-Шанфаре была сложена пословица, отмечавшая способность поэта к быстрому бегу:

«Быстрее, чем аш-Шанфара».

Текст в колофоне гласит:

تمت القصيدة البليغة على يد عبيد الله الستار مصطفى عماد حال كونه مأمورا بخدمة
خاصلر في... 186²

«Завершена эта выразительная касыда, (переписанная) рукой Убейда Аллах ас-Сатгара Мустафы Имада, когда он служил в (учреждении, занимающемся землераспределением) в (неразборчиво) 186».

Второй список сочинения аш-Шанфары находится в рукописи С 780 (766–77а) и также состоит в конволюте.

На первом листе рукописи стоит владельческая помета:

تملكه العبد الحقير محمد بن عبد الفتاح جميل الخط

«Принадлежит ничтожному рабу Мухаммаду б. Абд ал-Фаттаху — обладателю красивого почерка».

Список начинается словами:

وهذه القصيدة المسماة بلامية العرب

«А это касыда под названием „Лямийат ал-Араб“».

Заключительный текст на листе 77а не вписан в традиционный колофон:

تمت القصيدة بحمد الله

«Касыда окончена, слава Богу!»

Первый рассмотренный нами комментарий на сочинение аш-Шанфары принадлежит ал-Укбари³. Этот комментарий носит лингвистический характер и представляет собой анализ словоформ, использованных аш-Шанфарой. Ссылаясь на мнения известных грамматистов, таких как Сибавейхи и ал-Ахфаш, автор —

² Имеется в виду 1186 год.

³ Абд Аллах ал-Укбари (1143–1219/535–616 гг. по хиджре) родился в древнем городе Укбара, расположенном недалеко от Багдада. В детстве ученый перенес оспу, что привело к потере зрения, однако не повлияло на его тягу к знаниям: ал-Укбари обучался грамматике, логике, фикху, изучал хадисы и тафсиры у известных ученых своего времени. Ал-Укбари — автор более 30 произведений, среди которых особый интерес вызывает комментарий на произведение аш-Шанфары.

по аналогии с принципом лингвистических словарей — дает объяснения трудных слов, разбирает топонимы.

При этом ал-Укбари использует в качестве примеров аяты из Корана, а также ссылается на стихи известных поэтов. Краткость изложения является самой яркой особенностью комментария ал-Укбари. Так, текст комментария не предваряет традиционное введение, вместо этого сразу следует фраза «Сказал аш-Шанфара ал-Азди...» Многие в своей работе ал-Укбари позаимствовал из комментария аз-Земахшари. Именно поэтому мы видим в сочинениях двух ученых так много сходства.

Список сочинения ал-Укбари находится в рукописи В 92 (лл. 86а–98а) и состоит в конволюте с четырьмя списками других сочинений.

На л. 01 стоит владельческая помета:

آل بالشراء الشرعي بحمد الله تعالى وكرمه لنوبة العبد الفقير لرحمة مولاه الغني محمد
امين محمد بن رمضان رجب
سنة 1201

«Перешла (эта рукопись) законной покупкой благодаря Богу Всевышнему и его щедрости в руки бедного раба по милости его богатого господина Мухаммада Амина б. Рамадана б. Раджаба в 1201 году».

На этом же листе указано:

هذا شرح لامية العرب للشيخ الفاضل الكامل أبي البقا العكبري المصري رحمه الله
تعالى رحمة واسعة وامين وصلى الله على سيدنا محمد وعلى اله وصحبه وسلم

«Этот комментарий на (сочинение) „Лямийат ал-Араб“ принадлежит почтенному благородному шейху Абу ал-Бака ал-Укбари ал-Мисри. Да будет милостив к нему Бог всевышний великой милостью. Аминь. И пусть благословит Бог и приветствует нашего господина — Мухаммада, его семью и его сподвижников».

И далее:

والدرر الذي انتظم في شرح لامية العجم أيضا بعد ٣١ ورقة

«И жемчужины (произведений), которые были сочинены на комментарий „Лямийат ал-Аджам“, также (будут приведены) через 13 листов»⁴.

Затем:

قال أبو الهذيل العلاف لا يجوز في درر الكلام ولا في تركيب الطبيعة ولا حب في
القياس ولا في الحس ولا في الممكن ولا ال... أن يكون محب ليس لمحبوبه اليه ميل

«Абу Хазиль ал-Алляф сказал: „Невозможно ни в жемчужинах речи, ни в структуре природы, ни в любви к размеру, чувству или возможности или (неразборчиво) избежать тяги влюбленного к любимому“».

На л. 98 написано:

وهذا آخر القصيدة الموسومة بلامية العرب وصلى الله على سيدنا محمد وعلى اله
وصحبه وسلم والحمد لله اولا واخرا صحوة الثلاث ثامن عشر من رمضان والمعظم قدره
شهور سنة 1082

«Это окончание касыды под названием „Лямийат ал-Араб“. И пусть благословит Бог и приветствует нашего господина — Мухаммада, его семью и его сподвижников. Благодарю Бога в восемнадцатый день Рамадана, в великий месяц, в 1082 г.».

В собрании Восточного отдела библиотеки им. Горького СПбГУ также хранятся три списка сочинений-комментариев на произведение «Лямийа», авторство которых принадлежит аз-Замахшари⁵ [9], (780), ал-Мубарраду⁶ (781) и ат-Турки⁷ (739).

Комментарий аз-Замахшари на сочинение аш-Шанфары считается самой полной работой подобного рода. Автор тщательно анализирует грамматические и морфологические моменты текста, привлекая в качестве примера стихи известных поэтов, аяты Корана, а также наиболее распространенные пословицы. Интересно,

⁵ Абу ал-Касим Махмуд б. Умар б. Мухаммад б. Умар ал-Хоаризми аз-Замахшари родился в Замахшаре в 1075 г. (469 г. по хиджре) в небогатой семье. Он посещал начальную школу, а также обучался под руководством отца. Уже в молодые годы аз-Замахшари написал несколько филологических сочинений. Аз-Замахшари посещал Ирак, Сирию, Хорасан, имел огромное количество учеников. Скончался ученый в Хорезме в 1144 г. (538 г. по хиджре) после возвращения из Мекки.

⁶ Ал-Мубаррад — один из самых известных представителей басрийской школы грамматики, автор известной книги «Ал-Камиль», посвященной арабскому языкознанию. Абу ал-Аббас Мухаммад б. Язид б. Абд ал-Акбар, или ал-Мубаррад, родился в Басре в 826 г. (210 г. по хиджре), а скончался в Багдаде в 898 г. (286 г. по хиджре). Обучался у выдающихся ученых своего времени сначала в Басре, а затем в Куфе. Большинство трудов ал-Мубаррада связано с комментированием произведений Сибавейхи. Современники ценили ал-Мубаррада, называя его самым сведущим в грамматике ученым после Сибавейхи. Ал-Хамави, помимо отличного знания грамматики, отмечал красноречие ал-Мубаррада и каллиграфический почерк. Длительная полемика ал-Мубаррада с оппонентом из Куфы Таллабом переросла в традиционное соперничество басрийской и куфийской школ грамматики.

⁷ Информации об ат-Турки найти не удалось.

что аз-Замахшари в своих толкованиях использовал не только литературный арабский язык, но и его диалекты. Ученый ссылался на сочинения Сибавейхи, ал-Ахфаша, ал-Мубаррада и других. Особенностью комментария аз-Замахшари является то, что он обращался в том числе к фонетическому анализу текста «Лямийи».

Аз-Замахшари обращает основное внимание в своем комментарии на грамматику и синтаксис сочинения аш-Шанфары, используя при этом разнообразные примеры из Корана.

Ал-Мубаррад сконцентрировал свое внимание на толковании слов в бейтах сочинения аш-Шанфары, полностью игнорируя грамматические и морфологические вопросы. Кроме того, вопрос об авторстве комментария на «Лямийю», принадлежащего ал-Мубарраду, вызывает спор у специалистов.

Третья рукопись, в которой находится список-комментарий Мухаммада б. ал-Хусейна б. Ляджика ат-Турки на произведение аш-Шанфары, также находится в рукописном фонде библиотеки СПбГУ под номером 739 (28 л.).

Среди особенностей комментария ат-Турки на «Лямийю» следует отметить, что автор уделяет максимальное внимание толкованию трудных слов: в разделе «Ал-Гариб» («Трудные слова») приводит описание птиц, животных и пр., названия которых встречаются в сочинении аш-Шанфары, а также поясняет значение каждого бейта в разделе «Ал-Ма'ана» («Значение»). При этом, в отличие от других комментаторов, ат-Турки очень редко ссылается на сочинения ученых и практически не приводит примеров из стихов известных поэтов. В сочинении ат-Турки присутствует небольшое количество грамматических комментариев, автор приводит антонимы некоторых слов, но все эти явления не носят регулярного характера.

Несмотря на то, что сочинение аш-Шанфары уже неоднократно подвергалось исследованию со стороны отечественных, западных и арабских специалистов, анализ наиболее известных комментариев на «Лямийат ал-Араб» позволяет оценить, какие именно особенности привлекали внимание ученых. Кроме того, хранящиеся в рукописных фондах списки сочинений-комментариев на известное произведение аш-Шанфары сами по себе заслуживают тщательного изучения.

В последние десятилетия арабская рукописная книга стала представлять большой интерес для исследователей и как явление материальной культуры, и с точки зрения ее адекватного пере-

вода на русский язык. Описание и перевод арабских рукописей позволяет получить разнообразные сведения об эпохе, в которую создавалось сочинение или в которую оно было позднее переписано. Благодаря кодицилогическому и текстологическому анализу можно сделать предположение о месте создания и бытования рукописи, датировать ее, установить автора и переписчика манускрипта. Без разностороннего изучения арабских рукописей не могут быть в полной мере поняты важные аспекты средневековой культуры мусульманского мира. Таким образом, интерес к арабской рукописной книге, которая является богатым источником информации о различных областях науки, искусства, истории, политической и религиозной мысли на Ближнем Востоке и в сопредельных регионах, объясняется ее огромным историко-культурным значением.

Источники

1. *Abd al-Halim Hifni*. Лямийат ал-араб аш-Шанфары. Комментарии и исследования (Lamiyat al-arab li-Shanfara. Sharh wa dirasa). Каир, 2008. 65 с. (in Arabian).
2. *Фильштинский И. М.* История арабской литературы. V — начало X века. М.: Наука, 1985. 531 с.
3. *Ибн Абд Раббихи*. Чудесное ожерелье. Перевод, предисловие и комментарии Б. Я. Шидфар. Стихи в переводе В. Игельницкой / Сб. М.: Художественная литература, 1985. 480 с.
4. *Ал-Джахиз*. Книга о скупых. Перевод, предисловие и комментарии Х. К. Баранова. Стихи в переводе А. Ревича / Сб. М.: Художественная литература, 1985. 288 с.
5. *Демидчик В. П.* Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. Закарийа ал-Казвини и жанр мирабиллий. М.: Восточная литература, 2004. 277 с.
6. *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы (XIX — начало XX века). М.: Наука, 1971. 794 с.
7. *Крачковский И. Ю.* Аш-Шанфара. Песнь пустыни. Избранные сочинения. Т. 2. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1956. 702 с.
8. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. Пер. с араб. Л. А. Долининой и Вл. В. Полосина. М.: Наука, 1983. 142 с.
9. *Hana Y. Y. J., Akhmatshina E. K.* Copies of the manuscript Atwāq al-Dahab al-Zamahsharī from the Collections of the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the Oriental Department of Gorky Research Library of St. Petersburg State University // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 196–201.

ДОВУЗОВСКОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СФЕРА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Царёв Иван Николаевич

*(начальник ФГКОУ «Санкт-Петербургский кадетский
военный корпус»),*

Матюк Сергей Борисович

*(заместитель начальника ФГКОУ «Санкт-Петербургский
кадетский военный корпус» по учебной работе)*

Аннотация. Технологии гуманитарного сотрудничества во внешней политике, механизмы «мягкой силы» во взаимоотношениях множества государств давно уже стали важными основами укрепления внешнеполитического влияния. И Россия в этом плане не исключение. Одним из ключевых инструментов российской «мягкой силы» может стать экспорт образования, и эта сфера отношений обладает значительно большими возможностями, нежели, например, экспорт военной техники. В статье представлен первый опыт обучения детей Сирийской Арабской Республики (САР) в Санкт-Петербургском кадетском военном корпусе (СПБКВК) — довузовской образовательной организации Минобороны России. Опыт кадетского образования в Российской Федерации вполне может быть транслирован в рамках гуманитарного сотрудничества на межгосударственном уровне. В нашем случае предоставлена весьма привлекательная модель для обучения, воспитания и развития подростков — граждан САР в условиях СПБКВК.

Ключевые слова: международное гуманитарное сотрудничество, мягкая сила, кадетское образование, довузовская образовательная организация Минобороны России, уклад жизни кадетского военного корпуса.

PRE-UNIVERSITY MILITARY EDUCATION AS A SPHERE OF HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SYRIAN ARAB REPUBLIC

Abstract. The technologies of humanitarian cooperation in foreign policy, the mechanisms of “soft power” in the relations of many states have long become important bases for strengthening foreign policy influence. And Russia is no exception in this regard. One of the key tools of the Russian “soft power” may be the export of education, and this sphere of relations has much greater potential, for example, export of

military equipment. The article presents the first experience of training children of the Syrian Arab Republic in the conditions of the St. Petersburg Cadet Military Corps (SPbKVK) as a pre-university educational organization of the Russian Ministry of Defense. The experience of the cadet education of the Russian Federation may well be transmitted in the framework of humanitarian cooperation at the interstate level. In our case, a very attractive model is provided for the training, education and development of adolescents, citizens of the SAR in the context of St. Petersburg.

Keywords: international humanitarian cooperation, *soft power*, cadet education, pre-university educational organization of the Ministry of Defense of Russia, lifestyle of the cadet military corps.

Гуманитарное сотрудничество в настоящее время является эффективным инструментом международного взаимодействия и рассматривается как установление и поддержание международных контактов в сфере образования, культуры, науки, массовых коммуникаций, как фактор «мягкой силы» (иногда используются термин «сознательное влияние») государства в реализации национальных интересов. Важно подчеркнуть, что проводить реальную гуманитарную политику в состоянии только государство, предлагающее привлекательную модель собственного развития и имеющее достаточно ресурсов для реализации такой политики за рубежом [1].

В настоящее время Россия все более активно использует инструмент «мягкой силы» для развития международного сотрудничества и укрепления внешнеполитического влияния.

С марта 2011 года в Сирийской Арабской Республике (САР) продолжается противостояние между правительственными войсками и отрядами вооруженной оппозиции. Конфликт приносит неисчислимые лишения и страдания мирным жителям, и больше всего от этого страдают дети. Преследуя гуманные цели по оказанию помощи детям погибших защитников государственной независимости САР и попавшим в трудную жизненную ситуацию в получении достойного образования, на основании решения президента Российской Федерации и контракта между Министерством обороны России и Министерством обороны САР (далее — Контракт) в апреле 2018 г. восемь подростков — граждан САР, пройдя предварительный отбор и подготовку, были зачислены в 5 класс ФГКОУ «Санкт-Петербургский кадетский военный корпус» (СПбКВК).

Выбор СПбКВК как довузовской образовательной организации Министерства обороны Российской Федерации (ДОО МО

РФ) неслучаен. Кадетское образование имеет свою специфику и особенности.

1. Кадетские учебные заведения Российской империи имели богатую историю и огромный опыт подготовки высококлассных специалистов, преданных своему делу, патриотов и защитников Отечества. Современные ДОО МО РФ хранят и преумножают традиции патриотического воспитания юношества. Их создание и развитие всегда было и остается сферой особой заботы и внимания первых лиц государства, высшего руководства вооруженных сил страны.
2. Кадетские учебные заведения отличаются продуманной и качественно организованной системой нравственного воспитания, средой, насыщенной общечеловеческими, национальными, военно-патриотическими ценностями, нормами морали, заповедями и традициями, символами и ритуалами.
3. Особый уклад жизни кадетских учебных заведений учитывает возрастные особенности обучающихся и сочетает элементы воинской служебной дисциплины и института самоуправления [2].
4. В настоящее время ДОО МО РФ представляют образовательную систему, отвечающую современным требованиям, они активно развиваются и успешно готовят молодых людей к жизни, продолжению образования, карьере в военной и государственной службе [3].

Опыт кадетского образования России вполне может быть транслирован в рамках гуманитарного сотрудничества на межгосударственном уровне. В нашем случае предоставлена весьма привлекательная модель для обучения, воспитания и развития подростков — граждан САР в условиях СПбКВК.

Учитывая сложность переходного периода, необходимость адаптации детей к непривычной среде и условиям кадетского военного корпуса, обучение сирийских граждан организовано:

- 1) с 16 июля по 31 августа — на подготовительном курсе;
- 2) с 1 сентября — на полном курсе обучения совместно с гражданами Российской Федерации (срок обучения — 7 лет).

Подготовка сирийских обучающихся реализуется на безвозмездной основе. Их содержание осуществляется по нормам, установленным для обучающихся в СПбКВК российских детей.

В соответствии с учебным планом, календарным учебным графиком СПбКВК и условиями Контракта сирийским детям предоставляются зимние каникулы и летний отпуск с возможностью выезда на родину.

С первых дней пребывания в кадетском военном корпусе первокурсники, в том числе и сирийские дети, активно приобщаются к традициям, ритуалам кадетского образования, особому укладу жизни:

- ношению военной формы одежды, выполнению правил ее содержания;
- выполнению правил воинской вежливости и правил субординации;
- ежедневной строевой подготовке, обучению строевой выправке;
- точному выполнению распорядка дня;
- самообслуживанию.

С началом учебного года в соответствии с требованиями образовательных программ основного общего образования и Устава СПбКВК обучение сирийских детей проводится на русском языке.

Предметом постоянного внимания преподавателей и воспитателей является качественное усвоение учебного материала, формирование устойчивой учебной мотивации.

В рамках дополнительного образования предусмотрены занятия по арабскому языку, истории и культуре САР.

По окончании адаптационного периода и I полугодия обучения сирийских школьников зафиксированы следующие устойчивые результаты:

- обучающиеся из САР в целом адаптировались к условиям кадетского военного корпуса, без особых трудностей выполняют распорядок дня, учатся организовывать себя для решения учебных задач и задач повседневной деятельности;
- из учебных предметов лучше всего усваивается математика, с интересом — технология (труд), физическая культу-

ра. Наиболее проблемными для изучения являются история, русский язык и литература, так как еще не усвоен в полной мере русский язык.

Для решения проблем с затруднениями в освоении предметов предусмотрены часы внеурочной деятельности по специально разработанным программам по русскому языку. Для оказания помощи в преодолении языкового барьера, выстраивании эффективных коммуникаций, проведении результативной воспитательной работы, общении с родителями сирийских обучающихся на должности воспитателей приняты сотрудники со знанием арабского языка.

Внешние требования кадетской образовательной среды пока не стали внутренней потребностью учащихся САР, по-прежнему остается актуальным вопрос положительной мотивации детей к обучению в иноязычной для них среде и освоению учебного материала гуманитарных учебных дисциплин.

В связи с этим возникает вопрос о возможности и необходимости освоения детьми всего объема знаний, компетентностей (например, смыслового чтения), определенных государственными образовательными стандартами.

Эти и другие задачи постепенно разрешаются в процессе обучения и воспитания кадет.

Анализируя результаты организации первого года обучения сирийских детей, можно сделать вывод о том, что в СПбКВК сформированы условия, подобраны кадры, накоплен и обобщается опыт работы с кадетами из САР, что позволит в дальнейшем более успешно обучать следующие группы воспитанников и продолжать обучение детей, уже перешедших в 6 класс.

Обучение сирийских детей в условиях кадетского военного корпуса — ответственная и непростая задача. Но именно эти дети в будущем станут носителями и распространителями традиций русской культуры, русского воинства в своей стране. Это серьезный шаг к проникновению культур, к укреплению дружбы и взаимопонимания российского и сирийского народов. Решения такого рода задач способствует укреплению международного авторитета России, ее внешнеполитического влияния в странах Ближнего Востока.

Источники

3. *Великая А. А.* Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // *Право и управление. XXI век.* 2012. №3 (24). С. 63–72.
4. *Иордан А. Б.* Честь родного погона: Книга о традициях в Российских кадетских корпусах. М., 2003. 509 с.
5. *Саханский Н. Б.* На службе Отечеству (к 70-летию образования суворовских и нахимовских училищ) // *Управление образованием: теория и практика.* 2013. № 2. С. 12–16.

THE IMPACT OF IRAN'S FOREIGN POLICY ON ITS ECONOMIC DEVELOPMENT: A COMPARATIVE STUDY OF KHATAMI, AHMADINEJAD, AND ROUHANI'S ADMINISTRATIONS

Bijan Aref

*(PhD student in Political science and regional studies,
Saint Petersburg State University)*

Ejazi Ehsan

(PhD in International Relations, University of Guilan, Iran)

Lakzi Mehdi

*(PhD in Political science, Islamic Azad University Central Tehran Branch,
Tehran, Iran)*

Abstract. This article examines the effects of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran on its economic development in the reformist as well as the ninth and tenth government, thereby seeking to present the eleventh state policy in the field of foreign policy. The main question of this article is: "Is there a connection between foreign policy and economic development in Iran?". To answer this question, a theoretical framework of the development-oriented foreign policy has been used together with some examples from China and Nigeria. The paper considers the application of a realistic foreign policy to create more opportunities for success in economic growth. Furthermore, it seeks to show that Iran's economic development in the post-Islamic revolution era has been depended on political and economic cooperation with developed countries. Given these points, this article considers the choice of a developing country approach to foreign policy in the sense of accepting the current world order. Therefore, it can be concluded that Iran's economic development depends on its foreign relationships with large economies.

Keywords: Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran, Economic Development, Khatami, Ahmadinejad, Rouhani.

Introduction

Following the victory of the Islamic Revolution in Iran, several discussions were taken place on Iran's foreign policy towards Western countries. After the Iran-Iraq War (known as the imposed war), Iranian statesmen and politicians showed much interest in foreign policy issues;

however, they could revive Iran's damaged relations with European countries. During the Sacred Defense, Iranian politicians had learned that any diplomatic relation with European countries could have its own political, economic, and cultural consequences. Therefore, since 2009, the Iranian government has been trying to improve Iran's relations with a number of Western countries. Of course, the United States and the Israeli regime were no exception.

On this basis, this paper tries to discuss the economic consequences of Iran's foreign relations. In this regard, it will compare the influence of Iran's foreign policy on its economic development during the reformist as well as the ninth and tenth governments. Finally, it will try to draw a road map for the 11th state based on its experiences. Thus, the main question of this article is: "Is there a connection between Iran's foreign policy and its economic development?"

In the first part, the theoretical framework of the discussion about the foreign policy of the development-oriented governments is described and the developmental foreign policy of the two governments of China and Nigeria is examined on a case by case basis. In the second part, the general principles of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran are explained. In the third part, the government's approach to foreign policy and its impact on Iran's economic development is introduced. Similarly, in the fourth part, the impact of the 9th and 10th governments' approach to foreign policy on Iran's economic development is assessed. In the fifth part, we will try to set a road map for the government in order to moderate it using the experiences of the reformist government and its principles, thereby enabling it to adopt a foreign policy that has increasingly helped Iran's economic development.

1. Theoretical Framework

The concept of the "*developmental state*" was first raised by Chalmers Johnson on the development of Southeast Asian countries, including Taiwan and South Korea [1, p.69]. Then, Adrian Leftovich expanded the concept of development. He featured a development-oriented state, suggesting that the three of them will find the most relevant link with a development-oriented foreign policy. These three features are: (1) the existence of elites committed to the development goals, (2) the relative independence of the state apparatus, and (3) the ability to effectively manage domestic and foreign economic resources [2, p.124]. From

another point of view, the developmental government plays an important role in the country's economy, as it tries to protect the country's main industries against foreign companies [3, p. 11].

After the collapse of the Soviet Union and the expansion of the process of globalization, development strategies were dramatically transformed. These changes included moving to the market economy. These conditions made the policymakers steadily increase the legitimacy of its own government [4, p. 18]. In fact, in the present situation, governments have become capable of moving towards development, prosperity, and permanent development as an important basis for legitimizing the political system and promoting national security [5, p. 321].

In order to achieve economic development, countries can adopt three global strategies for the international system. These three strategies include accepting the status quo, confronting the status quo, and modifying the status quo. In the Strategy of Conflict, it tries to bring about a fundamental change in the current order as well as the rules and norms that support it by mobilizing national and international resources. Unlike the opposite strategy, in the strategy of accepting the status quo, it attempts to follow the rules and institutions governing communication between actors. In the current state-of-the-art reform strategy, which is somehow a moderate one, desired changes through a systematic and consensual approach are pursued. The starting point for this strategy is to move smartly and purposefully from within the existing rules and norms, and try to make a difference and consensus. Diplomatic tools can be used in this strategy [4, p. 22–24]. Countries adopting the third strategy not only seek to maintain the international system but also to put in place a developmental foreign policy on their agenda. Such countries can draw their own policy process based on the following features.

1. Prioritizing development.
2. Improving relations with other countries. In this regard, regional as well as developed industrial countries are prioritized.
3. First, to ensure their national security and then to develop a development-oriented foreign policy.
4. The basis of their relationship with other countries should be based on differences rather than conflicts [4, pp. 81–83; 6, p. 28].

However, experience has shown that the foreign policy of development-minded governments has led to ups and downs due to struc-

tural changes and impacts from transitional environments. Countries in transition not only suffer from social and economic changes, but their foreign policy will be overwhelming. However, if these countries can stabilize, balance, and optimize their foreign policy behavior and orientations, they can achieve more productive outcomes to reach their strategic goals [7, pp. 150–151]. Hence, in the field of foreign policy, developmental governments consider several principles of peaceful coexistence, détente, confidence building, and multilateralism [8, pp. 367–368].

With regard to the aforementioned principles, the two governments of China and Nigeria have been able to adopt their foreign policy in line with their country's economic development goals. During the tenure of Deng Xiaoping and Chuan Lei, the Chinese Communist Party's (CCP) attitude towards international politics changed. This change, which became more apparent after the third summit of the eleventh summit of the Central Committee of the Communist Party, has two important characteristics. First, the Communist Party's perspectives on war and peace were the same as the main issues of international politics, the party concluded that in the long run, a comprehensive war would not occur. Second, economic development was the main focus of shaping China's foreign policy behavior in the international system [9, p. 516]. Accordingly, China has set up its foreign policy according to Dang, which says China needs for a period of peace in order to become powerful and influential [10, p. 464]. Such an approach in the policy making made it possible for China to achieve its development goals by addressing national security concerns.

Nigeria is another example of a developmental state that has been able to focus its foreign policy on economic development in recent years. In order to achieve this, Nigeria has expanded its foreign policy capabilities. Hence, Nigeria's fourth president, Goodluck Jonathan, has put it on the agenda for being the top priority for the Nigerian government. Under this agenda, Nigeria has established its foreign policy based on three goals: 1) Nigeria remains as an important actor in regional politics; 2) establishing foreign relations with the aim of economic development, and; 3) improving Nigerian status at the international level. Reports released recently by PricewaterhouseCoopers (PwC) predict that Nigeria will become the world's 13th biggest economy in 2050. In addition, economic indicators suggest an economic recovery in the country. According to the economic data, inflation dropped from 12.4 % to 9.1 % in 2011. Foreign reserves increased from 32.88 billion dollars in 2011 to

48.4 billion dollars in 2013. In addition, Nigeria has attracted 7 billion dollars in foreign investment in recent years [11, pp. 7–8]. Nevertheless, it has faced serious challenges in its development. These challenges are related to institutional deficiencies. These institutional deficiencies are: 1) the absence of a competitive, modern, and strong government; and 2) the lack of a rule of law guaranteeing property rights, citizenship security, and transparency in transactions [12].

2. Principles of the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran

Since the formation of the Islamic Republic of Iran in 1979, Iran has chosen the foreign policy that simultaneously considered national interests and Islamic interests. These two general goals of Iranian foreign policy, derived from the Shi'a Islamic ideology, have had a lasting and profound effect on the actions, responses, and behavior patterns of the diplomats of the Islamic Republic of Iran [13, p. 167]. In order to achieve these two fundamental Iranian foreign policy objectives are based on general principles that can be expressed as follows: 1) prefer nations to governments in international relations; 2) combating US; 3) fighting against Israel 4) highlighting on the importance of political independence; 5) opposing the veto system in the Security Council [10, p. 249]; 6) the issuance of the Revolution; 7) rejecting the domination system; 8) preserving the unity of Muslims; 9) rejecting the interference in the internal affairs of other countries; 10) fighting against the mercenaries and the defending the oppressed; 11) highlighting the principle of Neither East Nor West; and 12) Supporting the liberation movements [14, p. 19].

In addition, some of the principles of the Constitution of the Islamic Republic of Iran (Articles 155–152) implicitly or explicitly contain the above principles in the field of foreign policy. As an example, Article 152 of the Iranian Constitution states that “the foreign policy of the Islamic Republic of Iran, based on the negation of any domination, the maintenance of universal independence and the territorial integrity of the country, defending the rights of all Muslims and non-alignment with the dominant powers, and the peaceful mutual relations with non-militant states” [15]. Accordingly, Ayatollah Khomeini also considered Iran to be the supporter of the oppressed people in the world because it was true that Islam was the protector of the oppressed. Moreover, the late leader of the Islamic Revolution criticized the hurriedness of improving relations with the Western countries: “There is no need for

us to seek extensive relations because then the enemy thinks we are so dependent and in need of them. We totally reject their insults to our religious beliefs and sacraments” [16, p. 73]. Based on these views, some Western writers describe Imam Khomeini’s worldview as anti-Western and post-colonialist in foreign policy [17, p. 20]. In fact, the focal point of Iran’s foreign policy is based on a “revolutionary anti-Western identity” [18] which appears in each era in a particular way.

On the other hand, the principles outline the “anti-hegemonic” and “anti-persistent” nature of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran. It shows that, following the Islamic Revolution, Iranian politicians have selected two fundamental strategies in the field of foreign policy for the Islamic Republic of Iran: East and South-South alliance [19, p. 284]. Such strategies have made the Islamic Republic of Iran not only extremely critical of the international institutions founded and directed by Western countries but also organize an active international partnership with the South. Iran, for example, has always been critical of organizations such as NATO and institutions such as the Security Council. On the other hand, it has played an active role in movements such as the Non-Aligned Movement (NAM). Of course, such initiatives were accepted by the late leader of the revolution and the Iranian people because they hated the spread of foreign influence in Iran. Additionally, they had a firm conviction that foreign powers, especially Western powers, had created several problems for decades for Iran [20]. However, at times, Iran’s foreign policy doctrine has suffered insufficient coherence. Richard Haass, in the field of the foreign policy coherence, reminds us that a foreign policy doctrine should pursue beneficial goals, determine the path to general policy, and help determine priorities. In addition, foreign policy doctrine also determines the level of resource allocation [21]. However, while the principles of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran have remained constant for many years, various governments have had different interpretations of these principles and, consequently, adopted different approaches in their foreign policy.

Considering the different divisions of the Iranian internal political factions, some of which divided into two groups of conservatives and reformists [14, p. 4] and some divided into three groups of fundamentalists, pragmatists, and reformists [22]. Fundamentalists are politicians who are determined to set their domestic and foreign policies based on the “foreign policy, 2013”. Unlike them, pragmatists face more flexibility with foreign policy problems. In fact, pragmatists take their decisions

based on evidence, consider the advantages and disadvantages of alternative policies, and if their policies lead to unsuccessful results, they will quickly reverse their policies [23] In the years after the Islamic Revolution, it has been attempted to balance the national and Islamic interests so that Iran's foreign policy proceeds on the basis of the principles of "national interests", which are based on national interests and transnational responsibilities [24, p. 112].

In this article, three out of eight Islamic Republic of Iran discourses in the field of foreign policy are reviewed. Indeed, the discourses of Iranian foreign policy after the Islamic Revolution, including the discourses of liberal nationalism, Islamism, Islamic idealism, Islamic pragmatism, Islamic realism, Islamic peace, justice-oriented fundamentalism, and seditiousness: idealism is realistic. In this article, however, we will examine three discourses of Islamic Peacemaking (the reformist government), justice-oriented fundamentalism (Ahmadinejad administration) and realism: realistic idealism (11th egalitarian state) [13]. Despite the fact that post-Islamic governments adopted different approaches to foreign policy, they all tried to stay loyal to the principles of foreign policy and the constitution.

3. The Impact of Khatami Administration's Foreign Policy on Economic Development

With the victory of the reformists in the Iranian presidential election of 1997, some Western media outlets called the "reformist government" — either wrongly-called "Gorbachev of Iran" because they thought they were going to make structural changes in Iran's political system [25, p. 45]. However, the principles of the foreign policy of the reformist government were based on computation and communication rationality, the priority of software power, the priority of national interests, the originality of national as well as Islamic interests, and ideological goals. The foreign policy apparatus of the government did not consider reforming the international order and status desirable, though believed that in order to establish a just global system, it should be based on the principles of détente, confidence building, peaceful coexistence, mutual respect and dialogue, and the logic of communication [13, pp. 124–126].

Nevertheless, the victory of reformists along with the increasing sensitivity of Western governments to Imam Khomeini's fatwa against Salman Rushdie (the author of the Satanic Verses) and the assassina-

tion of one of the Kurdish leaders of the Islamic Republic of Iran opposition party in Germany, has led the European Union to pursue all political and diplomatic relations [14, p.62; 26, p.62]. The incident led the government to pursue more reformist policies, to the extent that Foreign Minister Kamal Kharrazi was “Robin Cook”. The British Foreign Secretary promised that Iran does not intend to threaten the life of the author of satanic verses anywhere [26, p. 62]. Certainly, the policy of dampening the reformist government could be considered as the continuation of the foreign policy of the construction government, since Akbar Hashemi Rafsanjani had begun this policy in his government by initiating critical talks with the European Union [27, p.213; 28]. Indicators of détente policy include issues such as constructive engagement with European countries, long-term stability in the Middle East, Iran’s active participation in international institutions, the promotion of the idea of dialogue between civilizations, and the strengthening of the role of organizations such as the Organization of the Islamic Conference, which will later change Islamic Cooperation and the Non-Aligned Movement [29, p.203]. Based on these indicators, the Islamic Republic of Iran has been calling for improved relations with all countries that respect independence and interests of Iran [30]. Regarding the relationship between Iran and the United States, the head of state did not approve of intergovernmental reforms and believed that talks could take place between nations through cultural, academic, and sports interactions [31, p.54]. He believed that nothing could prevent the dialogue between thinkers and intellectuals in Iran and the United States. However, he advised that initially there should be academic, cultural, and sports interactions between the two countries, in order to pave the way for further dialogue [32]. Considering the foreign policy of the reformist government, the Iranian Foreign Ministry has taken practical steps in this regard, including the academic and sports interagency between Iran and the United States, resumption of relations with European powers, negotiations with Britain, France, and Germany on Iran’s peaceful nuclear program, extensive cooperation with the International Atomic Energy Agency, reconciliation with the Gulf states (especially Saudi Arabia), financial and moral support for the Karzai administration in Afghanistan, maintaining constructive relations with China and Russia, and efforts to integrate. Iran becomes an international community [33, p. 10].

By adopting a policy of détente from Iran, the European Union decided to begin constructive talks with Iran, which continued until

2002. In 2000, a working group on trade and investment was formed. In 2001, the EU member states agreed to expand their cooperation with the Islamic Republic of Iran on the basis of two instruments of economic and trade cooperation and political document [34, p. 6; 28, P.232]. Notwithstanding, after 9/11, the former US President George W. Bush labeled Iraq, North Korea, and Iran the “Axis of Evil”, accusing the Islamic Republic of Iran of trying to achieve nuclear weapons [35, p. 422].

By preventing the Islamic Republic of Iran from adopting a deconstructionist policy, a good environment was provided for economic cooperation between Iran and Western industrialized countries. In this regard, Iran was able to conclude contracts with foreign companies in the oil and gas sector with respect to investment and activities in oil and gas fields. Such contracts provided currency resources, new technologies, and many technical pieces of equipment for Iran’s oil and gas industries. Some of the contracts signed between Iran and European countries are as follows [28, pp. 247–248].

1. The contract for the Siri-D and Siri-E oil fields with the French Total Company worth 610 million dollars in 1995.
2. The 2nd and 3rd Phase contracts of South Pars gas field with a consortium of Total companies of France, Gazprom Russia, and Petronas Malaysia worth 2 billion dollars in 1997.
3. The 4th and 5th Phase 4 contracts of the South Pars gas field were signed by a consortium of the Italian company Ayib (from the subsidiaries of ANI) and Petronas Company worth 2 billion dollars in 2000.
4. A good oil deal with a consortium of A. Frank Actin and Ajib Italy worth 540 million dollars in March 1999.
5. Balal Oil Field contract with a consortium of Alf and Bowie (Canada) worth \$ 169 million in 1999.
6. Soroush and Nowruz oil contracts with Shell Company worth 799 million dollars in 1999.
7. Darkhovin oil deal with Italy worth 548 million dollars in 2001.

In addition to the above contracts, it can be noted that the European Union became one of the largest trading partners of Iran during the reforms. The amount of trade between Iran and the EU in the final years of the reformist government is as follows:

Table 3-1. Iran's imports from the major European countries, unit: million dollars [36]

Year/country	2000	2001	2002	2003	2004
France	618	1108	1317	2261	2584
England	509	661	690	887	1029
Germany	1540	1804	3770	3039	4479
Italy	866	996	1388	1676	2431

Table 3-2. Iran's export to major European countries, unit: million dollars [36]

Year/country	2000	2001	2002	2003	2004
France	44	59	35	36	48
England	37	34	25	33	70
Germany	354	312	288	347	325
Italy	191	191	156	169	308

Moreover, the amount of Iran's of imports from and exports to various countries during the reform period is presented in the following tables.

Table 3-3. Iran's imports, unit: million dollars [36]

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Million dollars	14 109	14 068	12 531	14 586	18 039	22 076	26 453	35 226

Table 3-4. Iran's exports, unit: million dollars [37]

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Million dollars	2872	3012	3356	3723	4204	4579	5922	6803

In addition to increasing trade exchanges, the government's tightening foreign policy has had a positive impact on key indicators of Iran's economic development as well. The indicators below can be clearly seen in the following tables [37].

Table 3-5. Foreign Direct Investment

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Million dollars	53	24	35	39	408	3519	2877	3037

Table 3-6. GDP

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Million dollars	106.4	97.9	104.7	96.4	115.4	116	137.4	168.5

Table 3-7. GDP Growth

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Percentage	3.4	2.7	1.9	5.1	2.3	7.4	8.8	5.7

Table 3-8. Inflation [38]

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Percentage	19.3	19	17.9	11.3	11.7	17.7	13.7	15.7

Table 3-9. Unemployment Rate [38]

Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Percentage	12.8	13.6	15.8	16	16.6	12.2	11.3	10.3

The tension-and-development-oriented foreign policy between 1997 and 2004 led to a rise in economic indicators such as GDP and foreign direct investment (FDI) in Iran, in order to provide the necessary resources to advance industrial and development projects. As the aforementioned statistics show, GDP and the rate of foreign investment in the reformist government have grown. For example, the FDI increased from 53 million dollars in 1997 to 3,375 million dollars in 2004. In addition, the reformist government, although not able to reduce unemployment and inflation, somewhat managed to control unemployment and inflation.

In fact, the reformist government was able to boost investment in the Iranian economy by adopting a friendly and flexible foreign policy

towards other countries, especially the European industrialized countries. Furthermore, Iran's economic growth in the last three years of the government experienced more than 7 to 8% reforms, which has not been repeated so far. In fact, one can conclude that pursuing a realistic and tension-oriented foreign policy can provide the necessary political stability for the country's economic development. Ultimately, the foreign policy of the reformist government guaranteed Iran's national security and, on the other hand, minimized its conflicts with European governments through constructive negotiations with the European Union. In such a situation, Iran's exports increased dramatically from 28 billion dollars in 1997 to 68 billion dollars in 2004. All of this shows that a realistic and pragmatic foreign policy can be of great assistance to developing economies in developing countries.

4. Impact of Mahmoud Ahmadinejad's Foreign Policy on Economic Development

With the onset of Mahmoud Ahmadinejad's presidency in 2005, a new chapter was opened in Iran's foreign policy towards the developed Western countries. He won the presidential election of the ninth term with a promise to support the oppressed and to follow the principles of the Islamic Revolution. His loyalty to the Islamic Revolution caused his foreign policy to be based on the elements derived from the discourse of the Islamic Revolution. These elements included (1) ignoring international institutions, (2) seriously fighting Israel, (3) criticizing major powers for their interventionist policies, and (4) criticizing the kind of relationship between the north and the south [29, p. 203]. These pillars appeared well in his first speech to the UN General Assembly, as Mahmoud Ahmadinejad seriously questioned the authenticity of the 9/11 events [39, p. 92]. In addition, Ahmadinejad's government tries to exacerbate the situation of Israel with political, financial, and even military support to the Islamic Movement of Hamas and Hezbollah in Lebanon [40]. Ahmadinejad, on the other hand, was engaging with the international community as well and negotiations with the United States on Iran's nuclear program were ready [41, p. 100]. However, when Iran changed its nuclear diplomacy based on unconditional cooperation with the International Atomic Energy Agency and exclusive discussions with European countries, unilateral and multilateral sanctions were imposed one after the other against the Islamic Republic of Iran. He then advanced Iran's new nuclear policy by passing two steps. First, Iran

announced that it would resume negotiations with the International Atomic Energy Agency, but would not negotiate on stopping the enrichment process. Second, Ahmadinejad's government had adopted a decree on the participation of foreign governments in Iran's nuclear program [42, p. 10]. Even Mahmoud Ahmadinejad stated that "we are now a nuclear state and we have the nuclear fuel technology which nobody can take it from us" [43, p. 9]. He likened Iran's nuclear program to a train without brakes [44, p. 41]. Meanwhile, the issue insisted that Iran tended to negotiate on the basis of fairness and mutual respect and at the highest level [45, p. 77]. However, Iran completed the enrichment process in 2006 and in 2008 the low enriched uranium for a single nuclear weapon was produced. Additionally, Iran tested missiles capable of targeting Israel and southeastern Europe.

Ultimately, upon adopting such a foreign policy by Iran, the Security Council, the United States, and the European Union imposed economic sanctions on Iran. Security sanctions included several sanctions resolutions, such as resolutions 1737, 1747, 1803, and 1929 [46].

1. Executive Order 13382 (2005): Sanctions on Proliferation of Weapons of Mass Destruction
2. Sanctions on Financial Transactions (2006)
3. Executive Order 13590 (2011): Iran's Energy Sanctions
4. Executive Order 13599 (2012): Ban on Central Bank of Iran (CBI)
5. Executive Order 13606 (2012): Banning Human Rights Offenders [47]

In addition to the United States, the European Union too imposed unilateral sanctions on the Islamic Republic of Iran, including:

1. Prohibiting the export of dual-use technologies (2012)
2. Cut off from Swift (2012)
3. Iran's Oil Sanctions (2012)
4. Additional EU sanctions (2012) [47]

In addition to enforcing oil sanctions, the United States and the EU urged countries such as China, Japan, and South Korea to gradually cut imports from Iran. Such sanctions have pushed Iran's oil exports to fall to 1.1 million barrels per day in 2012, from 2.3 million barrels per day in 2011.

Reducing Iranian oil exports has led to a reduction in Iran's oil revenues from 4 to 8 billion dollars by late 2012. In addition to reducing oil

revenues, economic sanctions have reduced the value of the Rial relative to the dollar by about 300 %. [20].

As a result, Iran's foreign policy in the ninth and tenth governments led to massive economic sanctions on Iran, and consequently, Iran's post-war foreign policy has faced major challenges. These conditions have had a significant impact on Iran's trade with Western industrialized countries and Iran's economic development indicators, which are detailed in the following tables. [36]

Table 4-1. Iran's imports from the most important European countries, unit: million dollars (Tehran Chamber of Commerce, Industry, Mines and Agriculture, 2016). Some US sanctions are included as well

Year/country	2008	2009	2010	2011	2012
France	1992	1665	1967	1796	929
England	2038	1652	731	140	399
Germany	5368	4657	4566	3435	2832
Italy	1979	1896	1745	1687	1084

Table 4-2. Iran's exports to the most important European countries, unit: million dollars (Tehran Chamber of Commerce, Industries, Mines and Agriculture, 2016)

Year/country	2008	2009	2010	2011	2012
France	64	53	58	60	36
England	59	43	48	36	38
Germany	319	349	346	415	356
Italy	325	435	336	249	199

Table 4-3. Foreign Direct Investment (World Bank, 2015)

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Million dollars	2889	2317	2017	1979	2983	3648	4276	4661

Table 4-4. Iran's imports, unit: million dollars (Tehran Chamber of Commerce, Industry, Mines and Agriculture, 2016)

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Million dollars	39 131	41 544	48 385	55 830	54 889	55 729	57 487	51 359

Table 4-5. Iran's exports, unit: million dollars (Tehran Chamber of Commerce, Industries, Mines and Agriculture, 2016)

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Million dollars	10 439	12 853	15 290	18 311	21 887	26 548	33 805	31 752

Table 4-6. GDP [48]

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Million dollars	202.9	241.7	307.4	350.4	360.6	419.1	541.1	398

Table 4-7. GDP Growth [48]

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Percentage	3.3	5.7	6.4	1.5	2.3	6.6	3.9	-6.6

Table 4-8. Inflation Rate [48]

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Percentage	8.1	15.7	22.5	17.7	10.5	19.7	20.5	41.2

Table 4-9. Unemployment Rate [48]

Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Percentage	12.1	12.1	10.5	10.4	11.9	13.5	12.3	12.2

As the economic statistics in the ninth and tenth governments suggest, the adoption of an idealistic foreign policy is not consistent with Iran's economic development. For example, Iran's tensions with other countries, especially the Western ones, have reduced Iran's exports to other countries. Iran's severe controversy with the P5+1 on Iran's nuclear program has led to tough sanctions against Iran, which left a negative impact on its economic indicators. Although Mahmoud Ahmadinejad administration was able to increase the amount of foreign investment, oil prices raised and economic indicators, such as the economic growth were declined and the inflation rate increased sharply. In addition, Iran's exports to major European industrial countries, such as France, Germany, England, and Italy, continue to fall. However, the Islamic Republic

of Iran managed to become one of the world's 20 largest economies in terms of gross domestic product and equal purchasing power in the late Ahmadinejad presidency era [49].

Indeed, the pursuit of an idealized foreign policy caused tensions between Iran and other countries, which in turn left negative effects on the key indicators of economic development. Eventually, this led to the 10th government being urged to negotiate with the P5+1 group in the final year in order to reduce the controversy of the Islamic Republic of Iran with other countries to the extent possible.

5. The Rouhani administration's development policy

Hassan Rouhani won the slogan of avoiding extremism in the field of domestic and foreign policy in the 2013 Iranian presidential election. By adopting the moderation discourse, Rouhani put his foreign policy on the basis of peaceful coexistence, mutual trust, mutual respect, legitimate and mutual interests, and understanding [13, p. 183]. Accordingly, The Rouhani administration tried to resolve Iran's nuclear program by negotiating with the P5+1 countries in such a way as to ensure lifting the international sanctions against Iran. In fact, by linking international sanctions and economic problems to Iran's nuclear file, Rouhani believed that by adopting a tension-oriented policy, sanctions against Iran would be canceled in order to pave the way for Iran's economic development. One of the main priorities of the government has been the reconstruction of the Iranian economy. He hopes to integrate the Iranian economy into the international marketplace by adopting a development-oriented foreign policy, so that Iran's economy will be among the top ten economies in the next three decades [50, p. 5].

The Developmental foreign policy of the eleventh government places economic development and national livelihood at the forefront of the hierarchy of its foreign policy goals. Thus, the most fundamental objective of the development-oriented foreign policy is the use of diplomacy in order to improve the country's economic situation and national livelihood. In this regard, The Rouhani administration has established economic and national development as its main goal in foreign relations [13, p. 193]. Such a foreign policy led to a 1.4% increase in Iran's GDP in 2014. Although the realistic and tension-oriented foreign policy has led to a gradual increase in Iran's oil revenues, revenues from oil exports alone cannot guarantee Iran's economic development because Iran's economy depends on the skilled workforce with university degrees.

As a result, The Rouhani administration should diversify the Iranian economy and activate the manufacturing and industrial sectors. The 11th government should also export non-oil commodities to countries, such as South Korea, China, Malaysia, and Taiwan [49].

On the other hand, The Rouhani administration has been trying to bring the technocrats and developmental elites into the cabinet to expedite economic development. Ultimately, it seems that the adoption of a tension-oriented foreign policy is essential to achieving the economic development goals; however, the eleventh government must be able to resolve domestic economic problems, such as over-management, corruption, inflation, and unemployment [51]. Otherwise, tension in foreign policy and consequently the growth in trade and foreign investment cannot alone pave the way for Iran's economic development.

Conclusion

Experiences from countries such as China have shown that the pursuit of a tension-oriented and realistic foreign policy can be effective in the country's economic development. Indeed, countries such as China have been able to peacefully lead the development-oriented elites such as Chuen Lei to the outside world in order to bring economic growth to their country. China's political elite, therefore, recognized the importance of adopting a tension-oriented foreign policy and put in place a broad political and economic relationship with developed countries.

In this regard, after the Islamic Revolution and the Imposed War, the political elite in the Islamic Republic of Iran have realized that in order to achieve economic development, the peaceful relations between Iran and the great powers are inevitable. Hence, the government placed reforms in the policy of *détente*, mutual respect and dialogue, and negotiation at the top of its foreign policy priorities. In the area of action, the government began constructive dialogues with the EU. Such a trend has led to an upward trend in economic indicators, such as trade and foreign investment.

After Ahmadinejad took office, the idealistic dimension of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran became more colorful. As the tensions between Iran and the P5+1 countries resulted in the establishment of unilateral, multilateral, and international sanctions against Iran due to Iran's nuclear program, international sanctions particularly the sanctions on the financial, banking, and petroleum sectors, have led to some tangible economic downturns. In such a situation, The Ah-

madinejad administration decided to change its foreign policy towards the P5+1 in its foreign policy priority.

Economic dilemmas caused by international sanctions led to the victory of Hassan Rouhani in the 2012 Iran's presidential election. He promised to solve economic troubles caused by international sanctions and to improve Iran's economic conditions by removing international sanctions. Accordingly, the eleventh government decided to improve Iran's security, on the one hand, by adopting a tension-oriented foreign policy, and on the other hand, Iran's conflicts with developed countries and its peripheral environment would be minimized. As a result, the eleventh government was determined to reduce its conflict with the existing international order by continuing negotiations with the P5+1 and ultimately resolving Iran's nuclear program. According to the eleventh government, the adoption of such a policy would lead to the creation of appropriate circumstances for Iran's economic development.

References

1. *Cohn T. H.* Global Political Economy. New York: Pearson Education. 2012.
2. *Khosravi A., MirMohamadi M.* Politics and Development in the Third World. Tehran: Contemporary Abrar. 2005, p. 124.
3. *Balaam D. N., Dillman B.* An Introduction to International Political Economy. New York: Pearson Education. 2011, p. 11.
4. *Vaezi M.* The Place of the Constructive Engagement in the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran". In: Proceedings of the 20th Anniversary of the National Conference on Development Policy. Tehran: Strategic Research Institute, Foreign Policy Studies Group. 2007, pp. 81–83.
5. *Mousavi S., Seyyed M.* A Developmental Approach to Iran's Foreign Policy, Essentials and Challenges. Quarterly Journal of Policy, 2010, vol. 40, no. 2, p. 321.
6. *Sariolghalam M.* The Constant Principles of Producing National Wealth, Proceedings of the Developmental Foreign Policy. Tehran: Expediency Discernment Council, Strategic Research Institute, and International Studies Group, 2008, p. 28.
7. *Motaghi I.* Factors and the process of reversibility in Iran's foreign policy, Proceedings of the Developmental Foreign Policy. Tehran: Expediency Discernment Council, Strategic Research Institute, and International Study Group, 2008, pp. 150–151.
8. *Dehghani F., Seyyed J.* The Necessities and Function of Diplomacy in Developmental Foreign Policy", Proceedings of the Developmental Foreign Policy. Tehran: Expediency Discernment Council, Strategic Research Institute, and International Studies Group. 2008.

9. *Shariati N.* The Changing Process in China's Foreign Policy; From Enlightenment to Developmentalism, Proceedings of the Developmental Foreign Policy. Tehran: Expediency Discernment Council, Strategic Research Institute, and International Study Group, 2008.
10. *Sariolghalam M.* Rationality and Development in Iran. Tehran: Farzan Dawa, 1991, p. 464.
11. *Lateef, L., Daiyabu M. H.* The Development Diplomacy in a Globalized World: The Imperatives of Soft Power in Nigeria's External Relations under the Transformation Agenda of President Goodluck Jonathan. *International Affairs and Global Strategy*, 2015, vol. 28, pp. 5–12.
12. *Fukuyama F.* The Political order and political decay. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2014.
13. *Dehghani F., Seyyed J.* Discourse on the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran from Bazargan administration to The Rouhani administration. Tehran: Addressee, 2014.
14. *Salehzadeh A.* Iran's Domestic and Foreign Policies. Working papers. Helsinki: National Defense University (NDU), Department of Strategic and Defense Studies. No. 49. 2013, p. 4.
15. Islamic Consultative Research Center (2016). Available at: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution, (access date: 12.20.2018).
16. *Ramezani R.* Issue of the Iranian Revolution: Politics, Objectives, and Instruments, in the Iranian Revolution and its Global Reflection. Tehran: Center for the Recognition of Islam and Iran, 2009.
17. *Ottolenghi E.* The Strategic Logic of Iran's Nuclear Drive. *Defense Dossier*, 2014, June, Iss. 11, pp. 1–23.
18. *Mohammad N.* Discourse and Identity in Iran's Foreign Policy. *Iranian Review of Foreign Affairs*, 2012, vol. 3, no. 3, pp. 29–64.
19. *Mohammad N.* A Holistic Constructivist Approach to Iran's Foreign Policy. *International Journal of Business and Social Science (IJBSS)*, 2011, vol. 2, no. 4, pp. 279–294.
20. *Pollack K.* Unthinkable. New York: Simon & Schuster, 2013.
21. *Haass R.N.* Foreign Policy Begins at Home: The Case for Putting America's House in Order. New York: Basic Book, 2013.
22. *Sadjadpour K.*, the Rise and fall of Iran's Ahmadinejad. Available at: http://www.washingtonpost.com/opinions/therise-and-fall-of-iransahmadinejad/2011/07/08/gIQACK4ADI_story.html (access date: 02.12.2020).
23. *Hook S.* The U.S. Foreign Policy: The Paradox of World Power Canada: SAGE Publ. 2005.
24. *Haghighat S.* The Basis of Political Thought in Islam. Tehran: Samt, 2013.
25. *Milani A.* The U.S. Foreign Policy and the Future of Democracy in Iran. *The Washington Quarterly*, vol. 28, no. 3, pp. 41–56. 2005.
26. *Ramezani R.* Reflections on Iran's Foreign Policy: Spiritual Pragmatism. *Iranian Review of Foreign Affairs*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 53–88.

27. Iranian Diplomacy, "Ayatollah Hashemi Rafsanjani Knows Today's World". Available at: <http://www.irdiplomacy.ir/en/page/1916229/Ayatollah+Hashemi+Rafsanjani+Knows+Today%E2%80%99s+World.html> (access date: 12.02.2020).
28. *Jafari V.* Iran's Foreign Relations (after the Islamic Revolution). Tehran: The Voice of the Light, 2003.
29. *Soltani F., Ekhtiari A.* Iranian Foreign Policy after the Islamic Revolution. *Journal of Politics and Law (JPL)*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 199–206.
30. *Clawson P., Eisenstadt M., Kanovsky E., Menashri D.* Iran under Khatami. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 1998.
31. *Hunter S.* Iran's foreign policy in the post-Soviet era: resisting the new international order. Santa Barbara: Praeger, 2010.
32. *Sciolino Elaine.* Available at: <http://www.ny.mes.com/1998/01/08/world/seeking-to-open-a-door-to-us-iranian-proposes-cultural-.es.html> (access date: 12.12.2019).
33. *Ramezani R. K.* Iran's Foreign Policy: Independence, Freedom, and the Islamic Republic. In *Iran's Foreign Policy from Khatami to Ahmadinejad*, by Anoushiravan Ehteshami and Mahjoob Zweiri, 1–15. Lebanon: Ithaca, 2008.
34. *Domínguez R.* Iran: A New Challenge to the EU Foreign Policy. *Miami-Florida European Union Center of Excellence*, 2007, vol. 4, no. 20, pp. 1–11.
35. *Heradstveit D., Bonham M.* "What the Axis of Evil Metaphor Did to Iran". *Middle East Journal*, 2007, vol. 61, no. 3, pp. 421–440.
36. Tehran Chamber of Commerce, Industries, Mines and Agriculture (2016), "Total Imports and Exports to Iran". Available at: <http://www.tccim.ir/ImpExpStats.aspx?slcImpExp=Import&slcCountry=&sYear=2013&mode=doit>, (access date: 06.02.2020).
37. World Bank (2015). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (access date: 04.01.2018).
38. IMF (2015). Available at: <http://www.imf.org/external/datamapper/index.php> (access date: 04.01.2018).
39. *Ruth de Boer L.* Analyzing Iran's Foreign Policy; the Prospects and Challenges of Sino-Iranian Relations, Research Project. Amsterdam: International School for Humanities and Social Sciences (ISHSS); University of Amsterdam, 2009.
40. *Choksy J.* Ahmadinejad: Successful at Home, A Failure Abroad. Available at: <http://www.worldpolicy.org/blog/2011/09/28/ahmadinejad-successful-home-failure-abroad> (access date: 07.03.2020).
41. *Perthes V.* Ambition and Fear: Iran's Foreign Policy and Nuclear Program. *Survival*, 2010, vol. 52, no. 3, pp. 95–114.
42. *Haji-Yousefi A.* Iran's Foreign Policy during the Ahmadinejad era: From Confrontation to Accommodation. Presented to the Annual Conference of the Canadian Political Science Association. Montreal: Concordia University, 2010, pp. 1–25.
43. *Zahirinejad M.* Oil in Iran's Foreign Policy Orientation. *Journal of Peace Studies*, 2010, vol. 17, Iss. 4, October-December, p. 43.

44. *Entessar N.* Ahmadinejad's Second Term and Iran's Nuclear Policy. *Journal of Iranian Research and Analysis*, 2009, vol. 26, no. 2, fall, pp. 37–47.
45. *Harrop W.* Obama's Iran Policy: Mutual Respect Matters. *Iranian Review of Foreign Affairs*, 2010, vol. 1, no. 3, fall, pp. 63–84.
46. UN (2015). Available at: <http://www.un.org/sc/commijees/1737/> (access date: 04.03.2018).
47. *Kattan A.* The Center for Arms Control and Non-Proliferation. Available at: http://armscontrolcenter.org/publications/factsheets/fact_sheet_iran_sanctions/,2013 (access date: 02.12.2020)
48. IMF (2015). Available at: <http://www.imf.org/external/datamapper/index.php> (access date: 04.01.2018).
49. *Movahed M.* Rebooting Iran's Economy: What Tehran Needs to Do to Fix its Finances. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2015-11-22/rebooting-irans-economy> (access date: 05.01.2019).
50. *Akbarzadeh S., Conduit D.* Rouhani's First Two Years in Office: Opportunities and Risks in Contemporary Iran. In: Akbarzadeh, Shahram, Conduit, Dara (Ed.). *Iran in President Rouhani's World Foreign Policy*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
51. *Milani M.* Rouhani's Foreign Policy: How to Work With Iran's Pragmatic New President. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2013-06-25/rouhanis-foreign-policy> (access date: 06.05.2019).

Сведения об авторах

Ачкасов В. А. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

val-achkasov@yandex.ru

Андреев А. А. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

gal7gas@yandex.ru; **Хашеми Б.** Тегеранский университет, Исламская Республика Иран. sab.hashemi@yahoo.com

Балтовский Л. В. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4. leonid.baltovsky@gmail.com

Белоус В. Г. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

vladbel2003@list.ru

Будко Д. А. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

dianabudko@mail.ru

Волков В. А. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

v.a.volkov@spbu.ru

Голубев Д. С. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

denis.golubev@yahoo.com

Грибанова Г. И. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

ggribanova@yandex.ru

Магомадов А. Л. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

skendr@mail.ru

Сафонова О. Д. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

o.safonova@spbu.ru

Рабуш Т. В. Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18. taisarabush@mail.ru

Хана Я., Мокрушина А. А. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

kodzik@inbox.ru

Царёв И. Н., Матюк С. Б. ФГКОУ Санкт-Петербургский кадетский военный корпус, Российская Федерация, 198504, Санкт-Петербург, г. Петергоф, ул. Суворовская, д. 1. vkkk_kadet@mail.ru

Vijan A. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. aref.bijan@gmail.com; **Ejazi E.** University of Guilan, Iran. ehsan.ejazi@gmail.com;

Lakzi M. Islamic Azad University, Central Tehran Branch, Iran. mehdi_lakzi@yahoo.com